

ISSN 0320—8923

**ВОПРОСЫ ИСТОРИИ
МЕЖДУНАРОДНОГО
МОЛОДЕЖНОГО
ДВИЖЕНИЯ**

ТОМСКИЙ ОРДЕНА ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ
И ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ им. В. В. КУЙБЫШЕВА

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ МЕЖДУНАРОДНОГО МОЛОДЕЖНОГО ДВИЖЕНИЯ

Выпуск 9

ИЗДАТЕЛЬСТВО ТОМСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
Томск — 1987

Вопросы истории международного молодежного движения: Сб. статей/ Отв. ред. С. В. Вольфсон. — Томск: Изд-во Том. ун-та, 1987 — 136 с. — 1 р. 20 к. 1000 экз. 0504040000.

В сборнике помещены статьи, в которых исследуются такие проблемы, как кризис системы социализации молодежи в современном капиталистическом обществе, положение и борьба трудящейся и студенческой молодежи ФРГ, Великобритании, США за свои права, политика буржуазных и социал-демократических партий в отношении молодежи во второй половине 70 — начале 80-х гг.

Для историков, преподавателей научного коммунизма, пропагандистов, учителей, комсомольских работников, всех, кто интересуется историей международного молодежного движения.

Рецензент — канд. ист. наук И. А. Володин

Редакционная коллегия: канд. ист. наук С. В. Вольфсон (отв. ред.), В. В. Ковшило, д-р ист. наук В. П. Мошняга, канд. ист. наук Н. С. Черкасов, канд. ист. наук А. Г. Тимошенко, канд. ист. наук Г. Г. Супрыгина.

В 0504040000 11—87
177(012) — 87

© Издательство Томского университета, 1987

Ю. М. КЛИМОВ

КРИЗИС СИСТЕМЫ СОЦИАЛИЗАЦИИ МОЛОДЕЖИ В СОВРЕМЕННОМ КАПИТАЛИСТИЧЕСКОМ ОБЩЕСТВЕ

В жизни каждого молодого человека наступает пора гражданской зрелости, когда он начинает в полной мере осознавать свою принадлежность к обществу, необходимость активного участия в его деятельности, свою ответственность за его дальнейшую судьбу. Эта сложная и противоречивая сама по себе стадия формирования личности, ее определенных жизненных концепций стала для многих молодых людей трагичной из-за остроты и глубины того кризиса, который переживает современное капиталистическое общество. Вступая в сознательную жизнь, молодое поколение сталкивается не с отдельными временными испытаниями и трудностями, а с постоянными жизненными тяготами, вызванными структурными противоречиями государственно-монополистического капитализма, социально-экономическим кризисом капиталистической системы и банкротством буржуазного образа жизни.

С полным основанием можно сказать, что поколение молодежи капиталистического общества 70-х гг. — это поколение обострившегося кризиса капитализма. «Молодые люди, — отмечалось в докладе на Пленуме ЦК ФКП 7—8 ноября 1979 г., — переживают не обычный кратковременный экономический кризис, а кризис общества... Они живут при кризисе и практически не знают другой социальной действительности. Они являются поколением кризиса»¹.

Монополистическая буржуазия пытается использовать достижения научно-технической революции, приспособляя их к своим корыстным интересам, классовым целям. Это приводит к тому, что возможности научно-технической революции далеко не полностью раскрываются, сталкиваясь с барьером частной собственности, стихией конкуренции и рыночных отношений, помноженных на произвол монополий. Это в свою очередь ведет к воспроизводству социальных антагонизмов в

еще больших масштабах, причем не только обостряются все прежние противоречия капитализма, но и порождаются новые. Свидетельство этому — новые кризисные явления в экономике капиталистического мира, и как одно из их проявлений — небывалый рост безработицы, особенно среди молодежи.

К началу 80-х гг. в странах ЕЭС число безработных в возрасте до 25 лет возросло с 2,9 млн. до более 4,4 млн. человек и составляет 37% всех безработных в Западной Европе.

Социальная преемственность в значительной мере определяется профессиональной социализацией. Именно в этой сфере молодежь наиболее простым и естественным путем усваивает социальные образцы поведения. У молодежи, лишенной возможности работать, процесс социализации затруднен, болезнен и затягивается на длительный период. Безработица нарушает непрерывность формирования человеческой личности, затрудняет процесс ее воспитания.

Утрата безработной молодежью ряда основных функций труда приводит к нарушению ритма социальной и культурной жизни, в которой формируется структура личности, к потере перспективы, росту социальной изоляции, усложнению социальной интеграции, социальной дискриминации, потере ориентации в реальности, разрушению социальной и индивидуальной идентичности, порождающей чувство ненужности обществу, другим людям, собственной неполноценности и никчемности². Такие настроения особенно опасны в возрасте 15—20 лет, когда складывающаяся психика отличается принципиальной устремленностью в будущее. Безработица может привести к психической деградации, разрушению человеческой личности.

Подобное положение дел в капиталистическом мире предоставляет буржуазии дополнительные возможности для сверхэксплуатации молодого поколения, в частности, за счет нарушения трудового законодательства, за счет снижения заработной платы юношам и девушкам и т. п. Жестокая эксплуатация молодежи на капиталистическом производстве проявляется также в изматывающем ритме работы, в отсутствии всяких гарантий безопасности труда при очень высокой его интенсивности, в отупляющей монотонности конвейерного труда и т. д.

В таких условиях у современной молодежи капиталистических стран существенно меняется отношение к труду. Как

отмечает французский социолог П. Сартэн, «ни в одной другой области пропасть, разделяющая поколения, не кажется столь глубокой, как в сфере труда»³. В отличие от традиционной оценки труда как самого важного средства интеграции молодежи в общество, в современной действительности он перестает быть священной «целью в себе» и понимается в основном лишь как средство заработка, обеспечивающего необходимые жизненные блага. Происходит перемещение центра тяжести из профессионально-трудовых интересов в сферу нерабочей жизни — досуг, семью, хобби и т. д.

Данные опросов французской работающей молодежи показали, что лишь 32% ее видят в работе «деятельность, от которой они надеются получить наибольшее удовлетворение», 28% считают главным «семейно-домашнюю жизнь», 21% — «досуг», 80% работающей молодежи изъявили желание «сменить работу»⁴. Отсюда и ослабление среди работающей молодежи социальных связей, уход от коллективной жизни, приглушение общественных интересов.

«Аллергией на труд» назвал девальвацию трудовой деятельности в молодежной среде директор французского Института демографических исследований Ж. Руссле. Он квалифицирует это явление как один из видов «тотального отрицания капиталистического общества, традиционной буржуазной морали»⁵. Ж. Руссле справедливо отмечает, что когда перед молодежью ставится вопрос о труде как одной из важнейших форм общечеловеческой деятельности, как об одном из основных элементов самореализации личности, то большинство опрошенных говорят о чувстве глубокой неудовлетворенности, о стремлении иметь интересную, творческую и ответственную работу⁶.

Молодежь выступает против авторитарной системы, иерархической структуры организации капиталистического производства. Буржуазная идеология превращает в «священную обязанность» не сам труд, а принципы послушания и подчинения индивида требованиям капиталистического производства, законам предпринимательства. В условиях капиталистического общества наблюдается прогрессирующая дегуманизация труда, которая определяется утратой его творческого начала, ослаблением самовыражения личности в труде, все более временным циклическим характером трудовой деятельности, отсутствием собственного профессионального выбора. Работа, профессия становятся для молодежи своеобразной лотереей, причем для очень многих проигрышной. «Ей не дают га-

рантий, уверенности в будущем, не предлагают никаких реальных решений, оставляют перед целой гаммой жизненных проблем», — отмечают итальянские социологи-коммунисты⁷. В этих условиях молодежь начинает искать возможности для самореализации, самовыражения во внепроизводственной сфере.

В современных социологических исследованиях проблем молодежи на Западе все чаще употребляется термин «профессиональный маргинализм», при помощи которого раскрывается тенденция к видоизменению традиционных путей вступления в трудовую деятельность. «Маргиналами» называют тех, кто занимается трудом лишь периодически, нерегулярно, чей трудовой статус отличается крайней неустойчивостью и неопределенностью. Одно из основных требований «маргиналов» — возможность свободно распоряжаться своим временем, сохранять определенную автономию по отношению к администрации. Отсюда, в частности, полное равнодушие к своему будущему, что обусловлено трудностями планирования. «Наша молодежь, — заявил один из них, — слишком инфантильна, чтобы строить проекты на будущее... Мы живем одним днем...»⁸. Как отмечает французский социолог А. Леви-Стрингер, распространение среди молодежи «профессионального маргинализма» свидетельствует о разложении капиталистического общества⁹.

Прогрессирующая дегуманизация труда в условиях общего кризиса капиталистической системы сопровождается кризисом и других институтов социализации, особенно семьи и школы. Семья является важнейшей средой, в которой происходит усвоение образцов поведения. Семья определяет условия общих и специальных знаний, с которыми молодой человек вступает в жизнь. Именно здесь происходит первоначальная социализация и обучение. В этом плане серьезной причиной дефицита социализации может служить структурная (отсутствие одного из родителей) и функциональная (внутрисемейный разлад) неполнота семьи. Например, длительная безработица нарушает внутреннюю спаянность даже самых благополучных семей, а в неблагополучных ведет к резкому обострению всех разногласий.

Противоречие между растущими требованиями научно-технического прогресса и реальными социальными отношениями проявляется в нежелании буржуазного общества открывать доступ к знаниям широким массам трудящихся. Капиталистическая система просвещения предопределяет раз-

личные уровни образования для разных социальных слоев молодежи. Это своеобразный социальный барьер, ограждающий привилегии правящего класса. Классовая сегрегация наглядно проявляется в существовании привилегированных школ — «публичных школ» в Англии, лицеев во Франции, гимназий в ФРГ. Как и ряд частных школ, эти школы практически недоступны детям трудящихся из-за классового отбора и высокой стоимости обучения.

К этому следует добавить также расовую и религиозную сегрегацию в системе капиталистического образования. В докладе Комиссии по гражданским правам в США приводятся многочисленные факты сохранения расовой сегрегации в школах и делается вывод, что «дети представителей национальных меньшинств менее всего приблизились к обещанному праву на «равную защиту со стороны закона», провозглашенному в Конституции и решениях Верховного Суда»¹⁰.

Не отвечает требованиям адаптации молодежи в сфере труда и сложившаяся система профессиональной ориентации школьников, неэффективность работы государственных служб по профориентации и трудоустройству, недостатки системы профессионального обучения молодежи. Западногерманские коммунисты Вильгельм Шветман и Ульрих Зандер в работе «Молодежь и классовая или антикапиталистическая деятельность молодежи сегодня» называют профессиональное образование в ФРГ «пасынком системы образования» и приходят к выводу, что оно находится в настоящее время на уровне 20—30-х гг. Несовершенство профессионально-технической подготовки молодежи выросло в развитых капиталистических странах в острейшую социальную проблему.

Ко всему этому следует добавить также кризис системы высшего образования в современном капиталистическом обществе. Даже буржуазные ученые отмечают усиливающуюся бюрократизацию высшей школы, разрыв между ней и производством, преобладание информативного принципа обучения и т. п.¹¹. «Катастрофой в сфере образования» называют некоторые из них неспособность правящих кругов предоставить студентам возможность получить образование и продолжить его в соответствии с интересами народа в целом и потребностями развития производительных сил¹².

При помощи политики социального маневрирования буржуазное государство старается создать хотя бы видимость решения социально-экономических проблем молодежи, пытаясь тем самым способствовать ее интеграции в современное

буржуазное общество. Так называемые программы «гуманизации труда», «рассасывания» все возрастающей армии безработной молодежи, ее «профорientации» и прочие проекты призваны хотя бы временно ослабить конфликтную ситуацию в сфере трудовых отношений.

Разрабатывая различные программы и предложения по борьбе с безработицей, правящие круги преследуют свои классовые цели: предоставление монополиям новых налоговых льгот, расширение прав предпринимателей при увольнении, заключение с молодежью пресловутых контрактов «занятость — обучение», дающих предпринимателям возможность эксплуатировать даровую рабочую силу. Правительства ряда капиталистических стран предоставили монополиям дополнительные субсидии якобы для того, чтобы обратить их внимание на проблемы трудоустройства молодежи. Шведские и новозеландские правительства ввели прямые государственные дотации капиталистам за выплату ими заработной платы молодым. Правительства Франции, Италии, Бельгии, Австрии предоставляют финансовую помощь предприятиям, создающим дополнительные места для профессионально-технического обучения.

Не в состоянии ослабить остроту безработицы также и меры, предпринимаемые капиталистическими государствами в области социального обеспечения. Достижения трудящихся в этой сфере гарантируют им лишь прожиточный минимум. При этом следует иметь в виду, что срок выплаты пособий по безработице ограничен. Кроме того, с середины 70-х гг. правительства почти всех капиталистических стран начали проводить политику «жесткой экономии» в расходах на общественные и социальные нужды. Следует учитывать при этом, что меры так называемой «жесткой экономии» осуществляются в условиях небывалой инфляции, катастрофического роста цен на товары первой необходимости. Согласно американским данным, средние расходы на воспитание одного ребенка до 17 лет в каждые пять лет возрастают почти вдвое¹³.

Все эти и подобные им меры и программы не способны решить кардинально проблему безработицы среди молодежи, так как они не охватывают всех нуждающихся в помощи, носят временный характер, мало согласованы между собой, а нередко даже конкурируют друг с другом, в незначительной степени помогают молодым работающим женщинам, по существу приводят к усилению эксплуатации молодежи на бесперспективных, малооплачиваемых работах.

Исключительно малая результативность принимаемых против безработицы мер объясняется также их непоследовательностью и противоречивостью. Проведение даже частичных реформ в области организации труда, производства и занятости, встречает стойкое сопротивление предпринимателей. Они боятся и не хотят утратить свои привилегии, монополию на управление капиталистическим производством и стремятся сохранить в неприкосновенности структуру отношений с наемной рабочей силой.

Капиталистические монополии пытаются извлечь для себя даже определенные политические выгоды из существующей безработицы молодежи. Они сталкивают интересы пожилых трудящихся с молодыми, вносят раскол в молодежное движение, где пытаются противопоставлять интересы учеников на производстве интересам студентов и учеников старших классов, всячески разжигаются националистические настроения в отношении иностранных рабочих, антипрофсоюзные настроения и т. п. В условиях растущей безработицы монополии ведут наступление на права молодежи, завоеванные ранее в напряженной борьбе, всячески препятствуют политической активности молодых рабочих и учеников на производстве, их деятельности в профсоюзах. В ФРГ, например, принят закон, согласно которому молодые рабочие могут выбирать представителей для защиты своих интересов только на тех предприятиях, где работает не менее 5 человек в возрасте до 18 лет. Это порождает полное бесправие трудящейся молодежи на многочисленных мелких предприятиях.

Безработица молодежи используется реакционными силами также для ее милитаризации. Крупнейшие монополии ФРГ в тесном контакте с военными властями привлекают безработную молодежь к службе в рядах бундесвера возможностью получить необходимые блага: питание, обмундирование, специальность. Не случайно в 1974 г., в самый разгар безработицы, число добровольцев для службы в бундесвере по сравнению с предыдущим годом возросло на 38%¹⁴. В США, Франции и ряде других стран были введены привилегии в систему призыва в вооруженные силы.

Как справедливо отметила Всеобщая конфедерация труда Франции, все «нововведения предпринимателей при капиталистической системе представляют собой более утонченное средство эксплуатации рабочих и интеграции их в систему»¹⁵, поскольку они не устраняют главных противоречий, присущих капиталистическому производству.

Кризис системы социализации подрастающего поколения в условиях буржуазного общества ведет к аномалиям в поведении молодежи, при которых общепризнанные нормы и образцы поведения полностью отвергаются и нередко заменяются на прямо противоположные.

Наиболее типичной моделью низовой стихийной социализации являются молодежные неформальные группы сверстников. Несмотря на многообразие форм, мотивов и причин возникновения подобных групп, их общей чертой является изоляция от истории, отсутствие преемственности, позитивных целей, проекции будущего. А это означает, что под опекой группы социальный багаж индивида не возрастает, его опыт не совершенствуется, его способность к социальной жизни не получает качественного развития. «...Не поддаваясь панике, катастрофизму, не следует замалчивать опасный характер этих явлений, развившихся за последний период. Сколько молодых людей, слишком много молодых людей впадают в отчаяние, теряют почву под ногами. Это серьезно для нации, для рабочего класса; для будущего», — отмечалось на пленуме ЦК ФКП (1979 г.)¹⁶.

Молодежь все отчетливее осознает отсутствие в капиталистическом обществе подлинно гуманных идеалов и духовных ценностей. Не желая воспроизводить социальные отношения капиталистического общества, молодежь ищет выходы из тупиков капитализма. Однако молодежный протест далеко не всегда носит политически направленный и осознанный характер. Немало еще форм протеста пассивных, нигилистических, нередко извращенных, но по существу безрезультатных, если не считать вызова обществу своим поведением и преступной растратой духовных и физических сил («хиппи», «исус-революционеры», «панки», «моды» и т. п.). Подобные формы стихийного протеста молодежи практически не угрожают буржуазному обществу в политическом плане и, как правило, успешно интегрируются в капиталистическую систему.

Культивируя среди молодежи соответствующий «стандарт жизни», идеологи капитализма пытаются притупить ее социальные и политические интересы. Пропаганда буржуазного образа жизни сочетается с направленным коммерческим потоком «индустрии развлечения» в надежде увести молодежь от проблем реальной жизни и осмысления социальной действительности в капиталистическом обществе.

Серьезным инструментом управления поведением молодежи является формирование молодежной моды, модных увле-

чений, особенно в сфере развлечений. Их используют для незаметного закрепления в сознании молодого поколения в основном таких ценностей буржуазного образа жизни, как индивидуализм и личный успех на базе частного предпринимательства. Молодежные «звезды», «кумиры», «идолы» создаются для рекламы личного преуспеяния, достигнутого благодаря их «инициативе». Преуспеяние «идеала» в конечном счете сводится к элементарной рекламе потребительства, индивидуализма и предпринимательской деятельности.

С помощью таких внешне неидеологических приемов обработки молодежи нередко удается гасить ее зарождающийся социальный протест. Погоня за стандартами потребления неизбежно ведет не только к стандартизации вкусов, но также и желаний, психических установок. Жертва потребительства легче поддается управлению, подчинению как в образе жизни, так и в мыслях.

Однако сопоставление иллюзий, навешанных буржуазной пропагандой, с реальными возможностями в жизни неизбежно вызывает у молодых людей чувство разочарования и протеста. Следует также учитывать, что навязчиво пропагандируемые всеми средствами информации потребительские ориентации противоречат естественным стремлениям большинства молодежи служить высоким человеческим идеалам, у нее все более настойчиво проявляется стремление к подлинно человеческим ценностям, обостряется чувство неудовлетворения своим положением и отведенной ролью в обществе¹⁷.

В последние годы, когда уже невозможно отрицать кризисные явления капиталистического общества, буржуазные идеологи стараются выдать их за «кризис цивилизации» вообще. Модным стало утверждение о «тотальном факторе» кризисных явлений, всеобщности молодежного протеста и т. п.

Кризис буржуазного образа жизни, политическая демагогия буржуазных идеологов свидетельствуют о непреодолимом разрыве между провозглашенными буржуазией общественными идеалами и реальной политикой ее господствующей верхушки. Неспособность капиталистического общества удовлетворить не только материальные, но и духовные потребности трудящихся, большинства молодежи — свидетельство глубокого идейного кризиса капитализма. В то же время буржуазия не растеряла еще своих способностей и возможностей снимать социальную напряженность, отвлекать внимание значительной части молодежи от конкретных социальных и политических проблем, отрывать ее от организованной борьбы

рабочего класса и даже интегрировать в систему отдельные молодежные движения протеста.

¹ Pour la jeunesse prenne toute sa place dans le combat de classe. Rapport Charles Fiterman au Comité central du Parti Communiste français, 1979, 7 et 8 Nov., p. 5.

² Heilmann K. Arbeitslose Jugendliche: Ursachen und individuelle Berörtigung eines sozialen Problems. Eine empirische Untersuchung. Darmstadt, 1978.

³ Sartin P. Yeunes au travail, jeunesse sans travail. P., Senie, 1974, p. 9.

⁴ Ibid., p. 22, 57.

⁵ Rousselet J. Allergie au travail. P., Senie, 1974, p. 7.

⁶ Rousselet J. Allergie au travail-mythe ou réalité? — Problèmes économiques, 1976, N 1480, p. 6.

⁷ Bassi P., Pilati A. J giovanie la crisé degli anni settanta. — Roma. El. Riuniti, 1978, p. 51.

⁸ Les jeunes et l'emploi. Paris, 1975, p. 272.

⁹ Levi-S-tringer A. Les marginaux. La nouvelle forse politique en Franse. P., Fajolle, 1977.

¹⁰ Statement on metropolitan school desegregation. Washington, 1977, p. 112.

¹¹ Adolescence and youth in prospect. L., 1977.

¹² Blätter für deutsche und internationale Politik. Köln, 1977, H. 10.

¹³ U. S. News and world report, 1976, 6 sept.

¹⁴ Miese Bildung — mieses System. Weltkreisverlag. Dortmund, 1975,

S. 25.

¹⁵ BGT Bulletin, 1973, N 11, p. 7.

¹⁶ Pour la jeunesse..., p. 5.

¹⁷ Yankelovich D. The new morality. A profile of American youth in the 70's. N. Y., 1974, p. 57.

Т. А. БЯЛИКОВА

**БОРЬБА ПРОГРЕССИВНЫХ СИЛ ФРГ
ЗА ДЕМОКРАТИЧЕСКУЮ РЕФОРМУ
ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ (60-е — начало 80-х гг.)**

Научно-техническая революция, ускорение научно-технического прогресса и повышение роли науки в жизни общества неизмеримо повысили значение системы образования и подготовки высококвалифицированных специалистов, поставили перед ней новые сложные задачи, вытекающие из требований развития производства и общества. Экономический, научно-технический и интеллектуальный потенциал государства в значительной мере обусловливается характером и уровнем развития системы образования и, в частности, высшей школы. Буржуазное государство всегда рассматривало систему высшего образования в качестве одного из рычагов воспроизводства и закрепления классовой структуры, привилегий господствующих классов, насаждения буржуазной идеологии. В то же время повышение спроса на высококвалифицированных специалистов вынуждает правящие круги капиталистических стран в известной степени расширять доступ в высшую школу выходцам из трудящихся слоев. Однако это не означает отказа от использования системы образования как орудия социальной селекции, от стремления сохранить элитарный характер высшей школы. Классовые цели, которые ставит перед высшей школой буржуазия, вступают в противоречие с потребностями развития производства и личности. Вопросы развития системы образования, в первую очередь высшей школы, стоят в ряду важнейших проблем, вокруг которых в капиталистических странах идет острая борьба, являющаяся для прогрессивных сил частью их борьбы за демократию и социальный прогресс.

Система высшего образования в послевоенной Западной Германии за период правления ХДС/ХСС не претерпела существенных изменений. Внимание и усилия правящих кругов были направлены на укрепление в ней позиций монополисти-

ческого капитала, приспособление к нуждам складывающегося военно-промышленного комплекса. В условиях так называемого «экономического чуда», относительно благополучного экономического и социального развития, высшая школа представлялась правящим кругам «здоровой в своей основе»¹. Традиционно немецкая высшая школа отличалась авторитарно-иерархической структурой, всевластием «ординариусов» — штатных профессоров, избираемых на пожизненный срок. Статуты университетов, регулирующие различные стороны деятельности вуза и правила внутреннего распорядка, сохранились со времени Веймарской республики. Многие преподаватели занимали свои должности с нацистских времен. Неизменными по существу оставались сама структура высшей школы, формы и содержание обучения студентов.

В 60-е гг. ситуация в системе высшего образования ФРГ, ее отставание от уровня других стран Запада стали привлекать все больше внимания со стороны политических партий, промышленных кругов, общественности. Начавшийся быстрый рост числа студентов еще больше обострил все проблемы высшей школы, поставил в повестку дня вопрос о необходимости ее реформы. Однако подход различных общественно-политических сил к этой проблеме был разным. Он определялся как их местом и ролью в западногерманском обществе, так и пониманием и оценкой перспектив его развития. Крупная буржуазия ставила целью добиться максимального использования возможностей высшей школы для повышения эффективности всей государственно-монополистической системы — ее экономики, сферы политики и идеологии. На правом фланге выступали ХДС/ХСС, непосредственно выражающие интересы крупного капитала. Они требовали полного и всестороннего подчинения высшей школы экономическим потребностям и политическим интересам монополий путем всемерного расширения контроля и регламентации со стороны органов государства, ограничения демократических прав и свобод в высшей школе.

Социал-демократы, выступая за модернизацию системы образования, признавали необходимость определенной демократизации высшей школы. Однако в целом реформизм СДПГ оставался в рамках политики укрепления экономических и политических основ капиталистического общества.

Позиция прогрессивных сил ФРГ определяется их заинтересованностью в проведении широких демократических реформ. Возрастание роли и значения высшей школы в совре-

менном социально-экономическом развитии общества обусловило актуальность проблем ее реформы, характера и основных направлений ее развития. В 60—70-е гг. реформа высшей школы становится одним из важных аспектов социально-политической и классовой борьбы в ФРГ. Борьба за демократическую реформу высшей школы объективно способствовала расширению анtimoнополистических выступлений, укреплению сотрудничества между различными отрядами прогрессивных сил в ФРГ.

В сентябре 1961 г. Социалистический немецкий союз студентов (СДС), ведущая левая студенческая организация, опубликовал меморандум «Высшая школа и демократия», ставший программой борьбы прогрессивных студентов за демократизацию высшей школы. «Вольно или невольно, — указывалось в нем, — университет оказывает влияние на общественное развитие и расстановку социально-политических сил. Он находится в сфере действия противоречивых общественных тенденций, в области борьбы между демократией и авторитарным порядком, между прогрессом и застоєм»². Отмечая возросшее значение образования и науки, СДС требовал обратить их на службу «гуманистическим потребностям общества», усилить их ответственность перед ним. Целью образования должно быть «воспитание критических способностей, направленных на службу человеку»³. Вопросы ответственности науки перед обществом, необходимости обеспечения «автономии университета», рассматриваемой как свободы от манипуляций в интересах господствующих в обществе сил, были подняты и в другом документе — «Студенты и новый университет» (1962 г.), принятом Союзом немецких студентов. Он объединял студентов университетов и приравненных к ним вузов (студенты высших технических школ имели свою организацию, объединившуюся с Союзом в 1975 г. в Объединение немецких студенческих организаций). Одним из лозунгов демократического студенческого движения этого периода стало требование «Назад к Гумбольдту!» А. Гумбольдт, основавший в 1809 г. Свободный университет в Берлине, с позиций раннебуржуазного либерализма выдвинул новые принципы организации высшей школы. Науке отводилась роль «критической силы», способной повлиять на важнейшие общественные институты, на развитие общества в целом. Исходя из этого, университету необходима автономия для защиты от попыток вмешательства со стороны государства и его органов. В условиях государственно-монополистического капитализма,

усиления тенденции к подчинению всех сфер общественной жизни интересам крупного капитала лозунг защиты традиционной «автономии университета» приобрел особую актуальность. Выступая с требованием укрепления автономии высшей школы, прогрессивные силы пытались воспрепятствовать распространению государственно-монополистического регулирования в области высшего образования и науки, усилению бюрократической опеки и регламентации всех сторон деятельности вуза.

Во второй половине 60-х гг. происходит активизация студенческого движения ФРГ. Оно стало одним из главных потоков общедемократического движения страны, получившего название «внепарламентской оппозиции» (1966—1969), выступившей против империалистической внешней политики, за демократические преобразования в стране. Процесс изменения социального состава студенчества, прежде всего, включение в него представителей средних и даже части пролетарских слоев, оказал заметное влияние на подход студенческого движения к актуальным общественно-политическим проблемам. Одним из проявлений этого явилось выдвижение требования демократической реформы высшей школы и борьба прогрессивной части студенчества за ее осуществление.

Значительное влияние на формирование студенческих требований в области реформы высшей школы оказал Социалистический немецкий союз студентов, за которым в 60-е гг. шло большинство активной критически настроенной части студенчества. Позиция СДС вплоть до его раскола и самороспуска в 1969 г. в значительной степени определяла подход студенческого движения к проблеме реформы вуза. В выдвинутой СДС концепции «преодоления» капиталистического общественного устройства ФРГ реформе высшей школы отводилось важнейшее место. Несмотря на наличие в концепции СДС позиций анархистского, левацкого характера, выдвинутые им требования глубокой демократизации структуры высшей школы и организации учебного процесса, имели прогрессивное значение, стали основой выработанной студенческим движением программы демократической реформы высшей школы. Положительное значение для дальнейшей борьбы за реформу вузов имело ослабление позиций левацких сил в студенческом движении ФРГ на рубеже 60—70-х гг., повышение роли левых студенческих организаций⁴. Созданный в 1971 г. Марксистский студенческий союз (МСС) «Спартак» и Социал-демократический (с 1972 г. — Социалистический) со-

юз высшей школы (СХБ) возглавили борьбу прогрессивного студенчества за демократическую реформу высшей школы. Главным в тактике МСС «Спартак» и СХБ явился курс на укрепление единства действий всех прогрессивных студенческих организаций и сотрудничества с рабочим классом (политика «профсоюзной ориентации») в борьбе за демократизацию системы высшего образования. Представители МСС «Спартак», СХБ, а также ряда других студенческих организаций — вузовских групп «Молодых социалистов» и Либерального союза высшей школы — с начала 70-х гг. формируют правление головной студенческой организации ФРГ, ставшей инициатором и координатором борьбы широких масс студентов за демократическую реформу высшей школы.

В мае 1972 г. на собрании Союза немецких студентов представители Всеобщих студенческих комитетов (постоянно действующих органов студенческого представительства, состав которых определяется по результатам выборов в студенческие парламенты вузов) приняли программный документ — «6 пунктов», содержащий основные требования студентов. Эта программа рассматривалась прогрессивным студенчеством ФРГ как альтернатива государственно-монополистической политике в отношении высшей школы, проектам основных политических партий, стремящихся превратить вузы, по выражению руководителей Союза, в «фабрики с казарменными порядками по производству верноподданных»⁵. По мнению Союза, основными принципами проведения демократической реформы должны быть укрепление автономии вузов, защита от прямого вмешательства в дела высшей школы связанных с монополиями государственных органов. В программе говорилось: «Автономия освобождает высшую школу не от общественной ответственности, а от использования ее в интересах господствующих сил, является шансом поставить науку и образование на службу жизненным интересам трудящихся, т. е. большинства населения»⁶. Были выдвинуты и конкретные требования: устранение мелочной опеки и надзора со стороны государственной бюрократии в вопросах выбора руководства и всех органов вузовского самоуправления, право высшей школы свободно распоряжаться своим бюджетом, обеспечение прав представителей вузов в деле планирования подготовки специалистов. Одним из ключевых вопросов реформы Союз немецких студентов считал создание единой системы высшего образования: общей интегрированной высшей школы, позволяющей осуществлять выравнивание шансов на

получение высшего образования, законодательное закрепление единых правил приема и программ обучения для всех вузов страны.

Реформа процесса обучения должна быть делом самой высшей школы при сотрудничестве с представителями профсоюзов. Одним из важных пунктов программы являлось требование запретить в вузах военные исследования, освободить содержание образования от националистических, реваншистских и других реакционных идей. Прогрессивные студенты ФРГ потребовали «покончить с методами политической селекции преподавательских кадров»⁷, с дисциплинарными мерами в отношении прогрессивных ученых, прежде всего марксистов.

Планирование и финансирование научно-исследовательской работы в вузах, по мнению Союза, должны подлежать демократическому контролю, приоритет в научных исследованиях должен быть предоставлен вопросам здравоохранения, охраны окружающей среды, градостроительства, использования атомной энергии в мирных целях, проблемам планирования самой системы образования.

Ключевым пунктом программы Союза немецких студентов в области реформы высшей школы явилось требование предоставить равное право голоса представителям преподавательского состава, студентов, административно-технического и вспомогательного персонала в решении всех вопросов внутривузовской жизни. Как указывалось в «6 пунктах», «только основанная на демократических принципах высшая школа сможет внести свой вклад в дело расширения демократии и общественного прогресса»⁸.

В плане защиты интересов студентов было выдвинуто требование юридического признания (как на федеральном уровне, так и в земельных законах о высшей школе) существующей в ФРГ системы органов студенческого представительства, вплоть до головной организации — Союза немецких студентов, их права на финансовую самостоятельность и выражение политических интересов. Этот пункт программы приобретал особую актуальность в условиях возросшей социально-политической активности западногерманского студенчества, с одной стороны, и усилившихся попыток правых сил воспрепятствовать «политизации» (подразумевалось влияние левых сил) высшей школы, с другой стороны.

Программа Союза немецких студентов, отвечавшая интересам широких слоев студенчества, явилась боевой платформой

мой борьбы за демократизацию высшей школы. Дискуссия о реформе вузов, развернувшаяся в конце 60-х гг. в широких кругах общественности ФРГ, способствовала поляризации позиций по вопросу о путях и методах решения проблем высшей школы. Этот процесс нашел яркое отражение в самих вузах, прежде всего, среди научно-преподавательского состава. Большинство ординарных профессоров и других сотрудников вузов, стоявших на высших ступенях университетской иерархии, выступали против любых попыток демократизации высшей школы, усматривая в этом покушение на свои права и привилегии. В июне 1968 г. около 1500 профессоров из различных вузов подписали Марбургский «Манифест по вопросу о политизации и так называемой демократизации высших школ Федеративной Республики». В этом документе указывалось на «возросшую опасность и угрозу самой сущности немецкой высшей школы»⁹. Эта опасность, по мнению авторов Марбургского манифеста, исходит от «радикальных групп» (имелись в виду прежде всего прогрессивные студенческие организации), которые, дескать, прикрываясь лозунгом «демократизации университета», стремятся ограничить свободу науки и обучения, что «означает их гибель»¹⁰. При этом «свобода науки и обучения» рассматривалась в манифесте как право отдельных лиц, главным образом профессоров, отсутствие любого рода контроля над их преподавательской и научной деятельностью. Для защиты своих привилегий реакционная часть преподавателей вузов в ноябре 1970 г. объединилась в «Союз свободы науки», ставший форпостом консервативных сил в высшей школе.

Иную позицию занимали многие «непривилегированные» преподаватели и сотрудники высшей школы. В августе 1968 г. федеральная конференция ассистентов вузов (БАК) на заседании в г. Кройцнах опубликовала «Тезисы к организации высшей школы и перестройке структуры преподавательского состава», получившие название «Кройцнахской концепции». В этом документе сформулирован ряд основных принципов и положений для проведения демократической реформы вузов. БАК выступила за сохранение автономии высшей школы, расширение прав и полномочий органов вузовского самоуправления, участие в их деятельности представителей всех групп вузовского коллектива, включая студентов. Принципиально иной, по ее мнению, должна стать структура преподавательского состава: «Необходимо покончить с нынешним положением ассистентов, которые лишены самостоятельности в воп-

росах обучения студентов и научной работе, лично зависимы от ординарных профессоров»¹¹. В целях повышения качества преподавательской и научной деятельности была предложена новая структура преподавательского состава в вузах из 2 категорий: профессор (на пожизненный срок) и ассистент-профессор (сроком на 6 лет с переаттестацией и переводом на должность профессора). Новая структура должна была заменить существовавшую многоступенчатую иерархию преподавательского состава (ординарный профессор, внештатный профессор, доцент, ассистент, академический советник, тьютор и пр.) более демократической структурой, облегчить талантливым молодым ученым возможность повышения научно-педагогической квалификации, профессионального роста.

БАК выступила за создание общей интегрированной высшей школы как основы всей системы высшего образования, осуществление реформы процесса обучения, модернизацию его содержания, усиление связи с практикой. «Кройцнахская концепция» БАК получила широкую поддержку прогрессивно настроенной части преподавателей вузов. В целях укрепления их позиций в 1972 г. был создан Союз демократических ученых, объединивший «марксистов и либералов, коммунистов и социал-демократов для проведения совместной демократической политики в области образования и науки»¹².

В начале 70-х гг. вопрос о реформе высшей школы стал предметом острой политической дискуссии между правящей социал-либеральной коалицией и блоком ХДС/ХСС. Административно-технократический подход к реформе, проекты которой выдвинули ХДС/ХСС, призван был служить интеграции высшей школы в систему ГМК. Любые попытки демократизации высшей школы наталкивались на ожесточенное сопротивление правых сил, стремившихся ликвидировать право голоса представителей всех групп вузовского коллектива, кроме профессоров, в органах самоуправления вуза. ХДС/ХСС заявили о том, что закон о реформе, не отвечающий этой цели, не получит одобрения оппозиции в бундестаге¹³.

Социал-демократы, выступившие инициаторами реформы высшей школы, включили в первоначальный проект ряд предложений о ее демократизации, в частности, о создании интегрированной высшей школы, предоставлении равного права голоса представителям всех групп, в том числе студентам, официальном признании Союза немецких студентов с «политическим мандатом». Свою роль в этом сыграло давление со сто-

роны широко развернувшегося в вузах движения за демократическую реформу, стремление СДПГ сохранить свой авторитет в них и обеспечить поддержку своей политики. По опросам, в начале 70-х гг. из 100 студентов 45, из 100 преподавателей — 36 поддерживали СДПГ¹⁴.

Объявить себя поборницей демократизации высшей школы СДПГ вынуждало также давление на нее со стороны профсоюзов. Вступление в дискуссию о реформе высшей школы Объединения немецких профсоюзов (ОНП) явилось свидетельством ее выхода за вузовские рамки, решение вопроса о характере и перспективах развития высшей школы связывалось с процессом общественно-политического развития страны. Выступая на праздновании 450-летия Марбургского университета, председатель ОНП Х. О. Феттер признал, что между профсоюзами и высшей школой традиционно имели место «нарушенные взаимоотношения»: «Глубокое недоверие профсоюзов основывалось на представлениях о том, что в высшей школе выковывается духовное оружие против рабочего движения»¹⁵. В связи с возросшим значением науки и образования в развитии производства, в жизни общества в целом значительно вырос интерес профсоюзов к их проблемам: «Университет не должен вечно ориентироваться в первую очередь на интересы капиталистической экономики и политического консерватизма! Наука как производительная сила может быть обращена на пользу демократическим изменениям общества, осознанно способствовать социальному прогрессу»¹⁶. ОНП приняло ряд документов, содержащих точку зрения профсоюзов по проблемам образования и, в частности, высшей школы. В марте 1972 г. федеральное правление ОНП опубликовало «Позиции Объединения немецких профсоюзов по вопросу о политике в области образования». В этом документе содержатся основные принципы и положения реформы всей системы образования — от учреждений дошкольного воспитания до высшей школы и системы повышения квалификации рабочих и служащих. ОНП выдвинуло требование обеспечения равенства молодежи при получении образования независимо от социального происхождения и положения и введения новой организационной структуры системы образования на основе принципов единообразия, преемственности различных ее ступеней, демократизации¹⁷.

В мае 1973 г. правление ОНП приняло так называемые «23 тезиса» — программу требований в области реформы высшей школы. Выразив свою заинтересованность в проведении ее

демократической реформы, ОНП выдвинуло ряд конкретных предложений по перестройке системы высшего образования, исходя из интересов широких слоев трудящихся. ОНП потребовало коренной реорганизации существующей структуры вузов с целью создания общих интегрированных высших школ. Такая форма вуза будет способствовать преодолению существенных различий между университетом, обучение в котором ориентировано в основном на приобретение теоретических знаний, и высшей технической школой, дающей больше практических навыков в подготовке специалистов. Должна быть также проведена реформа содержания и форм обучения, которая должна обеспечить тесную взаимосвязь теоретической подготовки с практикой в ходе учебы будущих специалистов. Высшая школа призвана активно участвовать в деле повышения квалификации трудящихся: вуз должен быть открыт для рабочих, желающих получить высшее образование, профессиональный опыт должен стать одним из главных критериев при приеме в вуз. На всех ступенях обучения студенты должны получать необходимую финансовую помощь от государства. ОНП выступило за равное право голоса для преподавателей, научного и технического персонала, студентов в решении всех вопросов управления, обучения и научно-исследовательской работы в вузе. Профсоюзы осудили попытки ввести специальный «дисциплинарный устав», регламентирующий правила внутреннего правопорядка в вузах, поддерживали требования студентов сохранить и официально признать сложившуюся систему органов студенческого представительства, включая головную организацию — Союз немецких студентов, и предоставить ему «политический мандат»¹⁸.

Принятие ОНП, крупнейшей массовой организацией трудящихся, программы в области реформы высшей школы, основные положения которой отвечали интересам широких демократических сил, явилось важным моментом в их борьбе против государственно-монополистической политики в этой области, однако надо отметить, что эта программа имела ограниченный характер, обусловленный исходной реформистской позицией профсоюзного руководства. Осуществление реформы предусматривалось в рамках существующей системы, проведение ее полагалось делом государственных (федеральных и земельных) органов; на демократическом контроле, в том числе со стороны организаций трудящихся, ОНП не настаивало.

Единственной партией, последовательно выступавшей за

коренные демократические преобразования системы образования, была Германская коммунистическая партия. Еще в документах Эссенского (1969 г.) съезда ГКП указывалось: «Концепция (правящих кругов. — Т. Б.) в области образования не отвечает требованиям ни современности, ни тем более будущего»¹⁹. В 1970 г. ГКП представила развернутую программу преобразований — «Предложения по демократизации образования», которые должны стать составной частью борьбы против капиталистического господства вообще в плане решения вопроса о том, «будет ли школа способствовать усилению власти монополий или демократическому, антиимпериалистическому преобразованию западногерманского общества»²⁰.

30—31 мая 1970 г. VI Пленум правления ГКП принял резолюцию «За демократическую реформу высшей школы. Предложения Германской коммунистической партии к реформе высшей школы». В этом документе четко сформулированы основные направления подлинной демократизации системы высшего образования: обеспечение независимости образования и науки от интересов военного производства и капиталистической жадности прибыли; увеличение ассигнований на высшую школу, прежде всего за счет сокращения военных расходов и введения налога на образование с крупных предприятий; общедоступность высшего образования, создание единой интегрированной высшей школы; реформа содержания и методов обучения, осуществляемого в интересах развития личности и общества в целом; предоставление студентам, ассистентам, другим сотрудникам высшей школы права участвовать в решении всех вопросов деятельности вуза; установление демократического контроля профсоюзов, общественности во всех областях высшего образования²¹. «Борьба за демократическую реформу высшей школы, — отмечалось на Гамбургском (1973 г.) съезде ГКП, — является делом не только прогрессивных студентов. Эта борьба, в первую очередь, — дело рабочего класса и его боевых организаций»²². Выступая со своей программой демократической реформы высшей школы, ГКП поддерживала справедливые требования студенчества, прогрессивных преподавателей и ученых, профсоюзов.

С середины 70-х гг. в ФРГ существенно изменяется социально-экономическое положение, обусловленное прежде всего экономическим кризисом 1974—1975 гг. и его последствиями. В общественно-политическом развитии Федеративной Респуб-

лики происходит усиление правых тенденций. Ухудшение финансово-экономической ситуации и затянувшееся на годы обсуждение в бундестаге проектов реформы высшей школы создали обстановку, в которой консервативные силы развернули кампанию «антиреформ», в том числе в области образования. Правящая социал-либеральная коалиция при обсуждении законопроектов о реформе высшей школы в бундестаге сдавала одну за другой свои первоначальные позиции, делала уступку за уступкой правым силам. Такая ситуация привела к усилению реакционных тенденций в политике правящих кругов в отношении высшей школы. В этих условиях перед прогрессивными силами ФРГ встала задача укрепления сотрудничества для отпора реакционным устремлениям государственно-монополистических кругов в этой области. Особую роль в этом должно было играть единство действий демократических сил вузов с профсоюзами, создающее «противовес прямому и косвенному влиянию крупного капитала на высшую школу»²³. В программной статье «Чего ожидают профсоюзы от высшей школы?» председатель ОНП Феттер отметил значительные трудности и препятствия на пути такого сотрудничества: «социальная дистанция между академиком и рабочим», существующая подчас «враждебность рабочих масс в отношении применения результатов научных исследований, будь то новые машины и новые технологии, которыми они не в состоянии овладеть и которые лишают их рабочих мест, или новые идеологические теории, в конечном счете обвиняющие их самих во всех политических и экономических трудностях»²⁴. Лидер профсоюзов выразил надежду, что с обеих сторон будут приложены усилия для преодоления препятствий на пути укрепления сотрудничества профсоюзов и высшей школы, «ибо другого пути для того, чтобы оказывать действенное влияние на общественные отношения, отражающиеся также и на положении высшей школы, нет»²⁵.

18 декабря 1975 г. после многолетних дебатов бундестаг принял Общий закон о высшей школе, который впервые в федеральном масштабе создал единую правовую основу для формирования системы высшего образования. Этот закон носил компромиссный характер, в окончательной его редакции содержались существенные уступки социал-либеральной коалиции в пользу концепции ХДС/ХСС по важнейшим аспектам реформы вузов. Суть общего закона состоит в попытке распространения на высшую школу механизма государственно-монополистического регулирования. С одной стороны, суще-

ственно расширены возможности контроля и регламентации всех сторон деятельности вузов со стороны государственных органов — в вопросах финансирования, организации, управления, кадровой политики, содержания учебно-воспитательной и научно-исследовательской работы. С другой стороны, значительно урезаны демократические права и свобода в вузе — право представителей различных академических кругов участвовать в самоуправлении высшей школы, определять основные направления учебной и научной работы, заниматься активной политической деятельностью. Антидемократические положения Общего закона касаются в первую очередь студентов, для основной массы которых этот закон означает значительное ухудшение социального положения, условий научной и профессиональной подготовки и связанных с ними перспектив.

Несмотря на наличие отдельных элементов рационального подхода в плане модернизации структуры вузов, организации учебного процесса, его содержания и форм, Общий закон в целом способствовал капиталистической «рационализации» высшей школы в угоду интересам крупного капитала. Он отражает стремление правящих кругов ослабить влияние в высшей школе демократических сил и идей, создать условия для собственного длительного практического и идеологического влияния на ее характер и развитие.

Прогрессивное студенчество, значительная часть преподавателей, профсоюзы, другие демократические силы ФРГ оценили Общий закон о высшей школе как реакционный, как покушение на демократические права. Председатель МСС «Спартак» Ш. Лендорф заявил: «Он ставит целью создание массового университета империалистического типа, который призван исполнять обязанности профессиональной школы по подготовке кадров для монополистического капитала и капиталистического государства»²⁶.

Принятие закона о реформе высшей школы положило начало новому этапу борьбы прогрессивных сил ФРГ за демократизацию системы высшего образования. Студенческое движение выдвинуло требование отмены наиболее антидемократических положений закона о реформе: строгого ограничения времени обучения в вузе без соответствующих мер по улучшению социально-экономического положения студентов, урезывания их права участвовать в решении вопросов внутривузовской жизни, применения дисциплинарных санкций против студентов, ущемления основных политических свобод в выс-

шей школе. В стране начались массовые акции протеста студентов против проведения в жизнь Общего закона о высшей школе. Вершиной студенческого протеста явилась первая в истории ФРГ национальная студенческая забастовка в декабре 1977 г., в которой приняли участие около 500 тыс. студентов из 145 вузов, т. е. $\frac{2}{3}$ общего числа студентов ФРГ²⁷. Сolidарность со справедливыми требованиями студентов выразили ГКП, многие молодежные организации, отраслевые профсоюзы. В борьбе против реакционного закона о реформе вузов студенческое движение ФРГ поднялось на новую ступень своего развития, характерными чертами которой явились массовость движения протеста, растущая организованность и сознательность, планирование и координация действий в земельном и федеральном масштабе, разнообразие форм борьбы.

Наиболее важным моментом явилось укрепление взаимопонимания и сотрудничества студенческого движения с другими отрядами демократических сил, прежде всего с профсоюзами и организациями рабочей молодежи. Этому способствовало проведение совместных действий — митингов, демонстраций, семинаров и дискуссий по актуальным внутри- и внешнеполитическим проблемам, участие профсоюзных деятелей в работе «демократического антиуниверситета» (форма студенческого протеста, ставившая целью показать альтернативу существующим порядкам буржуазного университета). Необходимость укрепления единства демократических сил обуславливалась и задачами отпора наметившемуся в конце 70-х гг. ощутимому сдвигу «вправо» во внутренней и внешней политике ФРГ.

На первом этапе борьбы за реформу высшей школы (60-е — первая половина 70-х гг.) в центре дискуссии находились вопросы демократизации структуры системы высшего образования — управления и самоуправления вуза, преподавательского состава и т. д. Главными требованиями прогрессивных сил были «автономия» высшей школы в рамках государственно-монополистической системы и демократизации всей внутривузовской жизни, предоставление всем группам вузовского коллектива равного права голоса в органах самоуправления. Принятие Общего закона о высшей школе означало решение этих вопросов в целом в духе административно-технократической концепции консервативных сил, стремившихся поставить заслон демократизации высшей школы.

После принятия Общего закона, во второй половине

70-х гг., на первый план выдвигается вопрос о реформе самого процесса обучения, вокруг которого развернулась острая борьба. Закон предусматривал создание специальных комиссий по подготовке и проведению реформы обучения, в задачу которых входила выработка рекомендаций, составление конкретных программ и планов обучения по различным специальностям. В состав этих комиссий должны были входить представители государственных органов, вузов и «профессиональной практики» (имелись в виду представители монополий, а не профсоюзов, как требовали прогрессивные силы). Таким образом, государственно-монополистические круги получили возможность оказывать непосредственное влияние и на содержание обучения.

Прогрессивные силы ФРГ решительно выступают против превращения высшей школы в придаток капиталистического хозяйства и распространение его принципов на высшую школу, против превращения студентов в «специализированных идиотов». Союз демократических ученых в 1978 г. принял «Предложения и требования для проведения демократической реформы обучения». Они включают отказ от разделения обучения на основной и расширенный курсы, ибо оно способствует сохранению и закреплению социального и материального неравенства; отмену строго фиксированных сроков обучения и применения различных санкций в случае их нарушения. Союз высказался за большую практическую ориентацию обучения, перенос центра тяжести в научно-исследовательской работе из области интересов частнокапиталистического хозяйства в сторону ориентации на общественные потребности. Решающее слово в комиссиях по подготовке реформы обучения должно принадлежать представителям вузов, включая студентов, и профсоюзам²⁸. Профсоюз работников воспитания и науки также решительно выступил против недемократических и враждебных целям образования и науки мер, направленных на формирование процесса обучения в интересах господствующих классов. «Мы не можем быть равнодушными к тому, чему обучаются будущие врачи, психологи, инженеры, учителя, юристы. Их образование оказывает влияние на условия труда и жизни рабочих»²⁹.

В 1979 г. были опубликованы «Тезисы ОНП к реформе обучения». В этом документе перед высшей школой ставится задача всесторонней подготовки будущих специалистов к трудовой и общественной деятельности. По мнению профсоюзов, «усиление связи обучения с практикой не должно сужать

образование до уровня узкопрофессиональной подготовки и тем более некритического приспособления к существующему положению на рынке труда»³⁰. ОНП потребовало обязательного включения в учебные планы для всех специальностей социально-политических дисциплин, с тем, чтобы высшее образование находилось на уровне своих общественных задач. Многие отраслевые профсоюзы приняли участие в работе организованных по инициативе и под руководством общестуденческой организации ФРГ конгрессов по проблемам реформы обучения, выработке конкретных рекомендаций и предложений по отдельным специальностям. Эти конгрессы, а также многочисленные семинары, организуемые студентами совместно с представителями прогрессивно настроенных преподавателей и профсоюзов, являются формой борьбы против реформы обучения «сверху» и одновременно дают ее демократическую альтернативу. В конце 70 — начале 80-х гг., в обстановке усиления экономических трудностей в стране, обострились материальные проблемы высшей школы. Властями стала проводиться политика «красного карандаша», сокращения средств на образование, начатая социал-либеральной коалицией и в еще большей степени продолженная пришедшим ей на смену в 1982 г. правительством правых сил. Государственно-монополистические круги ФРГ через возглавляемое ХДС/ХСС правительство взяли курс на выхолащивание осуществленных социал-либеральной коалицией в первой половине 70-х гг. реформ, отмены социальных завоеваний прогрессивных сил, достигнутых в 70-е гг. Под лозунгом необходимости «поворота» эта политика последовательно стала проводиться и в области высшего образования. На должность федерального министра образования и науки была назначена Д. Вильмс, принадлежащая к правому крылу ХДС, руководитель одного из отделов Института немецкой экономики в Кельне, созданного объединением западногерманских предпринимателей. Таким образом, монополии получили возможность прямого влияния на высшую школу, поставив во главе министерства «своего» человека.

Один из первых ударов правые силы нанесли по материальному положению учащихся. Практически была ликвидирована федеральная система «содействия образованию», закон о которой был принят в 1971 г. с целью обеспечения «равенства шансов» при получении образования детьми из низших слоев общества. С октября 1983 г. вступило в силу изменение к этому закону: стипендии для старших школьников

практически отменяются, стипендии студентам выдаются в форме подлежащей возврату после окончания вуза ссуды. По мнению федерального объединения немецких работодателей, «студенты должны вносить вклад в расходы их на обучение с тем, чтобы повысить чувство ответственности за него»³¹. Монополии требуют предоставлять стипендии не по принципу социального происхождения и материального положения студента, а по результатам достигнутых им успехов в обучении. Вынашиваются планы ввести плату за обучение в вузах. Эта политика направлена на то, чтобы закрыть доступ в вуз выходцам из трудящихся слоев, усилить социальные привилегии имущих классов в области образования.

В ноябре 1983 г. Д. Вильмс опубликовала «16 тезисов» по вопросу о политике в области высшего образования с целью обосновать необходимость изменения Общего закона о высшей школе в плане еще большего подчинения ее интересам крупного капитала. Вильмс призвала к «повороту в образовательной политике в сторону реализма», главными лозунгами которого должны стать «соревнование между вузами» и ориентация на «интересы тех, кто участвует в финансировании высшей школы», т. е. в первую очередь крупных концернов³². Государственная политика в отношении высшей школы последовательно развивается по пути распространения на нее принципов «социального рыночного хозяйства», с его конкуренцией, вытеснением более слабых, эксплуатацией и пр. Требуемое ХДС/ХСС «духовное обновление», — отмечалось на 7-м съезде ГКП (январь 1984 г., Нюрнберг), — означает для федерального правительства удушение всех демократических начинаний в области образования, средств массовой информации и культуры... Университеты для элиты призваны готовить верных лакеев крупного капитала»³³.

Многие из планов, выдвигаемых правыми силами в области высшей школы, вынашивались еще в 70-е гг., когда ХДС/ХСС находились в оппозиции, в частности, отказ от создания интегрированных вузов, ускоренное развитие так называемого полупрофессионального сектора высшего образования, призванного в максимально короткие сроки готовить специалистов среднего технического звена для монополий и сферы обслуживания, восстановление всевластия профессоров, урезывание демократических прав студентов и т. д. Однако опасность этих планов неизмеримо возросла в условиях, когда ХДС/ХСС пришли к власти. Это требует от прогрессивных сил нового подхода в борьбе против «правого поворота» в об-

ласти высшей школы. Эта борьба проходит в чрезвычайно сложных условиях, связанных как с финансово-экономической ситуацией, так и с общественно-политическим климатом ФРГ в последние годы. Правые силы активизировались и в самих вузах — реакционные союзы преподавателей, правые и ультраправые студенческие объединения пытаются ослабить позиции левых сил, подорвать их авторитет и влияние среди широких масс студентов. Левые студенческие организации своей главной задачей считают мобилизацию студентов для защиты прав и социальных завоеваний, которых демократическое студенческое движение добилось в предшествующее десятилетие. Для того, чтобы остановить «марш вправо», призывает МСС «Спартак», необходимо сплотить «широкое большинство левее ХДС/ХСС»³⁴, использовать позитивные моменты в подходе ушедшей в оппозицию СДПГ к проблемам высшей школы, укрепить сотрудничество с профсоюзами, другими демократическими силами ФРГ. От решения этой задачи во многом зависит дальнейший путь развития высшей школы, ее место и роль в борьбе демократических сил против поворота «вправо» во внутренней и внешней политике Федеративной Республики Германии.

¹ Schmid C. Staatliche Hochschulpolitik in der Bundesrepublik. Daten, Strukturen, Tendenzen. — Aus Politik und Zeitgeschichte, 1984, N 3—4, S. 11.

² Цит. по: Weyer H. MSB/Spartakus. Von der studentischen Protestbewegung zum Klassenkampf. Stuttgart; Degerloh, 1973, S. 71.

³ Ibid., S. 72.

⁴ Подробнее см.: Реутова С. Демократическое студенческое движение в ФРГ и Западном Берлине. — Мировая экономика и международные отношения, 1970, № 6; Супрыгина Г. Г. Студенческие организации СДПГ в 60 — начале 70-х гг. — Вопросы истории международного молодежного движения и всеобщей истории. Томск, 1973, вып. 3.

⁵ Blätter für deutsche und internationale Politik, 1972, H. 7, S. 752.

⁶ Ibid., S. 754.

⁷ Ibid., S. 756.

⁸ Ibidem.

⁹ Jacobsen H.-A., Dollinger H. Die deutschen Studenten. München, 1969, S. 202.

¹⁰ Ibidem.

¹¹ Ibid., S. 242.

¹² Blätter für deutsche und internationale Politik, 1972, H. 7, S. 752.

¹³ Frankfurter Allgemeine Zeitung, 4. Januar, 1972.

¹⁴ Spiegel, 1975, N 1—2, S. 48.

¹⁵ Vetter S. O. Was erwarten die Gewerkschaften von den Hochschulen? — Blätter für deutsche und internationale Politik, 1977, H. 8, S. 969.

¹⁶ Ibidem.

- ¹⁷ Die Bildungspolitik des Deutschen Gewerkschaftsbundes 1949—1979. Stuttgart, 1980, S. 110—119.
- ¹⁸ Landefeld B., Lederer H., Lehdorf S. Der Streik. Dortmund, 1978, S. 149—152.
- ¹⁹ Эссенский (1969 г.) и Дюссельдорфский (1971 г.) съезды Германской коммунистической партии. М., 1973. с. 83.
- ²⁰ Гернс В. Кризис системы образования. — Проблемы мира и социализма, 1970, № 7, с. 116.
- ²¹ Für die demokratische Hochschule. Vorschläge der DKP zur Hochschulreform. Düsseldorf, 1970.
- ²² Гамбургский съезд Германской коммунистической партии. М., 1975, с. 28.
- ²³ Vetter H. O. Op. cit., S. 976.
- ²⁴ Ibid., S. 978.
- ²⁵ Ibid., S. 976.
- ²⁶ Rote blätter, 1976, N 11, S. 16.
- ²⁷ Marxistische Blätter, 1978, N 2, S. 72.
- ²⁸ Blätter für deutsche und internationale Politik, 1979, N 1, S. 111—117.
- ²⁹ Unsere Zeit, 1978, 4. Jul.
- ³⁰ Unsere Zeit, 1979, 6 März.
- ³¹ Unsere Zeit, 1983, 12 Mai.
- ³² Unsere Zeit, 1984, 21 Febr.
- ³³ Unsere Zeit, 1984, 31 Jan.
- ³⁴ Unsere Zeit, 1983, 24 Sept.
-

В. В. МИКУШОВ

**БОРЬБА ДВУХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ЛИНИЙ
В ПРОФСОЮЗНОМ ДВИЖЕНИИ ФРГ
И «ПРОФСОЮЗНАЯ МОЛОДЕЖЬ В ОНП»
(конец 60-х — начало 80-х гг.)**

Объединение немецких профсоюзов и его молодежная организация «Профсоюзная молодежь» играют важную роль в борьбе западногерманского рабочего класса за свои права и социальный прогресс. «Профсоюзная молодежь в ОНП» объединяет в своих рядах более 1,2 млн. молодых рабочих, служащих и учеников на производстве. Являясь составной частью ОНП, организация по целому ряду вопросов занимает более левые позиции, чем само объединение. В значительной степени благодаря усилиям ПМ руководство ОНП со второй половины 60-х гг. стало более чутко реагировать на потребности трудящейся молодежи, более решительно выступать в защиту ее прав и интересов. Под давлением молодежных и низовых организаций руководство ОНП было вынуждено пересмотреть некоторые пункты своих программных документов.

В 1969 г. правительство ФРГ возглавила Социал-демократическая партия (СДПГ), обещавшая улучшить условия труда и оплаты рабочих, проводить более реалистическую, чем прежде, внешнюю политику. Некоторые из данных обещаний были осуществлены в период 13-летнего пребывания социал-демократов у власти. Однако это не является исключительно заслугой СДПГ, так как этого на протяжении многих лет добивались профсоюзы и трудящиеся ФРГ.

Еще в 50-е гг. в ОНП — самом крупном профсоюзе объединения ФРГ — сформировались две основные политические линии, между которыми развернулась острая борьба. Представители «интеграционистской» линии проводят соглашательский, реформистский курс, направленный на включение профсоюзного движения в систему государственно-монополистического капитализма ФРГ. Приверженцы «классовой» ли-

нии настаивают на проведении профсоюзами самостоятельной политики, выступают за применение активных форм борьбы за улучшение положения трудящихся, за достижение глубоких демократических перемен в стране¹. Между ними нельзя провести четкой грани, позиции их сторонников порой весьма сложно переплетаются. К середине 60-х гг. намечается усиление левой, «классовой» линии, хотя ее сторонники в той или иной степени, как правило, находятся под влиянием официальной идеологии СДПГ — теории «демократического социализма», различных реформистских иллюзий.

Борьба двух течений в ОНП самым непосредственным образом отражается и в «Профсоюзной молодежи». Хотя в целом ПМ занимает позиции на левом фланге западногерманского профсоюзного движения, но на отдельные входящие в нее отраслевые молодежные организации и особенно на ее федеральное руководство, непосредственно подчиненное руководящим органам ОНП, «интеграционистская» линия оказывает существенное влияние.

Нарастание левых тенденций в ПМ происходило под влиянием подъема демократического и молодежного движения в ФРГ во второй половине 60-х — начале 70-х гг. Оно было обусловлено также экономическим кризисом 1966—1967 гг., опровергнувшим насаждаемые правящими кругами ФРГ концепции «общества всеобщего благосостояния», «народного капитализма», и политическим кризисом 1966 г., завершившимся вхождением СДПГ в коалиционное правительство с христианскими демократами. Создание правительства «большой коалиции» показало, с одной стороны, неспособность ХДС/ХСС самостоятельно вывести страну из кризиса, а, с другой — усиление в правом руководстве СДПГ соглашательских тенденций.

Широкое внепарламентское движение 1966—1969 гг. против «чрезвычайных законов», роста неонацизма, агрессии США в Юго-Восточной Азии также способствовало активизации ПМ в этот период. В мае 1966 г. федеральный комитет ПМ обратился к 7-му конгрессу ОНП с просьбой пересмотреть «Основные принципы» организации, принятые в 1957 г., которые ограничивали ее деятельность главным образом неполитической сферой². Профсоюзная молодежь потребовала от руководящих органов ОНП выработки такой программы действий, которая учитывала бы социально-экономические и политические интересы трудящейся молодежи, выступала бы против дискриминации ее в западногерманском обществе.

Ухудшение положения трудящейся молодежи ФРГ вследствие экономического кризиса 1966—1967 гг. привело к повышению политической активности прежде всего низовых организаций ПМ. Это способствовало тому, что на районные, окружные и земельные конференции отраслевых молодежных организаций и ПМ были избраны преимущественно делегаты, настроенные решительно бороться за интересы молодых рабочих, служащих и учеников на производстве. Они смогли противостоять сторонникам оппортунистического курса, призывавшим к сдержанности. На конференциях ПМ, прошедших в 1966—1968 гг., было принято около 2 тыс. резолюций, направленных против «авторитарных явлений в западногерманском обществе» и «господства частнопредпринимательских интересов в экономике страны», против угрозы новой мировой войны, против активизации деятельности неонацистской НДП и т. д.³ Многие низовые организации ПМ стали добиваться реализации принятых решений.

Острая дискуссия между представителями двух политических линий в руководстве ПМ развернулась на 7-й федеральной конференции организации (ноябрь 1968 г.). Представители «интеграционистского» крыла призывали молодежь терпеливо дожидаться улучшения экономической конъюнктуры. Они положительно оценивали участие СДПГ в правительстве «большой коалиции», доказывали, что в принятых в мае 1968 г. «чрезвычайных законах» не содержится потенциальной угрозы демократическим правам и свободам, профсоюзному движению. Правореформистские силы в ПМ прибегли к испытанному оружию — антикоммунизму, чтобы воспрепятствовать делегатам конференции разработать конструктивные предложения для повышения роли ПМ в ОНП и в системе молодежных организаций страны, для активизации ее борьбы за насущные права и интересы трудящейся молодежи⁴.

Иначе оценивали обстановку в стране представители «классовой» линии в ПМ. Они отмечали, что экономический кризис является следствием господства капиталистического способа производства, что кризис заметно ухудшил материальное и правовое положение трудящейся молодежи, сократил возможности для выбора ею перспективных профессий. В связи с этим они предлагали руководству ОНП и ПМ более решительно добиваться закона, гарантирующего участие профсоюзов в управлении производством, ограничивающего единовластие предпринимателей.

Левые силы в ПМ отрицательно оценивали деятельность ряда представителей СДПГ в правительстве «большой коалиции», например, министра экономики К. Шиллера, настаивавшего на ограничении прав профсоюзов. Они предложили руководству ОНП исключить из списков кандидатов от СДПГ на предстоявших парламентских выборах 1969 г. тех депутатов бундестага, которые голосовали за «чрезвычайные законы».

Сторонники «классовой линии» требовали пересмотра «Основных принципов», отмечая с иронией, что в сложившейся обстановке значительная часть трудящейся молодежи не видит разницы между ПМ и клубами по интересам⁵. С их точки зрения, прежде всего необходимо было включить в новые «Основные принципы ПМ» пункты, нацеливающие ее членов на борьбу за увеличение зарплаты молодых рабочих, служащих и учеников на производстве, за демократизацию системы профтехобразования, за расширение прав представителей молодежи на предприятиях, за улучшение охраны труда молодых трудящихся.

Федеральный секретарь ПМ В. Хаас писал в 1969 г. на страницах газеты ОНП «Вельт дер арбайт»: «Трудности политической работы «Профсоюзной молодежи в ОНП» состояли в том, что, исходя из старых программных документов организации, она рассматривалась в качестве придатка ОНП, как его «детский сад», который не может вести самостоятельной борьбы за насущные интересы трудящейся молодежи. Однако новое поколение профсоюзной молодежи было уверено в том, что для развития профсоюзов и осуществления демократических преобразований в обществе необходимо представлять больше возможностей будущим участникам профсоюзного движения, развивать их инициативу и ответственность перед обществом»⁶.

Решения 7-й федеральной конференции ПМ отражали преобладание сторонников левой, «классовой» линии организации в этот период. Они оказали заметное влияние и на работу 8-го конгресса ОНП в мае 1969 г. На нем, пожалуй, впервые после учредительного конгресса ОНП так широко обсуждались проблемы молодежи. Правые его делегаты высказывались против «слишком активного» включения профсоюзной молодежи в политическую борьбу, усматривая в этом опасность ее выхода из-под контроля руководства ОНП, и предлагали поставить заслоны такому развитию. Однако многие делегаты конгресса приветствовали процесс активизаций

«Профсоюзной молодежи» и призывали руководство объединения разработать программу, учитывающую интересы молодых трудящихся, поддержать намерение ПМ воспитывать своих членов в классовом духе⁷. Не посягая на существующий в стране общественный порядок, правительство СДПГ — СвДП после своего прихода к власти осенью 1969 г. приступило к осуществлению некоторых реформ, в том числе и в молодежной сфере⁸. Сторонники «интеграционистской» линии призвали профсоюзную молодежь к сотрудничеству с новым правительством в ожидании скорых и эффективных мероприятий, которые, дескать, существенно улучшат положение рабочих и учащейся на производстве молодежи. Они стремились удержать организацию на позициях невмешательства в политическую борьбу, воспрепятствовать принятию боевой программы ее действий. Однако обстановка в стране в целом способствовала повышению общественно-политической активности профсоюзной молодежи.

Под давлением низовых организаций руководство ОНП ускорило разработку новых «Основных принципов ПМ». Одновременно в организации развернулась «стратегическая дискуссия», с инициативой проведения которой выступил новый председатель ОНП О. Феттер. В ходе дискуссии состоялась «стратегический семинар» для актива «Профсоюзной молодежи», который проходил в центре политического образования организации (г. Оберурзель). В его итоговом документе отмечалось: «Деятельность ПМ представляет собой политическую работу с целью преобразования существующей капиталистической системы в ФРГ в общество самоорганизации и самоопределения. Исходя из конкретных условий деятельности на предприятиях и в профессиональных школах, рабочая молодежь, ученики на производстве, взрослые рабочие и служащие могут победить в этой борьбе... Все действия и требования, как краткосрочные, так и долгосрочные, должны быть ориентированы на классовые интересы пролетариата»⁹. Таким образом, в этом документе содержалось важное положение о политическом характере работы ПМ, подчеркивалась необходимость классовой направленности ее деятельности. В то же время в нем нашли выражение путаные, лишенные конкретного представления о характере «послекапиталистического» общества ФРГ и путях его достижения, теории создания некоего «общества самоорганизации и самоопределения», присущие левому крылу западногерманской социал-демократии¹⁰.

8 сентября 1970 г. на расширенном заседании федерального комитета ОНП большинством голосов был принят проект новых «Основных принципов ПМ», в котором выдвинуты следующие задачи:

формирование у молодых рабочих способности к самостоятельному политическому мышлению и действию, к участию в работе профсоюзов;

работа по политическому и профсоюзному образованию трудящейся молодежи;

представительство социально-экономических, политических и культурных интересов трудящейся молодежи на предприятиях, в органах управления, в области образования и в других общественных сферах;

воспитание молодежи в духе взаимопонимания и солидарности с другими народами; сотрудничество со всеми прогрессивными демократическими силами страны, особенно с молодежными и студенческими организациями;

борьба против выхолащивания прогрессивных положений конституции ФРГ, за демократизацию западногерманского общества, против сил реакции¹¹.

В «Основных принципах» ставилась цель искать новые формы работы с молодыми рабочими, производственными учениками, студентами, создавать группы по интересам, клубы ПМ. Новый документ несколько расширял свободу действий функционеров и низовых организаций «Профсоюзной молодежи». Положительное значение имеет и тезис о необходимости совместных действий со всеми демократическими силами¹².

В то же время «Основные принципы ПМ» сохранили заметные следы влияния реформистской идеологии, в них содержатся уступки «интеграционистской» линии в руководстве ОНП и ПМ. В документе отсутствуют формулировки о необходимости вырабатывать классовые позиции, классовое самосознание трудящейся молодежи, целью борьбы ПМ провозглашается неопределенное по содержанию «демократическое общество». Если в проекте «Основных принципов», представленном в 1969 г. федеральным комитетом ПМ, отмечалось, что «борьба против милитаризма, фашизма, империализма и всех антидемократических сил является задачей профсоюзной молодежи», то в окончательном его варианте эта формулировка существенно ослаблена. Говорится лишь о борьбе «против всех антидемократических сил». Если учесть, что буржуазная пропаганда относит к «антидемократическим

силам» и коммунистов, то данный тезис приобретает двусмысленное звучание. При перечислении основных форм работы не были названы такие эффективные формы, как участие в забастовках.

Чтобы уменьшить возможность внесения на рассмотрение федеральных органов ОНП «неприятных» проектов резолюций с мест, в «Основные принципы» было включено положение, позволяющее вносить их лишь федеральному комитету ПМ. Таким образом, руководящие органы ПМ получили возможность не пропускать в вышестоящие инстанции ОНП наиболее боевые требования профсоюзной молодежи, что превращало федеральный комитет организации в своеобразный «фильтр» для отсева неугодных профсоюзному руководству молодежных резолюций и требований.

В качестве первичного звена ПМ рассматривались не производственные группы и рабочие кружки молодежи, а районные организации, что позволяло не принимать во внимание те или иные нежелательные инициативы и резолюции, предлагаемые низовыми звеньями.

Конечно, нужно учитывать, что «Основные принципы ПМ» должны были отражать наличие в организации молодежи различных политических убеждений. Некоторые их обтекаемые формулировки не только могут служить базой для активной политической борьбы, но и стать опорой для соглашательской линии. В практической деятельности профсоюзной молодежи часто так и случалось.

В целом же принятие новых «Основных принципов ПМ» отражало возросшую активность организации, рост политического самосознания ее членов, свидетельствовало о преобладании «классовой» линии во многих аспектах ее деятельности. Важным моментом, способствовавшим повышению активности ПМ и формированию ее более четкой политической линии, явилось повышение возраста членства в организации с 21 года до 25 лет, предусмотренное «Основными принципами ПМ»¹³.

Первой крупной общенациональной акцией, предпринятой ПМ после утверждения новых «Основных принципов», явился «Год молодого рабочего» (1971 г.). В ходе его профсоюзная молодежь собирала факты бедственного положения рабочих и учащейся на производстве молодежи. Эти материалы широко обсуждались на проходивших в 1971 г. районных, окружных и земельных конференциях организации. На них были выработаны проекты резолюций и требования, которые

должны были обсуждаться на предстоящей в ноябре 1971 г. 8-й федеральной конференции ПМ. В качестве важнейших из них были утверждены следующие: борьба за расширение прав представителей молодежи на предприятиях; борьба за демократическую реформу системы профтехобразования; борьба за предоставление отпуска молодым трудящимся для повышения квалификации; борьба за установление возраста совершеннолетия с 18 лет ¹⁴.

Особое внимание сторонники «классовой» линии придавали борьбе за расширение прав представителей молодежи на предприятиях. Добиваясь права заниматься молодежной работой непосредственно на предприятиях, регулярно проводить собрания трудящейся молодежи, создавать ее профсоюзные комитеты, ПМ стремилась расширить свое влияние за счет прямого выхода на массы рабочей молодежи, получить ее поддержку. Только в тесном сотрудничестве с производственными советами можно было решить вопрос о защите интересов трудящейся молодежи там, где они более всего ущемлялись. Упрочение позиций профсоюзной молодежи на предприятиях, в молодежных комитетах, в производственных советах, в органах доверенных лиц профсоюзов позволили бы организации с большим успехом добиваться улучшения условий оплаты труда, обеспечения рабочими и учебными местами, охраны труда рабочей молодежи и т. д.

Делегаты 8-й федеральной конференции ПМ с особым вниманием проанализировали текст нового закона о статусе предприятий, который был подготовлен правительством СДПГ—СвДП и принят бундестагом в ноябре 1971 г. Этот закон предусматривал создание на крупных предприятиях, где было занято большое количество молодых трудящихся в возрасте до 18 лет, комитетов представителей молодежи, которые должны были защищать интересы этой части молодежи в органах производственного управления. Предполагалось также и увеличение количества представителей молодежи на предприятиях. Так, от 5 молодых людей в возрасте до 18 лет, занятых на предприятиях, должен был избираться один представитель, от 21 до 50 молодых людей — 3, от 201 до 300 — 7, от 300 и более — 9 ¹⁵. Представители молодежи получали право участвовать в заседаниях производственных советов предприятий, если в повестку дня были включены вопросы, касающиеся молодежи. Они также имели право проводить свои заседания и собрания. Отменять нижняя возрастная граница участия в выборах представителей молодежи ¹⁶.

Однако этот закон содержал и такие положения, которые позволяли предпринимателям ограничивать деятельность представителей молодежи на предприятиях. Последние обязывались стремиться к соблюдению «производственного мира», «верности предприятию», сохранять «производственные тайны». Таким образом, представителей молодежи, ставящих вопросы об ущемлении прав трудящейся молодежи, можно было обвинить в разглашении производственных тайн.

ПМ стремилась расширить свое влияние на молодежные представительства посредством активизации органов доверенных лиц профсоюзов на предприятиях. Эти органы не имеют правовой основы и официально не признаны предпринимателями. Однако они пользуются значительным влиянием, масштабы которого зависят от авторитета того или иного отраслевого профсоюза, от того, насколько учитываются интересы трудящихся, в том числе и трудящейся молодежи. Доверенные лица ПМ избираются молодыми членами профсоюзов в возрасте от 15 до 25 лет. От 15 членов ПМ — одно доверенное лицо¹⁷. В их функции входит наблюдение за выполнением молодежного трудового законодательства и тарифных договоров, заключаемых между предпринимателями и профсоюзами, в той части, которая непосредственно касается оплаты труда молодых рабочих, служащих и учеников на производстве. В частности, на функционеров молодежной организации профсоюза металлистов распространяется право, предусмотренное коллективным договором этого профсоюза с предпринимателями, использовать от 10 до 15 часов рабочего времени ежемесячно для выполнения общественной работы¹⁸. Деятельность доверенных лиц ПМ на предприятиях привела к тому, что сама «Профсоюзная молодежь в ОНП» стала играть гораздо большую роль в работе молодежных представительств. Их активность позволила несколько улучшить условия труда молодежи, а также профессионального образования на предприятиях ряда отраслей в начале 70-х гг. Это повысило авторитет ПМ в массах трудящейся молодежи, что, в свою очередь, привело к увеличению численности ее рядов в 70-е гг.

Делегаты 8-й федеральной конференции ПМ, учитывая недостатки закона о статусе предприятий, решили все же воздержаться от его решительной критики, принимая во внимание трудное положение правительства СДПГ—СвДП накануне ратификации договоров ФРГ с СССР и Польшей. Было решено максимально использовать его положительные сто-

роны и начать подготовку к выборам представителей молодежи на предприятиях, назначенных на период между 1 мая и 30 июня 1972 г.

Наибольшую активность проявили профсоюз металлистов и его молодежная организация. Они стремились обеспечить победу своих кандидатов, стоявших в большинстве случаев на позициях классовой и политической борьбы, над кандидатами оппортунистической линии, представленной профсоюзом служащих и различными профсоюзными группами, поддерживаемыми предпринимателями. Среди избранных в 1972 г. 9,6 тыс. представителей молодежи на предприятиях металлургической и металлообрабатывающей промышленности преобладали члены ПМ. Аналогичных результатов добились молодежные организации профсоюзов химиков, деревообработчиков¹⁹.

Укрепление позиций левых сил в ПМ в конце 60 — начале 70-х гг. позволило ей вслед за акциями «Года молодого рабочего — 1971» провести серию массовых акций в защиту интересов трудящейся молодежи в последующие годы. В 1972 г. по ее инициативе была проведена кампания «Охраны труда молодежи», в которой активно участвовали избранные в этом году представители молодежи на предприятиях. Они организовали сбор информации о нарушении предпринимателями молодежного трудового законодательства и передали ее в руководящие органы ОНП. По их инициативе на многих предприятиях ФРГ состоялись митинги, а в некоторых случаях и забастовки производственных учеников. Комитеты представителей молодежи на предприятиях выдвигали требования улучшения оплаты труда молодежи, условий труда, профтехобразования. Возросшая активность молодежных представительств негативно воспринималась предпринимателями, в результате чего в течение 1972—1973 гг. были уволены или исключены из системы профтехобразования свыше 600 представителей молодежи. Во второй половине 1973 г. ПМ начала массовые акции в защиту уволенных молодежных активистов. Кульминационной точкой борьбы стали митинги и демонстрации, а также забастовки учеников на производстве и молодых рабочих в Штудгарте, Касселе, Людвигсхафене, Гамбурге, Франкфурте-на-Майне и других городах ФРГ осенью 1973 г., в которых приняли участие свыше 20 тыс. человек.

Под давлением трудящейся молодежи бундестаг должен был признать необходимость более эффективной защиты представителей молодежи на предприятиях от необоснован-

ных увольнений. В декабре 1973 г. были утверждены дополнения к закону о статусе предприятий. В параграф 78 был включен пункт, предусматривавший сохранение занятости членов представительств молодежи на предприятиях в первую очередь. Позднее, накануне парламентских выборов 1976 г., министерство обороны страны утвердило для них отсрочку от призыва в армию на период срока их полномочий²⁰.

Параллельно с упомянутыми акциями ПМ в 1973 г. провели свои выступления против нарушения молодежного трудового законодательства, включая в защиту прав представителей молодежи на предприятиях, молодые металлисты. Их акции получили название «Красные клещи молодых металлистов». В результате на многих предприятиях отрасли больше внимания стало уделяться условиям труда молодежи²¹.

В 1974 г. профсоюзная молодежь развернула акцию «Солдат-74», направленную на улучшение работы с молодежью, служащей в рядах бундесвера, на борьбу против распространения настроений реваншизма, милитаризма и неонацистских взглядов. Беспокойство ПМ вызывала активизация в рядах бундесвера неонацистов. ПМ противопоставляла неонацистской пропаганде свою систему «политического образования» военнослужащих, которая в качестве важнейшей цели выдвигала сохранение мира²².

В ноябре 1974 г. состоялась 9-я федеральная конференция ПМ. Ее делегаты констатировали повышение активности молодежных организаций отраслевых профсоюзов и местных подразделений ПМ. Было отмечено также, что изменения произошли не только в программных документах ПМ, но и в сознании многих ее членов, которые стали более решительно бороться за свои права и интересы. На конференции впервые присутствовали делегации профсоюзной молодежи из социалистических стран. Делегаты отмечали, что борьба за интересы трудящейся молодежи осложняется усилением влияния международных монополий в экономике ФРГ, а профсоюзы имеют пока мало опыта и средств для эффективного отпора им. Подчеркивалась важность в этой связи интернациональной солидарности профсоюзов и их молодежных организаций. На конференции продолжалось обсуждение вопросов борьбы за демократическую реформу системы профтехобразования, за прогрессивный закон об охране труда молодежи в обстановке, когда правительство СДПГ—СвДП объявило 1975 г. годом молодежных реформ. Многие делегаты в своих вы-

ступлениях отмечали, что эффективность акций ПМ была бы еще выше, если бы к ним привлекались члены других молодежных организаций. В связи с этим было принято решение о всемерном расширении контактов с ними, об активизации работы в Немецком федеральном круге молодежи и в молодежном кураториуме.

В целом 9-я федеральная конференция ПМ показала преобладание в организации левой, «классовой» линии, расширение фронта ее борьбы за интересы трудящейся молодежи в самых различных областях общественно-политической жизни ФРГ, усиление тенденций к сотрудничеству с другими прогрессивными силами страны. Такое направление развития ПМ соответствовало общей линии развития профсоюзного движения в ФРГ в этот период в сторону активизации анти-монополистической борьбы и, в свою очередь, способствовало усилению этой линии²³.

Тяжелым испытанием для направленной на защиту интересов трудящейся молодежи политики ПМ явился экономический кризис 1974—1975 гг. В период кризиса сократилось количество учебных мест на предприятиях и в профессиональных школах, появилась массовая молодежная безработица. В этой ситуации даже те группы трудящейся молодежи, которые ранее были относительно удовлетворены своим положением и, как правило, воздерживались от участия в массовых акциях ПМ (отдельные отряды молодых строителей, железнодорожников, горняков и энергетиков), стали в большей мере осознавать наличие классовых противоречий между буржуазией и рабочим классом, более активно участвовать в борьбе ПМ, чаще вступать в контакты с демократическими силами страны, в том числе с молодыми коммунистами. Это сдвиг в их настроениях подтверждается целым рядом обследований, опросов, анкет, проведенных в середине 70-х гг. сотрудниками Института марксистских исследований во Франкфурте-на-Майне²⁴. Представители левого крыла по-прежнему оказывали преобладающее влияние на выработку политического курса ПМ. Иллюзии о возможности существенного улучшения положения молодежи на пути сотрудничества с предпринимателями, о способности правительства СДПГ—СвДП обеспечить защиту интересов трудящейся молодежи перед лицом наступления на них со стороны монополистического капитала рассеивались под давлением фактов. Уговоры представителей «интеграционистской» линии «проявлять сдер-

жанность» в надежде на будущие меры правительства все более утрачивали свою притягательность.

В этой обстановке ПМ выходит на более высокий уровень борьбы, которая во многих случаях стала носить четко выраженный антимонополистический характер. Организация стала инициатором многочисленных массовых акций молодежи против господства монополий во всех сферах общественной жизни ФРГ. В 1975 г. в акциях ПМ против массовой молодежной безработицы участвовали свыше 300 тыс. человек. Один лишь митинг в Дортмунде в ноябре 1975 г. собрал более 50 тыс. участников²⁵. Такое развитие ПМ не могло не найти отражение в ее программных документах. На 10-й федеральной конференции ПМ (декабрь 1977 г.) представители левого крыла добились принятия ряда важных политических резолюций, которые еще больше подчеркнули антимонополистическую и антикапиталистическую направленность организации. В ее документах выдвигается требование национализации ключевых отраслей производства и обеспечения права на труд²⁶. Делегаты конференции одобрили программу обеспечения полной занятости, которую руководство ОНП представило правительству, добавив в нее пункты, учитывающие интересы трудящейся молодежи при найме на работу. Они предложили правительству сократить военные расходы на 10% и высвободившиеся средства направить на создание новых учебных мест на предприятиях и в профессиональных школах. Конференция высказалась против «запретов на профессию», применяемых против демократических сил в ФРГ²⁷.

Перевес левых сил на конференции выразился также и в том, что на пост федерального секретаря ПМ был избран Х. Хаврелюк, являющийся в это время заместителем председателя организации «Молодые социалисты в СДПГ» и сотрудничавший с группой «Штамокап» («Государственно-монополистический капитализм»)²⁸, позиции которой отражали влияние идей научного коммунизма. Новый руководитель ПМ высказался за сотрудничество между социал-демократами и коммунистами в борьбе за интересы трудящихся. Не менее важным событием было присутствие на конференции большой группы делегатов — молодых коммунистов и членов марксистско-ленинской организации — Социалистической немецкой рабочей молодежи (СНРМ). В отчете о работе 10-й конференции бывший федеральный секретарь ПМ В. Хаас отмечал, что не менее 20% ее делегатов были коммунистами²⁹.

ГКП в своем приветствии к делегатам конференции подчеркивала важную роль ПМ в борьбе против господства монополистического капитала, за интересы трудящейся молодежи. Это вызвало серьезное беспокойство среди руководящей бюрократии ОНП. При этом масштабы влияния коммунистов среди профсоюзной молодежи сознательно преувеличивались. Так, в циркулярном письме руководителя отдела молодежи в правлении ОНП К. Шваба делегаты 10-й конференции характеризовались как «политкомиссары», а ее решения предлагалось аннулировать³⁰.

Правые лидеры ОНП, недовольные руководством отдела молодежи во главе с К. Швабом, пригрозили ему, что если он не добьется изменения ориентации ПМ, его кандидатура не будет включена в список кандидатов нового состава федерального правления ОНП, выборы которого были назначены на май 1978 г. К. Шваб повел наступление на наиболее последовательных сторонников сотрудничества в профсоюзах коммунистов и социал-демократов. По его инициативе в ПМ была начата провокационная дискуссия о том, что не стали ли коммунисты играть слишком большую роль в профсоюзах, и не возникла ли необходимость ограничить сотрудничество с ними³¹.

В обстановке некоторого оживления экономической жизни страны в конце 70-х гг. и резко активизировавшейся антикоммунистической и антисоветской пропаганды «интеграционистскому» крылу в ОНП и ПМ удалось нанести ряд ударов по представителям левого крыла. Летом 1979 г. правление ОНП решило отстранить от руководства ПМ с последующим исключением из рядов профсоюзов Х. Хаврелюка, а также сместить с постов редакторов журналов ПМ — «Золидаритет» и «ран» — сторонников классового течения Х. Унтерхинингхофен, Д. Шмидта и др. Основанием для этого явились их высказывания в пользу сотрудничества с коммунистами³². Действуя таким образом, правым силам удалось несколько потеснить представителей левого крыла в руководстве ПМ. Одновременно они подготовили документ, обязывавший ответственных работников отраслевых профсоюзов и ОНП бдительно следить за настроениями в ПМ и позволявший им вмешиваться в различные аспекты деятельности молодежной организации. На 4-м всеочередном конгрессе ОНП (март 1981 г.) был принят документ, касающийся непосредственно ПМ, «О позициях в профсоюзной молодежной работе». В нем

отмечалось, что руководящие сотрудники отраслевых профсоюзов и ОНП, в первую очередь сотрудники отделов молодежи, должны нести персональную ответственность за деятельность ПМ, за содержание ее политического образования (в духе социал-реформизма). Перед ними ставилась задача постепенно переместить центр тяжести в деятельности ПМ в сторону культурно-просветительной работы, передать защиту интересов трудящейся молодежи отраслевым профсоюзам и ОНП в целом. Основной целью ПМ провозглашалось «развитие личности входящих в нее молодых людей». Руководящим органам ПМ было строго указано на обязательность выполнения всех пунктов Устава ОНП и текущих решений его руководства. Напоминалось о том, что все программные документы ПМ, заявление ее лидеров по принципиальным вопросам должны утверждаться руководством ОНП.

Представители левого крыла смогли несколько смягчить категорический тон этого документа, добившись включения в него пунктов о необходимости повышения роли молодежных функционеров в деятельности ОНП, а также пункта об обязанности руководства ОНП всемерно содействовать акциям ПМ, включая и выделение необходимых денежных сумм³³. Этот пункт был особенно актуален, так как в стремлении ограничить самостоятельность молодежной организации Федеральное правление ОНП в 1978—1980 гг. ввело строгий режим экономии при выделении ПМ денежных средств и других видов помощи. Это-то и явилось одной из причин того, что после отстранения от руководства ПМ наиболее последовательных представителей левого крыла размах борьбы профсоюзной молодежи резко сократился. Руководящий деятельностью организации в сентябре 1979 — начале 1980 гг. отдел молодежи ОНП не проявлял инициативы, занимаясь преимущественно подбором нового федерального секретаря ПМ. В начале 1980 г. сотрудники отдела молодежи остановились на кандидатуре Х.-Л. Браузера, который являлся сотрудником этого отдела и занимал умеренные позиции в вопросах борьбы за интересы трудящейся молодежи³⁴. Организационные перестройки в ПМ, ограничение материальной помощи для проведения акций привели к тому, что на протяжении ряда лет «Профсоюзной молодежи в ОНП» не удалось провести ни одного мероприятия в федеральном масштабе.

На 11-й федеральной конференции ПМ (ноябрь 1981 г.) говорилось о том, что за последние годы резко сократилось

количество функционеров организации. Так, если в 1971 г. их насчитывалось более 10 тыс., то в 1981 г. их осталось около 4 тыс., в то время как численность членов возросла примерно на 20%. На конференции было также отмечено, что в результате пассивности федерального комитета в отчетный период из 343 резолюций и предложений, принятых на предыдущей конференции, реализовано всего около 50³⁵.

Спад, наметившийся в деятельности ПМ, вскоре стал, однако, преодолеваться. Это было связано с вновь резко обострившейся экономической ситуацией в ФРГ, особенно в связи с беспрецедентным ростом молодежной безработицы. Наиболее важным фактором активизации деятельности ПМ (как и всего западногерманского профсоюзного движения) явились развернувшиеся в стране в начале 80-х гг. массовые акции против размещения на территории ФРГ американских ядерных ракет средней дальности. На 11-й конференции ПМ, вопреки сопротивлению правых сил вновь, как на предыдущей ее конференции, были подтверждены резолюции о необходимости национализации ключевых отраслей экономики, эффективного соучастия трудящихся и профсоюзов в управлении производством, внедрения общегосударственного планирования экономического и социального развития. Делегаты потребовали от руководства ОНП, в том числе от присутствовавшего на конференции председателя ОНП О. Феттера, всемерного усиления борьбы против гонки вооружений, навязанной США и НАТО, а в случае необходимости призывали прибегнуть и к такому средству борьбы, как всеобщая забастовка³⁶.

В последующий период в организации продолжились острые столкновения между сторонниками «интеграционистской» и «классовой» линии, причем перевес в каждый конкретный момент имеет то одна, то другая из них, хотя чаще все-таки последняя. Некоторый перевес левых сил обеспечивается, в первую очередь, настроениями в массовом базисе организации. Несмотря на усилия правых лидеров СДПГ, ОНП и ПМ, члены «Профсоюзной молодежи в ОНП» продолжают оставаться одной из важных сил западногерманского рабочего класса в борьбе за мир и социальный прогресс. Борьба против дискриминации трудящейся молодежи в сфере оплаты труда, в системе трудоустройства и профтехобразования, в области охраны труда и т. д. в начале 80-х гг. велась профсоюзной молодежью на фоне усиления ее акций, направленных

против милитаризма, реваншизма и неофашизма, причем в этой борьбе ПМ в большинстве случаев занимала более решительные и последовательные позиции, чем отраслевые профсоюзы и ОНП в целом.

- ¹ Лобанов В. И. Борьба трудящихся и профсоюзов ФРГ за участие в управлении производством. М., 1973, с. 30—57.
- ² Gewerkschaftliche Monatshefte, 1971, N 11, S. 641—643.
- ³ Bach R. Gewerkschaftsjugend im DGB: gestern-heute-morgen. Berlin, 1970; S. 170.
- ⁴ Ibid., S. 186.
- ⁵ Schnellhoss H. Apatie und Legitimität: Das Problem der neuen Gewerkschaft. München, 1967, S. 54.
- ⁶ Welt der Arbeit, 1969, N 43, S. 31.
- ⁷ Gewerkschaftliche Monatshefte, 1969, N 9, S. 556—559.
- ⁸ Katzer P. Zur Gewerkschaftsjugendbewegung — Probleme und Entwicklungen seit Ende der sechziger Jahre. Fr./M., 1977, S. 19.
- ⁹ Marxistische Blätter, 1971, N 1, S. 55.
- ¹⁰ Ibidem.
- ¹¹ Arbeitsbericht 1968—1971. Bochum, 1971, S. 7—8.
- ¹² Ibidem.
- ¹³ Ibidem.
- ¹⁴ Gewerkschaftliche Monatshefte, 1971, N 11, S. 643—655.
- ¹⁵ Protokoll der 10. ordentlichen Jugendkonferenz der IG Metall, S. 20.
- ¹⁶ Bulletin des Presse und Informationsamtes der Bundesregierung, 1971, N 23, S. 241—248.
- ¹⁷ Gewerkschaftliche Monatshefte, 1981, N 3—4, S. 177.
- ¹⁸ Welt der Arbeit, 1976, N 1, S. 81.
- ¹⁹ Protokoll der 10. ordentlichen Jugendkonferenz der IG Metall, S. 20.
- ²⁰ Katzer P. Op. cit., S. 28—29.
- ²¹ Unsere Zeit, 1974, 8 Mai.
- ²² 9. Bundesjugendkonferenz des DGB. Hamburg, 1974, S. 26—27.
- ²³ Ibidem.
- ²⁴ Marxistische Blätter, 1975, N 4, S. 52—58.
- ²⁵ Katzer P. Op. cit., S. 59—60.
- ²⁶ Nachrichten zur Wirtschafts — und Sozialpolitik, 1978, N 1, S. 12—15.
- ²⁷ Ibidem.
- ²⁸ Druck und papier, 1979, N 21, S. 31.
- ²⁹ Die vierte Partei?: Zur Politik des DGB. Köln, 1981, S. 85.
- ³⁰ Nachrichten zur Wirtschafts — und Sozialpolitik, 1978, N 1, S. 32.
- ³¹ Gerhart K., Haas B. e. a. Rückkehr zur Sozialpartnerschaft? Fr./M., 1981, S. 76.
- ³² Ibidem.
- ³³ Nachrichten zur Wirtschafts — und Sozialpolitik, 1981, N 12, S. 10.
- ³⁴ Gerhart K., Haas B. Op. cit., S. 74.
- ³⁵ Nachrichten zur Wirtschafts — und Sozialpolitik, 1981, N 12, S. 10.
- ³⁶ Ibid, S. 16.

Г. Г. СУПРЫГИНА

ПРОБЛЕМЫ МОЛОДЕЖИ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СДПГ (вторая половина 70-х — начало 80-х гг.)

Социал-демократическая партия Германии в 1969—1982 гг. возглавляла правительство ФРГ. Приход ее к власти после падения правительства «большой коалиции» был обусловлен поворотом к СДПГ групп буржуазии, ориентирующихся на более гибкое приспособление государственной политики к реальностям современного мира. Значительную поддержку социал-демократы получили со стороны активизировавшегося во второй половине 60-х гг. массового демократического движения. СДПГ, сохраняя традиционные связи с профсоюзами, получила приток членов и избирателей из широких кругов «новых средних слоев», особенно студентов, молодой интеллигенции, служащих и др. Программы действий СДПГ сочетали «реформистско-демократические требования электората партии с задачами совершенствования и тем самым стабилизации государственно-монополистических структур»¹. В период правления правительства во главе с СДПГ, особенно в первые его легислатуры (1969—1972 гг., 1972—1976 гг.), реформы, нацеленные на удовлетворение конкретных потребностей и интересов избирателей партии, занимали одно из центральных мест в этих программах. СДПГ подчеркивала, что «малая коалиция» будет «правительством внутренних реформ» и «отважится на большую демократию», чем предыдущие правительства. Видное место во внутренних реформах отводилось реформе всех звеньев системы образования, трудовому молодежному законодательству, правовому положению молодых людей. В советской литературе отмечалось положительное значение для роста престижа и популярности СДПГ среди трудовых масс и молодежи урегулирования правительством «малой коалиции» отношений с социалистическими странами, его стремления сохранять сравнительно независимую позицию от внешнеполитического курса США, не

отказываясь от установки на «атлантическую солидарность». Широко пропагандировался курс на установление ФРГ более равноправных отношений с развивающимися странами, призывы к которым исходили из рядов демократических молодежных и других организаций.

Благоприятная экономическая конъюнктура первой половины 70-х гг. способствовала успешному старту по пути осуществления многих намеченных проектов. Конечно, сопротивление партий крупного капитала ХДС/ХСС, находящихся в оппозиции, тормозящее воздействие младшего партнера СДПГ по коалиции — СвДП оказывали серьезное влияние на претворение детально разработанных проектов. К тому же традиционная склонность социал-демократов ограничиваться лишь парламентскими дебатами, нежелание прибегать к поддержке профсоюзов и других массовых организаций, ограничивали свободу и маневренность правительства, вынуждали идти на серьезные уступки. В итоге принятие реформ затягивалось на годы, содержание их нередко выходило за рамки, реализовывались лишь отдельные пункты проектов, что не могло принципиальным образом улучшить положение молодежи ФРГ. Тем не менее в 70-е гг. развернулось строительство высших школ, несколько расширился доступ в них, улучшилось материальное обеспечение студентов. В 1975 г. впервые в истории страны был принят «Общий закон о высшей школе». Хотя и крайне медленно, но осуществлялась модернизация системы профессионально-технического образования. Новый закон о статусе предприятий, вступивший в силу в 1972 г., несколько расширял права молодых рабочих на производстве, в 1976 г. был обновлен закон об охране труда молодежи (до 18 лет).

Реальное демократическое содержание имели также снижение в 1970 г. возрастного избирательного ценза, а затем и возраста совершеннолетия с 21 года до 18 лет, ряд поправок к конституции, выравнивающих правовое положение женщин, расширение права на демонстрации и пр. Не приводя к каким-либо серьезным изменениям в соотношении классовых сил, они содействовали стремлению, особенно молодежи и женщин, активно выступать за свои права, обуславливали поддержку реформаторского курса СДПГ².

Подъем общедемократического и молодежного движения способствовал сдвигу влево молодежных организаций СДПГ — «Молодых социалистов», «Социал-демократического союза высшей школы», а также ориентирующихся на социал-

демократов «Соколов», «Профсоюзной молодежи», «Молодых друзей природы». Они форсировали развертывание в партии идейно-теоретической дискуссии по основным программным положениям. Определенное расширение внутрипартийной демократии в СДПГ, создававшее иллюзии о возможности реализации через партию стремлений к преобразованию западногерманского общества, способствовало притоку к социал-демократам новых членов из молодежи, сохранению довольно стабильной доли молодых избирателей в электорате партии на протяжении 70-х гг., особенно в первой их половине. Квота молодых людей в возрасте до 30 лет среди новых членов СДПГ составляла в 1960 г. 33%, в 1970 г. — 45%, в 1972 г. — 51%, в 1976 г. — 49%³. На выборах в бундестаг 1969 г. за социал-демократов из 21—29-летних голосовало 46,5%, в 1972 г. из 18—24-летних — 54,6%, в 1976 г. — 49,8%⁴.

Однако разразившийся в 1974—1975 гг. экономический кризис и вызванные им последующие затруднения в экономике создали новые серьезные препятствия осуществлению политики «внутренних реформ» (в том числе для молодежи), рассчитанной на длительное сохранение благоприятной экономической конъюнктуры. Конечно, руководство СДПГ стремилось смягчить воздействие кризиса на западногерманскую молодежь. Но вместо последовательной политики реформ во второй половине 70-х гг. правительство во главе с СДПГ ограничивалось принятием отдельных «конъюнктурных» программ «неотложной помощи» и «блиц-программ», предназначенных для молодых безработных, для расширения числа учебных мест на предприятиях (в основном мелких и средних), материальной поддержки студентов из необеспеченных семей и пр. Западногерманские коммунисты отмечали, что реальное продолжение реформ было возможно только на основе перераспределения общественного богатства за счет интересов крупного капитала (увеличение налогов на крупную буржуазию, снижение военных расходов, контроль над инвестиционной политикой монополий и др.). Для руководства же СДПГ политика, «которую можно было бы осуществить только в борьбе против крупного капитала, не подлежала обсуждению»⁵.

В результате социально-экономическое положение молодежи стало заметно ухудшаться. Впервые в истории ФРГ возникла массовая молодежная безработица. Если по официальным данным в 1970 г. было 18 тыс. безработных в возрасте

до 25 лет, в 1972 г. — 38,6 тыс., то в 1974 г. — 158,1 тыс., в 1975 г. — 287,4 тыс., в 1976 г. — 257,1 тыс., в 1977 г. — 267,8 тыс., в 1978 г. — 245 тыс., в 1979 г. — 192,3 тыс.⁶ В 1980, 1981, 1982 гг. число их соответственно составило 224, 364 и 351 тыс.⁷ Фактически же численность молодых безработных, по утверждению ряда западногерманских источников, в 2,5 раза выше, так как бюро труда не регистрируют многих молодых людей, не имеющих права на пособие, детей иностранных рабочих, молодежь из сельской местности, юношей и девушек, ищущих место учебы или работы самостоятельно.

Не отказываясь от поддержки со стороны демократических сил, в том числе молодежи в период выборов, руководство СДПГ старалось держать их, по возможности, под контролем, прибегая по мере необходимости и к репрессивным мерам. С 1969 по 1976 г. в ФРГ было принято более 50 законов о «внутренней безопасности»⁸. В 1972—1982 гг. под действие «указа о радикалах», запрещающего коммунистам и другим прогрессивно настроенным лицам занимать государственные должности, попало 5 тыс. человек. С середины 70-х гг. в самой СДПГ резко ограничиваются действия левых сил, прежде всего «Молодых социалистов» (МС). Дополнения к статусу МС существенно сузили их самостоятельность. В партии свертываются идеологические дискуссии, как якобы вредящие единству социал-демократии и способности к политическим действиям СДПГ. Подобная политика приходила в столкновение с первоначальным лозунгом социал-демократов о расширении демократии.

Западногерманская молодежь чутко реагировала на отступление руководства СДПГ от линии на определенную защиту интересов ее избирателей к линии на сближение по ряду вопросов внутренней и внешней политики с позициями партий крупного капитала ХДС/ХСС. Отрицательный резонанс для СДПГ вызвало предложение Г. Шмидта о размещении американских ракет средней дальности на территории ФРГ. Принятие на этот счет соответствующего решения НАТО явилось толчком для массового включения молодежи в развернувшееся на рубеже 70—80-х гг. антивоенное движение. Так, из 300 тыс. человек, участвовавших в одной из крупнейших антиракетных демонстраций, состоявшейся 10 октября 1981 г. в Бонне, $\frac{2}{3}$ были моложе 35 лет⁹.

Принятая в декабре 1979 г. в целях решения энергетических проблем программа строительства атомных электростан-

ций дала дополнительный импульс развитию экологического движения, более половины участников которого составляли молодые люди в возрасте до 30 лет. Все это сказалось на результатах выборов. Так, если в 1972 г. за СДПГ голосовало на 19,3% молодых избирателей больше, чем за христианских демократов, то в 1976 г. — лишь на 9,6%, в 1980 г. — на 14,3%. Снижение доверия у молодежи к СДПГ находилось в русле общей тенденции разочарования в официальной политике, роста недоверия к государственным институтам и «боннским партиям». Опрос, проведенный в 1980 г. институтом эмпирических исследований Билефельда, свидетельствовал, что 80% 14—24-летних считают, что «политику следует оставить другим» или «принимать к сведению, держась от нее подальше». Опрос, проведенный в 1981 г. по заданию нефтяного концерна Шелл, показал, что $\frac{1}{3}$ молодежи отвергает любые партии¹⁰. Это проявилось и в снижении среднего процента участия молодежи (18—30 лет) в выборах в бундестаг: в 1972 г. к избирательным урнам пришло почти 86% этой категории электората, в 1976 г. — 84,5%, в 1980 г. — 80,5%¹¹.

Период конца 70 — начала 80-х гг. в ФРГ характеризуется активизацией так называемых «альтернативных движений». К ним наряду с экологическим и антивоенным западногерманские авторы относят «новое молодежное» и женское движение, движение в поддержку развивающихся стран, защиту демократических прав, прежде всего против запрета на профессии и др. Причиной включения в «альтернативные движения» молодежи явилось распространение настроений острого разочарования в деятельности государства и его институтов, официальных партиях, в традиционных формах политической деятельности, отчуждающих индивидуума от участия в процессе формирования мнений и решений, а также скепсиса и ощущения безнадежности в отношении собственных перспектив. Приверженцами «альтернативных движений» стали в основном выходцы из «новых средних слоев», т. е. студенты, молодая интеллигенция, служащие и отчасти молодые рабочие. По данным, приведенным в работе западногерманского марксиста Р. Штайгервальда «Движение протеста» в начале 80-х гг., активное ядро «альтернативных движений» насчитывало 80—100 тыс. человек, потенциал симпатизирующих им определялся в 1,5 млн. человек. Автор приводит также примерные данные о социальном составе этих движений: 40% их являются выходцами из средних слоев, 45% — представители свободной профессии либо «академики», т. е. лица, имеющие

университетское образование, 12% — ремесленники либо торговцы и 3% — рабочие¹². Результаты выборочного опроса, проведенного в 1981 г. институтом СИНУС (Гейдельберг), показали, что 51% 15—30-летних молодых людей недовольны политической системой ФРГ¹³.

В «альтернативных движениях» причудливо переплетаются нежелание сотрудничать в государственных институтах и политических партиях ФРГ со стремлением лично участвовать в решении глобальных проблем современности: борьбе против гонки вооружений, сохранении окружающей среды, решении проблемы «Север — Юг», а также в улучшении положения на рынке труда и в сфере образования. Отрицание норм и ценностей «общества благосостояния», таких как погоня за экономическим ростом, расширение потребления, стремление занять «престижное» место в обществе путем получения высоких доходов, сопровождалось поисками новых «постматериальных» потребностей, среди которых видное место заняли лозунги охраны окружающей среды, борьбы за мир, а также поиски «нового жизненного стиля». Участники «альтернативных движений» создали широкую сеть «проектов», в которых практикуются новые формы труда, досуга, воспитания, здравоохранения, основанное на принципах равенства, солидарности, самореализации личности. По данным социал-демократической прессы, в 1981 г. в ФРГ было 11,5 тыс. подобных «проектов»¹⁴.

Авторы исследования «Молодежь 1981», поставившие цель создать портрет молодого поколения начала 80-х гг., пишут, что произошла смена ранее популярных лозунгов. Так, широко распространенный на рубеже 60—70-х гг. лозунг «марша по институтам» (буржуазного общества) с целью их коренного преобразования сменился в конце 70-х гг. лозунгом «марша из институтов»¹⁵. Выдвижение второго лозунга было связано с крахом иллюзии о возможности их перестройки, неверием в их способности представлять и защищать интересы молодежи и большинства населения.

Для «альтернативной» молодежи примечательно стремление решать назревшие проблемы в первую очередь через созданные самими представителями населения «гражданские инициативы». Действия «снизу» нередко сочетаются с попытками использовать традиционные формы политического участия (выборы, демонстрации, выборные органы на производстве) при изменении их содержания. Это проявилось в массовой поддержке ими партии «зеленых», возникшей в 1980 г. на базе

экологического движения. По данным института СИНУС (1981 г.), 82% приверженцев «альтернативного движения» симпатизируют «зеленым»¹⁶.

В начале 80-х гг. внимание СДПГ и других политических партий ФРГ привлекли группы молодежи, обратившиеся к активным формам борьбы, иногда оказывавшимся на грани буржуазной законности, а порой преступающим через нее. Западногерманская пресса пишет даже о «криминализации» молодежного протеста, возрождающего формы борьбы, практиковавшиеся леворадикальным студенческим движением в конце 60-х гг. К ним относят, например, сквотеров, выступивших против дороговизны жилья, спекуляции им, прибегающих в качестве средства борьбы к захвату пустующих домов. Они использовались не только как жилье, но и как дома молодежи, для организации «альтернативных» мастерских, лавок, центров самопомощи и культуры. Акции сквотеров получили широкую поддержку западногерманской молодежи. По данным «Шпигеля», 63% молодых людей в возрасте 16—24 лет были солидарны с ними¹⁷. В марте 1981 г. сквотеры провели конгресс с целью установления координации действий и выработки общих требований. Баррикады вокруг занятых ими домов, блокада их полицией, аресты и избияния сквотеров стали повседневными явлениями во многих крупных городах ФРГ и Западного Берлина.

Часть сторонников экологического движения прибегает, несмотря на запреты властей и репрессии полиции, к созданию «антиатомных деревень» и пикетов вблизи действующих и строящихся атомных электростанций (Брокдорф, Вендланд, Хюттендорф). Ряд групп антивоенного движения пикетирует американские военные базы, пытается сорвать планы расширения в военных целях аэропортов (Франкфурт-на-Майне), подготовку площадок для размещения американских ракет средней дальности.

«Криминализации» молодежного движения, несомненно, способствовали репрессии властей, полицейские преследования против его участников, официально объяснявшиеся необходимостью борьбы против террористических акций левозэкстремистских групп. Помогало этому и то, что значительные слои молодежи оказались на положении «аутсайдеров» общества, не верили в возможность достижения своих целей путем легальных акций. Следует также отметить, что действительно «криминальные» акции были для участников «альтернативных» движений все-таки сравнительно редким делом, в

большинстве случаев они лишь изображались таковыми реакционной буржуазной прессой.

Процесс формирования электората «зеленых» прежде всего затронул СДПГ. Уже в конце 70-х гг. левонастроенные избиратели стали покидать социал-демократов, возлагая на них ответственность за все тяготы, связанные с экономическим спадом второй половины 70-х гг. Перед выборами в 1980 г. социал-демократы констатировали, что 10% их потенциальных избирателей склоняются к «зеленым». «Зеленые» собрали самый молодой электорат по сравнению с другими партиями ФРГ: например, в земле Баден-Вюртемберг до $\frac{2}{3}$ их избирателей были моложе 30 лет. По популярности среди молодежи партия «зеленых» превзошла ХДС/ХСС и почти сравнялась с СДПГ. Так, в упомянутом исследовании «Молодежь 1981» содержатся данные о том, что из опрошенных молодых людей «зеленым» симпатизируют 20%, СДПГ — 24%, ХДС/ХСС — 18%¹⁸.

В значительной степени за счет отхода от партии молодежи наблюдается снижение численности СДПГ. По сравнению с 1973 г. организация СДПГ в Мюнхене к 1980 г. уменьшилась на 27,6%, Франкфурте-на-Майне — на 21,9%, Дюссельдорфе — на 9,2%, Дортмунде — почти на 25%. В целом СДПГ в 1981 г. потеряла 3,3% своих членов¹⁹.

Руководство СДПГ беспокоило падение влияния партии на западногерманскую молодежь и политические последствия этого процесса. Однако, как уже отмечалось, условия ее работы с молодым поколением на рубеже 70—80-х гг. были затруднены рядом обстоятельств. Перед руководящими кругами СДПГ встала задача определить принципы и основные направления молодежной политики с учетом изменившейся экономической ситуации, подъема массовых движений протеста. Выработка «новой» молодежной политики затруднялась утратой веры у молодых людей в СДПГ как политическую представительницу их интересов, преобразовательную способность партии, отсутствием у нее эффективных программ выхода из экономического кризиса, действительного вклада в разрядку международной напряженности, ограничения гонки вооружений.

На рубеже 70—80-х гг. СДПГ утратила способность проводить через бундестаг новые реформы для улучшения социально-экономического положения молодежи вследствие усилившегося противодействия блока правых сил. Руководство социал-демократов старалось лишь противостоять попыткам

предпринимателей отменить, ссылаясь на кризисные обстоятельства, те положения молодежного законодательства, которые ограничивали эксплуатацию молодых людей. В землях, традиционно управляемых СДПГ (Гамбург, Бремен, Нижняя Саксония и др.), делались попытки наполнить вузовское, трудовое законодательство «социал-демократическим содержанием». В декабре 1980 г. правительство подготовило «Общий план развития системы образования» на предстоящие 10 лет. В нем провозглашалась необходимость дать «каждому качественное образование», «выравнить шансы для более слабых», повысить уровень школьного образования, развивать современные формы профтехобразования, добиваться отмены ограничения приема в вузы. Осуществление этого плана соответствовало бы интересам западногерманской молодежи. Однако один из руководителей министерства образования Б. Энгхольм (СДПГ) писал, что выполнение уже первой части «Общего плана» (до 1985 г.) затрудняется тем, что министерство финансов сократило сумму, необходимую для развития всех сфер образования, на 10 млрд. марок. Призывы же, обращенные к предпринимателям, всегда тормозившим мероприятия правительства во главе с СДПГ в этой области, помочь претворить этот план на основе «широкого соглашения, через диалог и содействие»²⁰, выглядели весьма сомнительными.

Утратив многие возможности решать социально-экономические проблемы молодежи, руководство СДПГ старалось усилить пропагандистскую работу среди нее. При правлении СДПГ была создана комиссия по политическому образованию во главе с П. фон Эртценом. Она развернула работу с активистами молодежных представительств, социал-демократических школьных групп. В подготовке мероприятий для них принимает участие сотрудничающий с правлением СДПГ Фонд Ф. Эберта.

Руководство СДПГ пыталось использовать кризис идеологии «новых левых» (который рядом бывших их сторонников, а также участниками непролетарских массовых движений истолковывался как «криз марксизма») для отвлечения от идей научного социализма той части молодежи, которая к ним тяготела. Так, известный теоретик западногерманской социал-демократии, отличающийся крайним антикоммунизмом, Р. Лёвенталь, выступая на коллоквиуме в честь 100-летия со дня смерти К. Маркса, утверждал, что марксизм якобы дискредитировал себя в Восточной Европе, в странах

третьего мира, что он будто бы не имеет никакого влияния в рабочих движениях Запада, что его прогнозы не оправдались. Апеллируя к современной молодежи, он убеждал ее, что ныне нечему учиться у Карла Маркса.

Предпринимаются попытки придать новый профиль социал-демократии, уточнить ее идеологический облик. Необходимость этого вызвана «консервативной волной», распространившейся во второй половине 70-х гг. как в сфере политики, так и идеологии.

По решению руководства СДПГ в 1982 г. создается «историческая комиссия» во главе с С. Мюллером, автором ряда работ по истории западногерманской социал-демократии. В ее состав входят ученые, близкие к социал-демократам, члены правления СДПГ и Объединения немецких профсоюзов. Комиссия должна не только вести работу по воссозданию истории СДПГ, в том числе ее региональных организаций, но и создать условия для ознакомления с нею широких социал-демократических масс, особенно молодежи ²¹.

Один из лидеров СДПГ П. Глотц поставил задачу «возродить социал-демократическую политическую культуру», для которой характерно, дескать, сочетание заботы об экономических интересах масс и молодежи с заботой о их духовном развитии. Кардинальной ошибкой СДПГ после принятия в 1959 г. Бад-Годесбергской программы, по его мнению, было сохранение «марксистских пережитков экономизма», под чем он понимает борьбу за улучшение социально-экономического положения населения и забвение значения «этико-политического момента в истории». Это привело к тому, что проблемы духовного, нравственного порядка были вытеснены в приватную сферу индивидуумов, решались вне партии. Глотц призывает формировать у молодежи политическую культуру социал-демократического образца, отличительной чертой которого являются способность преодолевать «анонимный индустриализм», барьеры отчуждения и разочарования, умение «каждого заботиться о каждом», жертвовать в случае необходимости своими интересами в пользу партии ²².

С 1980 г. в СДПГ действует комиссия по «основным ценностям» «демократического социализма». В ее состав вошли как представители левого крыла СДПГ (Э. Эпплер), так и умеренного (Г. Рапп, Й. Штрассер) и правые (Р. Левенталь). Одной из основных целей ее деятельности являлось включение в доктрину «демократического социализма» «новых импульсов», исходящих из активизировавшихся на рубе-

же 70—80-х гг. массовых социальных движений: экологического, антивоенного, женского, в которых активно участвовала молодежь. Комиссия поставила своей задачей «заново осмыслить» такие проблемы, как «потребность в человеческих отношениях, развивающееся экологическое сознание, возрастающий скепсис по отношению к официальным институтам, потребность в труде, достойном личности». Другим направлением ее работы было объявлено выяснение «позитивных тенденций в альтернативной культуре, конструктивных и деструктивных элементов в смене ценностей», охватившей прежде всего молодежь, определение того, насколько плодотворной она может оказаться для СДПГ²³.

Поводом к обсуждению в СДПГ проблем «нового молодежного движения» явилась публикация «Тезисов о молодежных беспорядках 1980 г.» комиссии по вопросам молодежи швейцарского парламента. Этот документ обсуждался и в бундестаге. Авторы тезисов признают, что выступления молодежи являются «выражением бесприютности, бессловесности, отчаяния... для мятежной молодежи насилие оказывается выражением безвыходной ситуации и угнетенности. Насилие для нее представляется законным средством осуществления своих требований, ибо во всех других ей отказано»²⁴. Одной из причин радикализации молодежи называется «влияние экономического кризиса». Подчеркивается, что не следует отделять радикальную молодежь от всего молодого поколения, она по-своему пытается решать его общие проблемы. В то же время авторы «Тезисов» не удерживаются от характеристики протеста молодежи как «социально-патологического»²⁵. Составители документа предостерегают как от жестких репрессий против молодых людей, так и безоговорочных уступок им. Наиболее целесообразен, по их мнению, «долгосрочный диалог» с молодежью, «поиски понимания и обмен опытом»²⁶.

Лидеры СДПГ использовали дискуссию вокруг «Тезисов» для проведения дебатов о «новом молодежном движении» в бундестаге. Они состоялись в январе 1981 г. Основное сообщение по теме «Молодежный протест в демократическом государстве» было подготовлено представителями СДПГ и СвДП.

Депутаты социал-демократической фракции стремились показать понимание проблем молодежи, избегали негативных оценок ее выступлений. Так, Антье Хубер, министр по делам молодежи, семьи и здравоохранения, констатировала: «Значи-

тельная часть молодежи по горло сыта созданным нами обществом. Она ощущает себя замурованной в бетон сооружений и параграфы законов. Эта молодежь отклоняет глобальный техницизм современного мира, в котором человек лишен возможности действовать творчески, а вынужден функционировать подобно машине»²⁷. Бывший председатель МС Г. Шредер причины недовольства молодых людей видел в том, что «официозная политика мало уделяет внимания исканиям и чаяниям молодежи». Социал-демократ Гаук заявил, что у него вызывает беспокойство не столько протестующие молодые люди, сколько «молча приспособившиеся, склонные к лицемерию и ханжеству», «безропотно смирившиеся, являющиеся базой для усиления консерватизма»²⁸.

Сдержанную позицию занял Г. Шмидт. Он отметил, что «мятеж молодежи» означает «поиски идентификации», т. е. политических установок и этических идеалов, на которые она могла бы ориентироваться. Он призвал не допускать, чтобы в своих исканиях молодежь повернула к национализму, как это роковым образом уже случалось в истории Германии²⁹.

Признание в целом обусловленности выступлений молодежи являлось в определенной мере косвенным признанием собственных упущений в молодежной политике. Эта в известной мере критическая позиция предопределила поиски конкретных путей восстановления «прерванного диалога» с молодежью.

Выступления депутатов СДПГ разительно отличались от речей представителей ХДС/ХСС. Как обычно они были отмечены резким осуждением участников движений протеста, особенно антивоенного. Депутаты ХДС/ХСС доказывали необходимость жестких мер по отношению к ним, в частности квалификации их действий как «уголовных», отмены права на демонстрации и пр. Парламентские дебаты христианские демократы использовали прежде всего для критики молодежной политики правительства «малой коалиции». Так, Г. Кроль-Шлютер, руководитель отдела фракции ХДС в бундестаге по вопросам молодежи, упрекал правительство в разрыве между словом и делом, что способствовало, по его словам, заблуждениям молодежи. Он доказывал, что обещанная социал-демократами «политика реформ» породила слишком большие ожидания у молодых людей, неисполнение которых толкнуло их к противозаконным действиям.

В руководстве социал-демократической партии складывается группа «экологов» во главе с Г. Янзеном и Э. Эпплером, предложившая пойти на определенное сближение с «зеле-

ным» движением, разработать специальную программу, которая убедила бы молодежь, что СДПГ всерьез занимается проблемами окружающей среды. Ряд руководителей партии выступили с предложением выявить в экологическом движении группы, которые можно убедить в том, что их взгляды учитываются социал-демократами и могут быть претворены в жизнь с их помощью³⁰. В этом духе была выдержана появившаяся в феврале 1980 г. во «Франкфуртер рундшау» статья группы бывших руководителей «Молодых социалистов», ныне занимающих видные посты в СДПГ, В. Рота, Й. Штрассера, Х. Вечорек-Цойль «10 лет двойной стратегии «Молодых социалистов». Основная цель этой публикации состоит в негативной в целом оценке шедшей в 70-е гг. в этой организации идейно-теоретической дискуссии, в ходе которой в МС сформировалась группа, тяготеющая к научному социализму. Авторы доказывали, что «теоретические дебаты», с одной стороны, едва не привели к расколу организации, с другой стороны, к забвению конкретных проблем, разрыву связей с массой молодежи, что и способствовало переходу ее к «новым» движениям типа экологического. Они призвали покончить с дискуссиями о «правильной трактовке марксизма», вернуться к «заброшенным практическим проблемам», волнующим «гражданские инициативы», вместе с ними разработать проекты их решения. Это будет способствовать сотрудничеству, а не конфронтации между СДПГ и внепарламентскими движениями³¹.

В процессе выработки молодежной политики заметное место занимает полемика по вопросу об отношении к «альтернативным движениям» между председателем СДПГ В. Брандтом и Р. Левенталем. Она отражала два подхода к этой проблеме. Позиция В. Брандта была изложена первоначально в выступлении по поводу 10-летия со дня смерти видного деятеля СДПГ В. Эйхлера, опубликованном затем в центральном органе партии газете «Форвертс», а затем теоретическом журнале «Нойе гезельшафт». В. Брандт проводил мысль о необходимости интегрировать в социал-демократию «альтернативные движения». Подчеркивая, что рабочие должны оставаться ядром состава СДПГ и ее избирателей, он заявлял, что современная социал-демократия должна в то же время быть обширным их блоком с другими социальными группами — это вытекает из самой сущности СДПГ как «народной партии». Политическая платформа СДПГ является выражением и результатом воздействия на нее широких обществен-

ных течений, в том числе молодежи. Она должна отражать и настроения тех, кто «чувствует потребность быть «зеленым». Брандт подчеркивал, что новые течения нельзя однозначно определить как «левые», но их нельзя и причислять к консервативным, считать противниками социал-демократии. «Альтернативные движения» не стремятся к чему-либо такому, что противоречило бы целям «демократического социализма». Он отмечал, что появление этих движений есть не что иное, как «защита против неуправляемого технического рывка, разрушающего природу и естественные формы бытия... против отчуждения личности, против бесчеловечности громадных структур с присущей им бюрократией», что поиски новых форм человеческого сообщества, связи между трудом и досугом и культурой присущи и социал-демократии³².

В. Брандт изложил программу действий, направленных на возвращение либо привлечение части сторонников «альтернативных движений» к социал-демократии. Во-первых, социал-демократы должны критически отнестись к себе и выяснить, почему эти движения возникли вне социал-демократического движения. Во-вторых, недостаточно констатировать общие цели у СДПГ и «альтернативных движений», объявить о желании наладить союзнические отношения. Важно выявить причины недовольства, требования этих групп и показать им конкретные пути их решения. Обращаясь к политикам, Брандт призвал социал-демократических политиков искать ответы на проблемы современности до того, как их поднимут те или иные внепартийные группы. В качестве наиболее актуальных задач он назвал: 1) определение цели развития «общества благосостояния» и той роли, которую должна играть общественность в достижении ее; 2) забота не о «формальных структурах», а о «качестве жизни» человека; 3) устранение бюрократизации; 4) учет потребности молодежи в ценностях, смысловых ориентирах духовного и морального порядка³³.

Установки, предложенные В. Брандтом, вызвали негативную реакцию представителей правого крыла СДПГ, рупором которых выступит Р. Левенталь. В декабре 1981 г. он опубликовал в «Нойе гезельшафт» тезисы под заголовком «Идентичность и будущее СДПГ». Левенталь констатировал «кризис идентификации», т. е. отказ многих приверженцев СДПГ отождествлять себя с нею в политическом плане. Потеря избирателей, отмечал он, не только превышает обычный уровень отливов и приливов их числа, но самое сложное, она

происходит по двум противоречивым направлениям. С одной стороны, для части молодых избирателей СДПГ потеряла свою притягательность, они поддерживают на выборах «зеленых» либо иные «альтернативные» списки; с другой стороны, от СДПГ уходят ее традиционные избиратели — рабочие, в том числе из развитых промышленных центров. Левенталь резко противопоставляет эти две группировки. Он заявляет, что утрата престижа социал-демократов среди рабочих явилась следствием слишком усердного приспособления СДПГ к «мятежной молодежи», слишком слабой защитой правового государства и недостаточной заботой об экономическом преуспевании ФРГ. Такая позиция ведет к распаду союза различных социальных слоев, присущего «народной партии» типа СДПГ.

Далее, он обрушивается на вывод В. Брандта о необходимости интегрировать протестующую молодежь в СДПГ на основании имеющих у них общих гуманных целей, опираясь на вовлечения в социал-демократическое движение молодежи, участвовавшей во «внепарламентской оппозиции» (1966—1969 гг.). Левенталь утверждает, что опыт начала 70-х гг. не может быть использован вследствие того, что «ныне пропасть, которая разделяет традиционных избирателей СДПГ и отправившуюся в дрейф молодежь, намного глубже», чем тогда. Он ссылается на трудности, которые повлекла за собой интеграция в СДПГ «догматиков» (так он называет интересующихся марксизмом молодых людей). Они, якобы «обrekli на стерилизацию организацию «Молодых социалистов», «возвели барьеры между СДПГ и современным молодым поколением», которое мало интересуется теориями, а стремится «вырваться из воспринимаемого ими как бесперспективное общества и образовать островки, на которых можно спрятаться от опасностей»³⁴. В целом верно подметив у «альтернативных» групп слабый интерес к преобразовательным теориям, их тягу к «философии жизни» (выдвигающей на первый план «волю» индивида или общественной группы), Левенталь делает следующий выпад против В. Брандта и его сторонников: «альтернативная молодежь» не представляет интереса для СДПГ, так как она не стремится участвовать в переустройстве общества, а хочет быть его «аутсайдером». В итоге Левенталь делает вывод о том, что партия и не должна искать компромисса с теми, кто считает современный мир неким историческим заблуждением». Всякие альтернативы, не признающие современное индустриальное общество и

существующее в нем разделение труда, являются реакционными утопиями³⁵. Автор тезисов верно отмечает иллюзорный характер многих представлений «альтернативных» групп, в частности их веру в способность выйти за пределы современного западногерманского общества, образовать «контробщества» вне связи с капиталистическими производственными отношениями. Однако он намеренно обходит вопрос о происхождении того самого «кризиса идентификации» СДПГ и молодежи, диагноз о котором он ставит. Левенталь отказывается признать, что в значительной степени он явился следствием отхода руководства СДПГ от обещанной в начале 70-х гг. политики реформ и замены его курсом «социального демонтажа», отказом от позитивных элементов в политике разрядки, одобрением «двойного решения» НАТО, форсирующего гонку вооружения, отсутствием действенной политики в области окружающей среды³⁶.

В отношении антивоенного движения, которое вовлекло широкие круги молодежи, Левенталь занимает типичную для представителя правового крыла позицию. Он провозглашает, что СДПГ должна неуклонно придерживаться «двойного решения», поддерживать инициативу Г. Шмидта о размещении ракет на территории ФРГ. Он призывает членов партии выступать против высказываемого участниками антивоенного движения мнения о возможности одностороннего отказа ФРГ от стационарирования этих ракет, отвергать сомнения в необходимости достичь будто бы отсутствия равенства вооружений между странами НАТО и Варшавского договора как предпосылки для обеспечения мира. Он заявляет, что социал-демократы должны в ходе дискуссии со сторонниками антивоенных акций убедить их в том, что вооружение — это лучший аргумент на переговорах³⁷.

Вопрос об отношении к «альтернативным движениям» не был решен в ходе этой дискуссии, в которой приняли участие многие руководители СДПГ: Х. Бернер, П. фон Эртцен, Э. Эпплер, А. Фукс, Й. Штрассер и др. В 1982 г. в ней наметился некоторый спад, так как на первый план выдвинулась проблема назревающего политического кризиса правительства «малой коалиции». В земельных же организациях СДПГ политика по отношению к «новым движениям» строилась в зависимости от конкретной расстановки сил, от отношения их к партии. В целом же утвердился курс на осторожную, выборочную интеграцию их с целью сохранения и расширения электората СДПГ.

Просчеты правительства во главе с СДПГ, отсутствие у него эффективных проектов по ограничению безработицы и преодолению экономического кризиса, крайне медленная корректировка позиций по вопросу о размещении ракет средней дальности, усиление давления со стороны правых сил привели в октябре 1982 г. к падению кабинета Г. Шмидта. И хотя в ноябре 1982 г. на съезде СДПГ было принято решение, отвергающее размещение американских ракет в ФРГ, этот фактор уже не оказал своего влияния на позиции молодежи. На выборах 6 марта 1983 г. СДПГ впервые после 1969 г. получила голосов молодежи (18—24 лет) меньше, чем ХДС/ХСС. За социал-демократов голосовало 38,8% молодых людей, за христианских демократов — 41,2%. Однако перераспределение избирателей произошло и на левом фланге электората: часть избирателей СДПГ поддержала «зеленых», которые на этих выборах в 3 раза увеличили долю своих приверженцев, получив 13,9% голосов молодежи³⁸.

Оказавшись в оппозиции, руководящие круги СДПГ активизируют поиски новых принципов молодежной политики, форм и методов работы с молодежью. Как обычно, переход в оппозицию сопровождался полевением СДПГ. Бранд объявил, что партия будет выполнять роль энергичной и конструктивной оппозиции. В мае 1983 г. была принята рабочая программа СДПГ, в основу которой были поставлены проблемы занятости, обеспечения мира, социальной справедливости, введения более прогрессивной налоговой системы.

Вновь активизировались молодежные организации партии. «Молодые социалисты в СДПГ» на своем конгрессе в конце марта 1983 г. в Оберхаузене заявили, что поражение СДПГ на последних выборах явилось «выражением пагубности социал-партнерской концепции партии», «следствием право-социал-демократической политики», которую она проводила в последние годы. МС потребовали от руководства партии «нового начала», включающего последовательную борьбу против планов размещения ракет, отказ от политики поощрения частных инвестиций, сохранения средств на социальные нужды и мер по сокращению безработицы. Председатель МС Р. Хартунг подчеркнул, что «социал-демократия нуждается в принципиально новой ориентации», сами же молодые социалисты стремятся «не просто придать более социальный облик капитализму, а нацелены на коренное преодоление подверженного кризисам, антисоциального и угрожающего миру капитализма»³⁹. На своем конгрессе в Оберхаузене МС взяли

курс на сближение с антивоенным движением, заявив, что участие в его акциях является частью процесса обновления СДПГ. В руководстве МС после конгресса в Бонне в апреле 1984 г. увеличилось число представителей группировки, находящейся под влиянием идей научного социализма (группа «Штамокап»). На этом конгрессе было заявлено, что МС намерены выполнять роль «радикальной оппозиции в оппозиции». Критике подверглась экономическая политика СДПГ за «некритическое восприятие современного капиталистического развития», смыкание с хозяйственными доктринами христианских демократов. Выдвинуто требование разработки новой концепции, которая бы в большей мере учитывала гуманитарные, социальные, экологические факторы. МС поддержали требование профсоюзов о введении 35-часовой рабочей недели при сохранении зарплаты в целях борьбы с безработицей. Новый председатель МС У. Скирке заявил, что социал-демократическую молодежь следует рассматривать как «составную, интегрированную часть антивоенного движения». Было решено применять более активные формы антивоенного протеста: марши, блокады военных баз и мест размещения американских ракет средней дальности действия⁴⁰. МС считают необходимым выступать за смыкание рабочего и антивоенного движения. Они заявили о желании сотрудничать с «зелеными» по вопросам антивоенной, экологической политики.

Сдвиг молодежной организации СДПГ в сторону более активного участия в массовой антивоенной и антимонополистической борьбе, наблюдавшийся в последнее время, очевиден. В то же время он не означает ее разрыва с социал-реформистской политической линией, не приводит к изживанию иллюзий и предрассудков, присущих идеологии «демократического социализма».

В 80-е гг., по мнению большинства западногерманских политологов, следящих за развитием внутриполитической обстановки в стране, СДПГ имеет реальные шансы прийти к власти не путем единоличной своей победы на выборах, а лишь посредством создания какого-то блока сил, стоящих левее христианских демократов. Лозунг создания «большинства левее ХДС» и был выдвинут рядом социал-демократических политиков. Естественно, что осуществление такой установки требует учета позиций участников разворачивающихся в ФРГ массовых движений, в первую очередь антивоенного движения, в котором особенно активно участвует молодежь.

Осенью 1983 г. институт общественного мнения в Мюнхене СИНУС по поручению Фонда Ф. Эберта провел опрос избирателей по проблемам внешней политики. Он показал, что 72% опрошенных считают, что размещение ядерных ракет в ФРГ не способствует обеспечению мира. Акции протеста против их стационарирования одобрили 63% опрошенных в целом, из молодежи — 75—80%. Признание нашли активные формы протеста: так, демонстрации одобрили 97% опрошенных, марши мира по стране — 91%, затруднение подвоза ракет к пунктам размещения — 46%, голодные забастовки — 33% ⁴¹.

Широкое распространение подобных настроений способствовало корректировке внешнеполитической платформы СДПГ. Съезд социал-демократов в мае 1984 г. в Эссене подтвердил требование отказа от атомного оружия как средства устрашения, поставил задачу выработки концепции безопасности, базирующейся на гарантиях ненападения. СДПГ выступила против гонки вооружений в космосе. Некоторые делегаты, в том числе из рядов молодых социалистов, даже настаивали на рассмотрении вопроса о целесообразности пребывания ФРГ в НАТО ⁴².

Одним из важнейших направлений провозглашенного руководством СДПГ процесса обновления партии, начатого в значительной степени с целью привлечения в ряды социал-демократического движения молодежи, стала разработка принципиальной программы партии, взамен Бад-Годесбергской программы 1959 г. Принятие ее намечено на 1988 г. Подготовка проекта поручена комиссии по «основным ценностям». По словам Г. Раппа, одного из руководителей комиссии, потребность в новой программе обусловлена необходимостью учета новых явлений и процессов, развившихся в последние десятилетия: затянувшегося экономического кризиса, негативных сторон научно-технического прогресса (растущее отчуждение личности, эскалация новых видов вооружений, загрязнение окружающей среды), обострения проблем взаимоотношений с развивающимися странами, глубоких сдвигов в общественном сознании масс ⁴³.

Формируя задачи комиссии, В. Брандт подчеркнул, что речь идет о новой программе, но не о новых «основных ценностях» и принципах. В документах, подготовленных комиссией, были сохранены те положения Бад-Годесбергской программы, которые должны остаться определяющими и для новой программы. Это приверженность «социальному рыночно-

му хозяйству и принципам буржуазной демократии, защите конституции ФРГ, этическое обоснование «демократического социализма», который рассматривается как «длительная задача, без конечной цели», сохранение СДПГ профиля «народной партии»⁴⁴. В то же время в них, под давлением левого крыла партии и особенно молодых социалистов, включаются требования «экологизации экономики», 35-часовой рабочей недели и др. Руководство СДПГ посредством включения в проект новой программы некоторых требований экологического, антивоенного, женского движения стремится интегрировать их участников социал-демократическое движение, расширить его массовую базу.

В целом шаги, предпринятые руководством СДПГ после падения правительства «малой коалиции», а также наступление правой коалиции на права молодежи способствовали некоторому восстановлению влияния СДПГ в ее среде. Весной 1984 г. на конференции партии по организационным вопросам в Кельне отмечалось, что в 1983 г. в СДПГ вступило 30 тыс. молодых людей в возрасте до 35 лет, в то время как в 1982 г. их было 11 тыс. На земельных выборах в Гессене в октябре 1983 г. СДПГ увеличила число своих сторонников среди молодежи на 7,3%, на выборах в Бремене в этом же месяце партия собрала на 1,3% больше голосов 21—24-летних, чем на предыдущих выборах⁴⁵.

Руководство СДПГ провело ряд кампаний с целью закрепления влияния социал-демократов. В основном к молодежи была обращена кампания «Сделай это вместе с СДПГ!», организуется соревнование за «Самое инициативное объединение партии» и т. д. Окружная организация СДПГ Франкони выступила с призывом включать в составы руководящих органов партии различного уровня не менее $\frac{1}{4}$ лиц моложе 40 лет⁴⁶.

Таким образом, конец 70 — начало 80-х гг. отмечен поисками руководством СДПГ нового содержания молодежной политики. Одним из важных результатов дискуссии по ее проблемам явился курс на «критическую интеграцию» альтернативных движений. Конечно, учет ряда требований, выдвигаемых массовыми демократическими движениями, что наблюдается в последнее время особенно по внешнеполитическим вопросам, имеет положительное значение. Он может способствовать изменению соотношения сил в пользу политики, направленной на обеспечение прочного мира, поворота к демокра-

тии и социальному прогрессу. Однако СДПГ нередко отказывается от их последовательной защиты, стремится ограничить их использование задачами достижения победы на выборах.

-
- ¹ Классы и классовая борьба в ФРГ. М., 1978, с. 100—101.
 - ² Мис Г. Поворот вправо? После 13 лет пребывания СДПГ в правительстве: итоги и перспективы. М., 1983, с. 52.
 - ³ Müller-Rommel T. Innerparteiliche Gruppierungen in der SPD. Opladen, 1982, S. 97.
 - ⁴ Frackmann M., Kuhls H., Lühn K.-D. Null Bock oder Mut zur Zukunft. Hamburg, 1981, S. 126.
 - ⁵ Мис Г. Поворот вправо, с. 48.
 - ⁶ Frackmann M., Kuhls H., Lühn K.-D. Null Bock oder Mut zur Zukunft, S. 34.
 - ⁷ Die verunsicherte Generation. Jugend und Wertwandel. Opladen, 1983, S. 103.
 - ⁸ Классы и классовая борьба в ФРГ, с. 61.
 - ⁹ Blätter für deutsche und internationale Politik, 1981, N 11, S. 1401.
 - ¹⁰ Jugend' 81. Lebensentwürfe, Alltagsstrukturen, Zukunftsbilder. Bd. 1. Opladen, 1982, S. 15.
 - ¹¹ Frackmann M., Kuhls H., Lühn K.-D. Null Bock oder Mut zur Zukunft, S. 126.
 - ¹² Steigerwald R. Protestbewegung. Fr./M., 1982, S. 9, 15.
 - ¹³ Die verunsicherte Generation, S. 52.
 - ¹⁴ Die Neue Gesellschaft, 1981, N 11, S. 978.
 - ¹⁵ Jugend' 81, S. 91.
 - ¹⁶ Die verunsicherte Generation, S. 45.
 - ¹⁷ Spiegel, 1981, N 13, S. 29.
 - ¹⁸ Jugend'81, S. 91.
 - ¹⁹ Herles H. Machtverlust oder Das Ende der Ära Brandt. Stuttgart, 1983, S. 24—25.
 - ²⁰ Die Neue Gesellschaft, 1981, N 2, S. 112—113.
 - ²¹ Vorwärts, 4.II.82.
 - ²² Glotz P. Die Beweglichkeit des Tankers. Die Sozialdemokratie zwischen Staat und neuen sozialen Bewegungen. München, 1982, S. 97—98, 103.
 - ²³ Frankfurter Rundschau, 1982, 3, 4 Nov.
 - ²⁴ Spiegel, 1981, N 13, S. 28.
 - ²⁵ Blätter für deutsche und internationale Politik, 1981, N 4, S. 464.
 - ²⁶ Ibidem.
 - ²⁷ Frankfurter Rundschau, 1981, 11 Apr.
 - ²⁸ Ibidem.
 - ²⁹ Frankfurter Rundschau, 1981, 31 Jan.
 - ³⁰ Frankfurter Rundschau, 1980, 12 Febr.; 23 März.
 - ³¹ Frankfurter Rundschau, 1980, 8 Nov.
 - ³² Vorwärts, 1981, 8 Okt.
 - ³³ Ibidem.
 - ³⁴ Die Neue Gesellschaft, 1981, N 12, S. 1085—1086.
 - ³⁵ Ibid., S. 1087.
 - ³⁶ Marxistische Blätter, 1983, N 1, S. 20.

- ³⁷ Neue Gesellschaft, 1981, N 12, S. 1088.
³⁸ Vorwärts, 1983, 8 Sept.
³⁹ Frankfurter Rundschau, 1983, 28 Mart.
⁴⁰ Frankfurter Allgemeine Zeitung, 1984, 16, 17 Apr.
⁴¹ Neue Gesellschaft, 1984, N 1, S. 48, 51, 53.
⁴² Frankfurter Rundschau, 1984, 21 Mai.
⁴³ Neue Gesellschaft, 1984, N 6, S. 495.
⁴⁴ Ibid., S. 499.
⁴⁵ Vorwärts, 1984, 12 Apr.
⁴⁶ Ibidem.
-

ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ СОЦИАЛ-ПАРТНЕРСКОЙ ИДЕОЛОГИИ В ПРОФСОЮЗНОМ МОЛОДЕЖНОМ ДВИЖЕНИИ ФРГ

Профсоюзы являются самой массовой и влиятельной организацией в ФРГ, объединяющей более 9 млн. 600 тыс. человек, или почти 42% работающих по найму¹. В Объединение немецких профсоюзов (ОНП) входят представители разных политических партий — социал-демократы, коммунисты, свободные демократы, христианские демократы. Это положительно отличает профсоюзы ФРГ от профсоюзов многих других развитых капиталистических стран. Профсоюзное движение ФРГ, преодолев партийную и конфессиональную разобщенность, играет важную роль в защите социально-экономических интересов наемных работников, в общественно-политической жизни страны.

Уже в первой «Программе принципов ОНП», принятой в 1949 г. в Мюнхене, нашли отражение важные антимонополистические требования трудящихся. Во-первых, Мюнхенская программа ставила одной из актуальных целей политики профсоюзов борьбу за перевод ключевых отраслей промышленности, транспорта и кредитных институтов в общественную собственность. Во-вторых, программа признавала необходимость создания в стране системы централизованного народнохозяйственного планирования и ограничения всевластия монополий. В-третьих, стержневой линией программы являлось требование о предоставлении лицам наемного труда права на участие в решении всех экономических и социальных вопросов. Программа принципов провозгласила одной из целей профсоюзов создание такого общественного строя, в котором «будут устранены материальная нужда и каждому желающему трудиться будут гарантированы работа и существование»².

В первой половине 50-х гг. трудящиеся активно выступали за претворение этой программы в жизнь. Но правые лидеры

СДПГ и ОНП старались избегать массовых профсоюзных акций, убеждали трудящихся в том, что все их требования могут быть решены не путем конфронтации с предпринимателями, а с помощью переговоров с ними при участии представителей правительства. Эту точку зрения разделяли и многие левые профсоюзные деятели. Председатель профсоюза металлистов О. Бреннер считал, что реализация Мюнхенской программы в сложившихся условиях должна быть отложена в связи с явным перевесом сил на стороне монополий.

О широком распространении реформистских тенденций в профсоюзном руководстве свидетельствует отчет Секретариата ОНП за 1950—1951 гг. В нем фактически не принимались во внимание многие положения Мюнхенской программы, в частности, вопрос о переводе основных отраслей экономики и банков в общественную собственность, о демократическом планировании, и в то же время провозглашалась приверженность буржуазным концепциям «свободного рыночного хозяйства». «В вопросе плановая экономика или свободное рыночное хозяйство профсоюзы не занимают догматических позиций, — подчеркивалось в отчете, — они за принципиальную свободу предпринимателей. Они придерживаются мнения, что повсюду в общественной жизни должен соблюдаться принцип свободы и сотрудничества»³.

Широкое распространение социал-реформистских иллюзий в рабочем классе и в профсоюзах не могло не сказаться на борьбе за социально-экономические требования, на движении за участие трудящихся в управлении производством. «Закон о статусе предприятия», принятый в 1952 г., предписывал производственному совету сотрудничать с предпринимателем в интересах «социального партнерства» и «общего блага». Как подчеркивается в этом законе, «работодатель и производственный совет с полным доверием сотрудничают в рамках действующих тарифных договоров друг с другом и с профсоюзами и с союзами предпринимателей. Все они учитывают общие интересы и интересы предприятия». Органы рабочего представительства должны «избегать всего, что может нанести ущерб производству и нарушить мир на предприятии»⁴.

В духе социального партнерства проходил 4-й конгресс Объединения немецких профсоюзов (1956 г.). Правые лидеры потребовали исключить из «Программы принципов» тезис о переводе ключевых отраслей промышленности в общественную собственность. При этом они (в частности, Лебер и Гутермут) приводили два основных аргумента. По их мнению, это тре-

бование не может быть включено в общую программу ОНП по той причине, что оно якобы не носит универсального характера для всех отраслей промышленности. Так, по утверждению Г. Лебера, строительная промышленность, например, не может быть отнесена к тем отраслям экономики, которые подлежат национализации. Они доказывали также, что требование национализации имеет второстепенный характер и отвлекает якобы профсоюзы от решения более актуальных задач.

Эти аргументы были подвергнуты критике со стороны левых сил, выступивших в поддержку национализации коренных отраслей промышленности и банков. На конгрессе прозвучала критика теории и практики социального партнерства. Председатель профсоюза металлистов О. Бреннер призвал отказаться от социал-партнерских иллюзий и активизировать борьбу за социально-экономические и политические требования. Однако этот призыв не нашел отражения в практике профсоюзного правореформистского руководства, которое продолжало прежнюю политику социального партнерства, направленную на интеграцию профсоюзов в капиталистическую систему.

Усилению реформизма и социал-партнерской идеологии способствовали многие объективные и субъективные факторы. Одной из наиболее существенных причин распространения реформизма в профсоюзном движении явилось то, что экономика страны развивалась в условиях высокой экономической конъюнктуры. В 1950 г. промышленное производство ФРГ достигло довоенного уровня, в середине 50-х гг. было в три раза выше по сравнению с 1950 г. Темпы роста экономики были значительно выше, чем в большинстве капиталистических стран. В 1953—1960 гг. среднегодовые темпы роста промышленного производства составляли в развитых капиталистических странах в среднем 4,3%, а в ФРГ — 8,8%⁵.

Широкую популярность в эти годы получила легенда об «экономическом чуде», распространявшаяся буржуазной и социал-реформистской пропагандой. В условиях высокой экономической конъюнктуры монополии пошли на известные уступки рабочему классу. В начале 60-х гг. заработная плата рабочих промышленных предприятий почти в три раза превышала средний уровень заработной платы предыдущих десяти лет. Хотя рост заработной платы и сопровождался повышением потребительских цен и налогов, но тем не менее происходило постоянное увеличение реальных доходов рабо-

тающих по найму. Прожиточный уровень западногерманских трудящихся был выше, чем во Франции, Великобритании, Италии и Бельгии. Уменьшилась доля безработных в общем числе наемного труда.

Как отмечает марксистский исследователь Франк Демпе, повышение реальных доходов в эти годы нельзя считать результатом только успешной борьбы профсоюзов. Оно произошло не в последнюю очередь вследствие длительного периода благоприятной конъюнктуры капиталистической экономики. Но, разумеется, наличие сильных профсоюзов создало существенные предпосылки для реализации этой объективной возможности⁶.

Немаловажным фактором является и то, что монополистическая буржуазия испытывала страх перед растущим влиянием мировой социалистической системы на западногерманский рабочий класс и шла на уступки, чтобы предотвратить классовую борьбу и политические выступления трудящихся. В период благоприятной конъюнктуры предприниматели часто предпочитали идти навстречу требованиям рабочих, нежели допускать простой предприятий, что нанесло бы им гораздо больший ущерб.

Распространению среди рабочих реформистских настроений способствовали изменения в структуре рабочего класса. Удельный вес рабочего класса в структуре занятого населения увеличился с 64,5% в 1950 г. до 71,9% в середине 60-х гг., т. е. составил почти $\frac{3}{4}$ всего трудоспособного населения⁷. Рост рабочего класса происходил в основном за счет сокращения самостоятельно занятых. Их доля в трудоспособном населении в целом сократилась с 25,9% в 1950 г. до 19,8% в 1961 г.⁸ В рабочий класс страны влилось несколько миллионов крестьян, ремесленников, торговцев и других мелких собственников. Как писал В. И. Ленин, пролетариат в капиталистических странах живет в окружении мелкобуржуазных масс, из которых он пополняет свои ряды и с которыми он связан тысячами нитей. В. И. Ленин подчеркивал: «...во всякой капиталистической стране рядом с пролетариатом всегда стоят широкие слои мелкой буржуазии, мелких хозяев. Капитализм родился и постоянно рождается из мелкого производства... Совершенно естественно, что мировоззрение снова и снова прорывается в рядах широких рабочих партий»⁹.

Значительная часть рабочих, выходцев из мелкобуржуазных слоев, не сразу может занять пролетарские позиции, так как над ней довлеют еще частнособственнические взгляды,

идеология. Мелкая буржуазия, интеллигенция, служащие, а также некоторые слои рабочего класса, разочарованные политикой буржуазных партий, но не способные еще усвоить последовательную идеологию, легко попадают под влияние социал-реформистских концепций.

Материальные уступки буржуазии, искусная социальная демагогия, осуществляемая в условиях высокой экономической конъюнктуры, порождали у значительной части трудящихся социал-партнерские иллюзии, отвлекали их внимание от требований коренного преобразования общественного строя. Длительный период высокой экономической конъюнктуры, рост реальной заработной платы, снижение безработицы, улучшение социального обеспечения порождали у определенной части рабочего класса убеждение в том, что и в рамках существующих отношений можно добиться значительных успехов, не прибегая к классовой борьбе.

Эти иллюзии всячески поддерживали правые профсоюзные лидеры, оказывающие сильное влияние на рабочий класс. Представители правого крыла в ОНП, включавшего профсоюзы строителей, текстильщиков и горняков, усиленно пропагандировали буржуазные теории о государстве «всеобщего благоденствия», одинаково заботящемся о всех классах и стремящемся к социальной справедливости. Как заявлял в те годы председатель ОНП Людвиг Розенберг, профсоюзы признают и целиком одобряют боннское государство, в котором народ благодаря свободным и демократическим выборам сам определяет свою судьбу. Профсоюзы, по его мнению, должны стремиться не к изменению существующего общественного строя, а к совершенствованию его, устранению отдельных недостатков, и тогда государство сможет сочетать в себе «демократическое сознание и демократическую ответственность всех граждан и всех политиков»¹⁰. Западногерманское государство, заявил видный профсоюзный функционер Бернхард Текке, в принципе должно быть одобрено, так как оно позволяет свободно критиковать недостатки с целью их устранения, проводит реформы в интересах общества¹¹.

По мнению Г. Лебера, боннское государство утратило свой классовый характер и из инструмента классового господства привилегированных слоев превратилось в «инструмент каждого». Оно, несмотря на все свои недостатки и ошибки, является «демократическим государством». И это государство «целиком и полностью, без всяких колебаний и сомнений мы должны и можем признать нашим государством»¹².

Правые социал-демократические и профсоюзные лидеры утверждали, что времена классовой борьбы миновали, рабочие и предприниматели решают все вопросы во «взаимном уважении». Вместо классовой борьбы они проповедовали идею «мирного плюрализма» интересов. Сотрудничество с капиталом и с «нейтральным» партнером-государством они провозглашали как элемент «социального мира», необходимый для интеграции профсоюзов в существующую капиталистическую систему. Они пытались ограничить деятельность профсоюзов рамками социально-экономических требований, совместимых с «деловым» сотрудничеством с предпринимателями, утверждая, что профсоюзы в рамках этого государственного строя выполняют функцию порядка.

Совершенно иной точки зрения придерживались левые силы, объединенные в профсоюзах металлистов, химиков и почтовиков. Анализируя характерные черты западногерманского государства, бывший председатель профсоюза металлистов Отто Бреннер подчеркивал его бюрократизм, проявления авторитарных и антидемократических тенденций, все более усиливающееся слияние с ним влиятельных монополистических групп, вмешательство во все сферы жизни якобы в интересах всех членов общества. «Однако не будем себя обманывать», — писал О. Бреннер, — так называемые общие интересы являются в современных условиях не чем иным, как интересами слоев и классов, которые располагают экономической силой и осуществляют политическую власть»¹³.

Подобной точки зрения придерживаются и члены «Профсоюзной молодежи». На молодежных профсоюзных конгрессах и конференциях, проходивших в 60-е гг., неоднократно подчеркивалось, что в западногерманском обществе, как и прежде, господствует власть капитала, наблюдается несправедливость в распределении доходов и богатства, существует социальное неравенство и имеются тенденции к реставрации реакции.

Левые силы в ОНП при прямой и эффективной поддержке «Профсоюзной молодежи» сумели отстоять позиции независимости профсоюзов, воспрепятствовать превращению их в «фактор порядка». В «Программу принципов ОНП» (1963 г.) под давлением левых сил были включены требования, предусматривающие проведение важных социально-экономических и политических реформ. Видное место в программе занимал вопрос о переводе ключевых отраслей промышленности в общественную собственность. «Общественная собственность в ее

различных проявлениях, — подчеркивалось в программе, — имеет решающее значение в современном индустриальном обществе... Профсоюзы требуют сохранения и расширения общественной собственности в интересах экономики и развития общества по пути прогресса и социальной справедливости»¹⁴. В программе говорилось о необходимости вести борьбу за участие трудящихся в управлении производством с целью «начать преобразование экономики и общества», в ней также содержатся конкретные требования в области социально-экономической политики (повышение заработной платы, сокращение продолжительности рабочей недели, улучшение условий труда и др.). В социально-экономическом разделе подчеркивается незыблемость права на забастовку. Таким образом, в программу были включены многие социально-экономические и политические требования, отвечающие жизненно важным интересам трудящихся.

Однако в программе содержались и многие противоречивые положения и выводы. Так, например, наряду с критикой существующих общественных отношений «Программа принципов» утверждала, что ФРГ является обществом «подлинной демократии», «социальным и правовым государством», которое нуждается лишь в некотором совершенствовании. Программа 1963 г. являлась политическим компромиссом между двумя главными течениями в ОНП. С одной стороны, она включала такие принципиальные требования, как «демократическое преобразование общества», «народнохозяйственное планирование», «социализацию», «соучастие в управлении производством и экономикой». С другой стороны, она поддерживала неолиберальный курс на «социальное рыночное хозяйство» и неокейнсианские концепции государственного регулирования экономики, что отражало влияние правых сил в ОНП. Программа создавала иллюзорное представление о возможности справедливого распределения доходов и устранения социального неравенства в условиях капиталистической системы.

Еще больше усилились реформистские тенденции в профсоюзном движении в начале 70-х гг. Во-первых, отдельные профсоюзные лидеры, поверив предвыборным обещаниям партийного руководства, надеялись, что возглавляемое социал-демократами правительство будет учитывать интересы рабочего класса и без борьбы удастся добиться реализации основных профсоюзных требований и ограничить власть монополий. Как отмечает Ф. Демпе, «рабочие рассматривали социал-

либеральную коалицию как свое правительство. Они ожидали, что вопросы материального положения трудящихся займут достойное место в деятельности правительства. Кроме того, профсоюзы надеялись, что будет проведена налоговая реформа и улучшена система образования и профессионального обучения»¹⁵.

Во-вторых, большие надежды возлагали профсоюзные лидеры на политику доходов и методы государственного регулирования экономикой. В частности, руководство ОНП одобрило участие профсоюзов в «концентрированной акции», в рамках которой социальные конфликты должны были решаться едиными, слаженными как в концерте, действиями профсоюзов, предпринимателей и правительства. В-третьих, профсоюзные лидеры считали, что приход СДПГ к власти означает для профсоюзов усиление их экономической и политической ответственности. Профсоюзы должны проявлять лояльность по отношению к «своей» правящей партии при выдвижении требований, учитывать экономическую и политическую ситуацию в стране, чтобы не нанести ущерб престижу СДПГ. Для профсоюзов имел большое значение тот факт, что несколько ведущих представителей ОНП, в частности председатели профсоюза строителей Г. Лебер и профсоюза горняков В. Арендт, стали министрами. Тем самым профсоюзы якобы стали разделять ответственность с правительством. Многие профсоюзные функционеры (в том числе и О. Бреннер, который после выборов в 1969 г. отказался от принципиальной критики существующих общественных и политических отношений) надеялись, что, поддержав правительственную политику, они смогут создать предпосылки для упрочения позиций СДПГ и тем самым подготовить почву для проведения коренных общественных реформ.

Все это привело к тому, что профсоюзы заняли позицию пассивного ожидания проводимых через парламент реформ. Профсоюзное руководство отказалось в начале 70-х гг. от критики правительственной программы, одобрило методы государственного регулирования экономики. Реформистская политика правого профсоюзного руководства встретила решительное осуждение со стороны левых сил в Объединении немецких профсоюзов, многих членов «Профсоюзной молодежи», которая объединяет членов профсоюза в возрасте от 18 до 25 лет и насчитывает более 1,2 млн.¹⁶ Как и Объединение немецких профсоюзов, «Профсоюзная молодежь» является в политическом отношении формально нейтральной организа-

цией, объединяющей в своих рядах членов и сторонников различных политических партий и молодежных организаций. Молодежная организация руководствуется в своей деятельности уставом и программными документами ОНП.

В годы «экономического чуда» профсоюзная молодежь испытывала на себе сильное влияние правого руководства СДПГ и ОНП. Однако в начале 70-х гг. между руководством ОНП и молодежными профсоюзными организациями наметились серьезные разногласия по таким вопросам, как характер общественного строя и роль государства в ФРГ, проблема национализации основных отраслей производства, участие трудящихся в управлении производством и экономикой страны и др.

Молодежные профсоюзные лидеры требуют от руководства ОНП отказаться от политики постоянных уступок предпринимателям под предлогом сохранения «социального мира» и последовательно отстаивать насущные интересы трудящихся, используя эффективные формы классовой борьбы. В противоположность официальной политике «социального партнерства» функционеры «Профсоюзной молодежи» постоянно подчеркивают, что экономические и демократические требования рабочего класса могут быть осуществлены лишь в результате коренных преобразований общественно-политической системы. В «Стратегическом документе», принятом в 1971 г. на VIII федеральной конференции «Профсоюзной молодежи», подчеркивается: «...возросшая концентрация экономической мощи монополий и усиление эксплуатации трудящихся характеризуют капиталистическую экономическую систему и делают очевидным необходимость ее коренного изменения»¹⁷. На конференции были сформулированы основные направления профсоюзной молодежной работы, среди которых особое значение придается политическому воспитанию молодежи, призванному «помочь молодым рабочим лучше осознать свои политические и общественные интересы»¹⁸.

Делегаты IX конференции (1974 г.) подвергли критике социал-реформистские концепции руководства ОНП и заявили, что профсоюзы являются боевой организацией рабочего класса, а не «фактором порядка» и не «социальным партнером» предпринимателей. Конференция приняла резолюцию, в которой содержались такие требования, как обобществление ключевых отраслей экономики и банков, демократический контроль над инвестициями и др.

Критика в адрес правительства прозвучала с трибуны молодежной конференции профсоюза химиков (1976 г.). Анализируя причины безработицы и отсутствие возможности получить профессию, участник конференции Г. Детнер заявил под аплодисменты делегатов: «Нужно покончить с экономическим строем, который не может дать молодому человеку образование и обеспечить его работой»¹⁹. В одной из резолюций, принятой на конференции, отмечалось: «Рабочая молодежь ожидает от правительства политики, которая отвечает интересам трудящихся, а не тем 1,7% населения, которые владеют 74% средств производства»²⁰.

С осуждением политики правительства выступили участники молодежной профсоюзной конференции почтовых работников (1977 г.). В принятой ею резолюции отмечается: «Очевидным является тот факт, что интересы капитала и труда несовместимы и противоречия в интересах усиливаются, растет безработица, ухудшаются условия труда и жизни. Работающие по найму несут на себе тяжесть кризиса в капиталистической экономике ФРГ. Без изменения экономической и общественной власти никогда не будет достигнуто гарантированное будущее рабочих, служащих и учащихся»²¹.

Во второй половине 70-х гг. в профсоюзном движении ФРГ произошли значительные сдвиги. Экономический спад, усилившаяся инфляция, возросший уровень безработицы нанесли сильный удар по социал-партнерским иллюзиям. В эти годы монополистическая буржуазия перешла к интенсивному наступлению на социальные завоевания и демократические права рабочего класса, усилила преследования профсоюзных активистов, заняла жесткую позицию в тарифных переговорах, потребовав «замораживания» заработной платы и отказа трудящихся от многих требований, сильно ограничив тем самым сферу деятельности профсоюзов. Предприниматели стали широко прибегать к локаутам и другим формам «дисциплинирования» бастующих. Все более очевидным становился отход монополий от политики социального партнерства и их стремление выйти из экономических трудностей за счет усиления эксплуатации рабочего класса.

Под давлением рядовых членов в руководящих органах профсоюзов усилилось стремление к частичной переориентации политики, без изменения, однако, принципиальных реформистских позиций. Председатель ОНП Г.-О. Феттер заявил на XI конгрессе: «Нашу политику должны в будущем определять следующие основные принципы: расширение автономии

профсоюзов, развитие конкретных программ действий, укрепление единых профсоюзов, усиление международного сотрудничества. Мы должны больше полагаться на собственные силы»²². Подобного рода заявление не означало разрыва с социал-партнерской идеологией и политикой, тем не менее выражало стремление многих рядовых членов и левых функционеров решительно отстаивать интересы работающих по найму в борьбе с монополиями, добиваться ограничения их власти.

Профсоюзы в значительной мере пересмотрели свои тактические установки и стали принимать более активное участие в забастовочном движении. Все забастовки в конце 70 — начале 80-х гг. были одобрены профсоюзным руководством и проводились при его активном участии. Правления отраслевых профсоюзов часто выступали в роли инициаторов забастовок и демонстраций солидарности с бастующими.

Забастовочная борьба после некоторого спада в период экономического кризиса во второй половине 70-х гг. вновь вступила в фазу подъема. Наибольший размах она получила в 1978 г. Даже по заниженным официальным данным, стачками в 1978 г. было охвачено 1239 предприятий, в них участвовало более 488 тыс. рабочих и служащих, число забастовочных человеко-дней превысило 4,3 млн. Для сравнения достаточно сказать, что в 1977 г. число забастовочных человеко-дней составляло 24 тыс.²³

Особенно острый характер приобрела борьба в полиграфической промышленности. В феврале 1978 г. состоялась крупнейшая в истории ФРГ забастовка полиграфистов, которая продолжалась более трех недель. Бастующие добились запрета массовых увольнений и переобучения рабочих за счет предпринимателей. Это требование является особенно актуальным, если учесть, что вследствие внедрения новой техники в полиграфической промышленности в предыдущие пять лет было ликвидировано 35 тыс. рабочих мест. Профсоюз полиграфистов потребовал сохранения рабочих мест при внедрении новой техники, сокращения рабочей недели и повышения тарифов. В результате упорной борьбы предприниматели вынуждены были подписать с профсоюзами договор, запрещающий проводить массовые увольнения и регулирующий вопрос о переобучении рабочих за счет предприятия²⁴.

В марте состоялись классовые выступления металлистов в Северном Баден-Вюртемберге. Бастовало 80 тыс. человек на 63 предприятиях. Благодаря боевой решимости и гибкой

тактике профсоюзов рабочим удалось добиться увеличения заработной платы, улучшения условий труда.

К числу крупнейших классовых выступлений ФРГ относится и 44-дневная забастовка работников сталелитейной промышленности в 1978 г., в которой приняло участие более 100 тыс. человек. По инициативе ОНП во многих городах состоялись забастовки и демонстрации солидарности с бастующими сталеварами. В них участвовало около 180 тыс. членов разных профсоюзных организаций²⁵.

Особенно острый характер приобрела кампания за перезаключение тарифных договоров весной 1980 г. Профсоюз металлистов потребовал повышения заработной платы на 7—8%, предприниматели же соглашались лишь на 2,5—3%-ное повышение. Правление профсоюза металлистов восприняло это предложение как попытку предпринимателей спровоцировать металлистов на забастовку, а затем прибегнуть к локауту, чтобы «дисциплинировать» профсоюзы и опустошить их кассу. Отказавшись от отраслевой забастовки, профсоюз провел кратковременные стачки на отдельных предприятиях Гессена, Баден-Вюртемберга и Рейнланд-Пфальца, в том числе и на таких крупных заводах, как «Опель», «Форд», «Фольксваген». Более 2,5 млн. трудящихся, молодых рабочих, учеников производственного обучения приняли участие в предупредительных забастовках, демонстрациях, митингах и других акциях. Предприниматели были вынуждены повысить плату металлистам на 4,9% и согласились на другие уступки²⁶.

В мощных забастовках металлистов одним из наиболее боевых отрядов бастующих были молодые рабочие, члены «Профсоюзной молодежи». Их последовательная позиция в борьбе сыграла не последнюю роль в успешном завершении забастовок. Молодежь была наиболее действенной и многочисленной силой в таких выступлениях рабочего класса ФРГ, как забастовка на заводе «Хеш» в Дортмунде и стачка рабочих металлургической промышленности земли Северный Рейн-Вестфалия²⁷. В начале 80-х гг. во многих землях страны стали создаваться так называемые «Молодежные центры по борьбе с безработицей». По их инициативе были проведены массовые демонстрации молодых рабочих и производственных учеников под лозунгом: «Тот, кто сегодня отказывается от борьбы, завтра сам окажется без работы».

По инициативе марксистской организации — Социалистической немецкой рабочей молодежи (СНРМ) — в 1980—

1981 г. состоялись демонстрации и другие массовые выступления молодежи. Сотни тысяч молодых рабочих металлургических заводов Дортмунда провели в 1981 г. серию предупредительных забастовок. Молодые активисты профсоюза печатников установили в нескольких городах на людных улицах информационные стенды и вели разъяснительную работу относительно характера и целей борьбы типографских рабочих. Молодежь города Нойкирхена организовала марш протеста против намерения предпринимателей сократить 8000 рабочих мест. На транспорантах демонстрантов было написано: «Ни одно рабочее место не должно быть потеряно», «Рабочие места вместо ядерных ракет», «Нойкирхен не должен стать мертвым городом»²⁸. Подобных примеров антимонополистической борьбы молодежи можно было бы привести большое количество. Характерной чертой борьбы молодежи против безработицы, роста цен, за увеличение заработной платы и улучшение условий труда является то, что молодые рабочие в своих выступлениях используют разнообразную тактику. Большое распространение среди трудящейся молодежи получили «плакатные шествия» против роста цен и движение «красный значок» против повышения транспортных тарифов, акции «красная кукушка» против нарушения закона об охране труда молодежи, так называемые трибуналы рабочей молодежи над отдельными предпринимателями и реакционными политиками.

Классовые бои трудящихся, рабочей молодежи нанесли серьезный удар по социал-партнерской идеологии, содействовали развитию классового сознания западногерманских рабочих. Об этом, в частности, свидетельствует анализ документов и других материалов съездов отраслевых профсоюзов, состоявшихся в 1980 г. Выступая на 13-м съезде металлистов, бывший председатель профсоюза Е. Лодерер заявил, что профсоюз металлистов «не социальный партнер предпринимателей, а независимая боевая организация». Подобного рода вывод был сделан и в докладе бывшего председателя профсоюза полиграфистов Л. Малайна на его 12-м съезде. «Социальное партнерство, — подчеркнул Малайн, — означает подчинение интересов работающих по найму интересам капитала. Профсоюзам навязывается обязательство действовать в интересах «общего блага» и тем самым их пытаются интегрировать в господствующую систему. Я считаю, что идеология социального партнерства находится в противоречии с нашей профсоюзной деятельностью»²⁹.

В профсоюзе химиков развернулась бурная дискуссия об отношении к политике социального партнерства. К. Хауеншильд, А. Вебер, В. Витт, Г. Раппе и другие руководящие работники профсоюза хотя и признавали наличие противоречий между наемными работниками и предпринимателями, но тем не менее призывали больше «ориентироваться на кооперацию интересов, а не на конфронтацию», воздерживаться от забастовочной борьбы. Подобного рода позиция руководства профсоюза, известного своими боевыми традициями, вызвала критику со стороны рядовых членов и профсоюзной молодежи. «Нельзя согласиться с руководством правления профсоюза, призывающего к социальному партнерству. Эта тактика крайне опасна», — заявил на съезде профсоюза один из его лидеров Гефеллер. Политика социального партнерства была отвергнута в решениях съезда ³⁰.

Острой критике была подвергнута политика социального партнерства на 12-й молодежной конференции профсоюза металлургов в апреле 1980 г. В резолюциях конференции подчеркивается: «Многokrатно повторяемые фразы о плюралистическом обществе в ФРГ не могут скрыть существующие как и прежде классовые противоречия». Одной из главных задач профсоюзной молодежи, отмечается в резолюции, является воспитание у молодых рабочих критического отношения к существующей капиталистической системе и мобилизация их на борьбу за социальный прогресс. «Работа профсоюзной молодежи должна быть нацелена на то, чтобы наглядно показать молодежи обострение противоречивых интересов между капиталом и трудом на предприятии и в области профессионального образования..., показать необходимость и возможность коренных преобразований в экономике и в обществе» ³¹.

Критика социального партнерства прозвучала с трибуны 11-й федеральной конференции «Профсоюзной молодежи», состоявшейся в ноябре 1981 г. На конференции были рассмотрены такие вопросы, как реформа профессионального обучения, введение 14-дневного оплачиваемого учебного отпуска, снижение рабочей недели до 35 часов, обеспечение нормальных условий труда и т. д. В одной из принятых резолюций содержался такой, идущий вразрез с социал-реформистской политикой правого руководства ОНП, требования, как перевод ключевых отраслей экономики и банков в общественную собственность, подлинное участие трудящихся в управлении экономикой, введение центрального планирования ³².

Анализ профсоюзных решений, резолюций, выступлений делегатов на молодежных конференциях и других материалов позволяет сделать вывод о том, что в профсоюзном движении происходит усиление левых тенденций, углубляется кризис идеологии социального партнерства. Однако, несмотря на сдвиги и известную политизацию, левым силам в ОНП, в том числе и молодежному профсоюзному движению, не удалось преодолеть влияние реформизма в своих рядах. Во многих программных документах, профсоюзных резолюциях, одобренных левыми силами, содержатся противоречивые положения и выводы. Например, в новой «Программе принципов», принятой в 1981 г., наряду с критикой существующих общественных отношений содержится утверждение о том, что ФРГ является демократическим обществом, «социальным и правовым государством», которое нуждается лишь в некотором совершенствовании³³.

В профсоюзном движении, как и прежде, сильные позиции занимают функционеры, выступающие за продолжение политики социального партнерства. Социал-партнерские иллюзии еще широко распространены среди значительной части трудящихся. Хотя приверженность рабочих к реформизму и не исключает их критического отношения к предпринимателям и участия в антимонополистической борьбе, тем не менее является серьезным препятствием на пути формирования классового сознания трудящихся. В этих условиях важную роль в борьбе против социал-реформистской идеологии, в формировании классового сознания у рабочих и в укреплении антимонополистических позиций в рабочем и молодежном движении принадлежит Германской коммунистической партии³⁴.

В заключение следует отметить следующее: во-первых, отличительной чертой борьбы трудящихся было усиление ее размаха и рост числа участников забастовок, демонстраций и других выступлений;

во-вторых, произошло значительное расширение круга требований, выдвигаемых трудящимися. Упорная борьба велась за сохранение рабочих мест, за повышение заработной платы, за улучшение условий труда, в защиту демократических прав и свобод, за реформу системы образования и профессионального обучения;

в-третьих, важной особенностью забастовочной борьбы было широкое участие в ней не только «взрослых» и молодых рабочих промышленных предприятий, но и включение в

нее тех групп трудящихся, которые прежде по тем или иным причинам не принимали активного участия в массовых выступлениях, например, учеников производственного обучения; в-четвертых, большинство забастовок носило не оборонительный, а наступательный характер. Это было вызвано жесткой позицией предпринимателей на время тарифных переговоров с профсоюзами;

в-пятых, профсоюзы и организации рабочей молодежи использовали разнообразные формы борьбы: всеобщие забастовки, стачки на отдельных предприятиях, забастовки солидарности. Забастовочная борьба сочеталась с демонстрациями и митингами, с проведением «звездных походов» и маршей протеста. Молодые активисты участвовали в распространении информационных материалов, рассказывающих о целях борьбы, проводили мероприятия по вовлечению молодежи районов, прилегающих к бастующим предприятиям, в движение солидарности. Благодаря подъему профсоюзного движения, гибкой тактики трудящимся удалось добиться удовлетворения многих своих требований: повышения заработной платы, сокращения до 40 часов рабочей недели, продления оплачиваемого отпуска, улучшения условий труда для молодежи, а также некоторых гарантий и защиты от увольнений в связи с внедрением новой техники.

Другим итогом борьбы, причем не менее важным, чем достижение материальных уступок, было то, что укрепились вера трудящихся в солидарность, их решимость в отстаивании своих интересов. Подъем классовой борьбы в конце 70 — начале 80-х гг., усиление антимонополистических тенденций в профсоюзном движении свидетельствуют о росте социально-политического сознания западногерманских рабочих, о нарастании кризиса идеологии и политики социального партнерства.

¹ IPW-Berichte, 1982, N. 9, S. 64.

² Die Westdeutschen Gewerkschaften und das staatsmonopolistische Herrschaftssystem, Berlin, 1968, S. 584.

³ Geschäftsbericht des Bundesvorstandes des DGB. Fr./M., 1951, S. 318.

⁴ Betriebsverfassungsgesetz. Fr./M., 1966, S. 14.

⁵ Gewerkschaftliche Monatshefte, 1961, N 5, S. 270.

⁶ Blätter für deutsche und internationale Politik, 1977, N 1, S. 43.

⁷ Klassen- und Sozialstruktur der BRD 1950—1970. Bd. 2. Fr./M., 1974, S. 333.

⁸ Ibidem.

⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 17, с. 25.

- ¹⁰ Rosenberg L. Die Gewerkschaften im demokratischen Staat. Fr./M., 1975, S. 127.
- ¹¹ Welt der Arbeit, 1966, 7 Okt.
- ¹² Die Westdeutschen Gewerkschaften..., S. 131.
- ¹³ Ibid., S. 131.
- ¹⁴ Ibid., S. 621.
- ¹⁵ Marxistische Studien. Jahrbuch der IMSF, Fr./M., 1978, Bd. 1, S. 293.
- ¹⁶ Marxistische Blätter, 1982, N 1, S. 105.
- ¹⁷ Arbeiterjugendbeschlüsse, Dortmund, 1972, S. 58.
- ¹⁸ Ibid., S. 59.
- ¹⁹ Nachrichten zur Wirtschafts und Sozialpolitik, 1976, N. 2, S. 21.
- ²⁰ Ibid., S. 1977 N 1, S. 23.
- ²¹ Marxistische Blätter, 1977, N 4, S. 54.
- ²² Protokoll des 11. ordentlichen Bundeskongress, Hamburg, 21. bis 26. Mai 1978. Deutscher Gewerkschaftsbund. Lübeck, 1978, S. 200.
- ²³ Рабочий класс и современный мир, 1979, № 5, с. 73.
- ²⁴ Unsere Zeit, 1978, 21 März.
- ²⁵ Der Streik der Stahlarbeiter. Fr./M., 1978, S. 93.
- ²⁶ Unsere Zeit, 1980, 15 Mai.
- ²⁷ Achenbach A. Arbeitskampf an neuen Fronten. Fr./M., 1979, S. 21—22.
- ²⁸ Unsere Zeit, 1981, 30 März.
- ²⁹ Unsere Zeit, 1980, 27 Febr.
- ³⁰ Welt der Arbeit, 1980, 18 Okt.
- ³¹ Nachrichten..., 1980, N 6, S. 17—18.
- ³² Marxistische Blätter, 1982, N 1, S. 106.
- ³³ Die Quelle, 1981, N 4, S. 213.
- ³⁴ Gerns W. Klassenbewusstsein und Partei der Arbeiterklasse. Fr./M., 1978.
-

О. И. ЮЩЕНКО

**ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ
МОЛОДЕЖНОЙ ПОЛИТИКИ ХДС/ХСС
(конец 70-х — начало 80-х гг.)**

Углубление кризисных явлений государственно-монополистического капитализма, ухудшение внешних и внутренних условий его существования привели на рубеже 70—80-х гг. в ФРГ, как и в ряде других развитых капиталистических стран, к усилению консервативных тенденций в их политике и идеологии. В условиях растущей социально-экономической и политической нестабильности консервативные партии ХДС/ХСС, представляющие интересы крупного капитала, тесно связанные с реакционными клерикальными кругами, предприняли массированное наступление на правящую коалицию СДПГ—СвДП. С помощью умелой социальной демагогии им удалось направить недовольство и разочарование широких слоев населения политикой федерального правительства в основном против СДПГ. С целью компрометации своего политического противника христианские демократы обвиняли социал-демократов в «социалистических устремлениях», представляли их политику как «замаскированное сползание к социализму». Себя же они демонстрировали как единственную партию, которая сможет гарантировать политику, направленную на «экономический подъем» и «будущее».

На выборах 6 марта 1983 г. около 2 млн. избирателей СДПГ отдали свои голоса ХДС/ХСС¹. Сказались и предпринятые в условиях оппозиции руководством ХДС и (в меньшей степени) ХСС усилия по выработке «нового профиля» партий, по приспособлению их к изменившимся условиям. Начиная с середины 70-х гг. консервативные силы стали усиленно заботиться о модернизации своих идеологических установок в рамках так называемого «нового консерватизма», преследуя цель навязать широким слоям населения такую систему идеологических ценностей, которая обеспечила бы правящим кругам

незыблемость их господства. После принятия в 1978 г. новой основной программы христианские демократы усилили пропаганду «основных ценностей — свободы, солидарности и справедливости», но их интерпретация этих понятий носила явно националистическую и воинствующе антикоммунистическую направленность. Использование лозунгов «обновления» и «середины», которые маскируют реакционную сущность партии и выставляют ее в роли «социально-либерально-консервативной» партии «маленьких людей», ХДС удалось привлечь к себе разочаровавшуюся часть избирателей, в том числе и молодежь.

Характеризуя состояние западногерманской экономики как катастрофическое, христианские демократы доказывали, что ее оздоровление возможно лишь в рамках доктрины «социального рыночного хозяйства», включающей ограничение экономической деятельности государства, поощрение частного предпринимательства и «свободной игры сил на рынке». Они пытались привлечь широкие слои населения лозунгами децентрализации промышленности, отказа от «жесткого» государственного регулирования, достижения «экономической свободы индивидуума», «собственности для всех» путем «более справедливого» распределения доходов.

Консервативные идеологи провозгласили, что спасение общества — в возврате к «ценностям и нормам» 50-х гг. — периода правления ХДС/ХСС, который изображался ими как период всеобщего благосостояния. Подлинные же причины кризиса 70-х гг. христианами демократами сознательно затушевывались. Он представлялся ими как кризис «социал-демократического государства», как результат «неправильной», «ошибочной» политики СДПГ.

Молодежная политика партий ХДС/ХСС в последние годы, особенно после их возвращения к власти, развивается в следующих основных направлениях: усилении идеологического воздействия на молодежь в консервативном духе, активизации деятельности консервативных молодежных организаций. Консервативные политики и идеологи стремятся сделать свое влияние решающим при формировании сознания молодого поколения. Они ориентируются не только на то, чтобы отвлечь молодых людей от борьбы за свои интересы, ими ставится задача как можно глубже проникнуть внутрь молодежного движения и переориентировать его в нужном для себя направлении. С этой целью они демагогически подхватывают такие лозунги прогрессивного молодежного движения,

как борьба с безработицей, с социальной неустроенностью молодых людей, охрана окружающей среды и др.

Молодое поколение страны наиболее сильно подвержено негативным воздействиям социально-экономического кризиса капитализма (безработица, нехватка мест профессионального обучения, нехватка жилья, ухудшение материальных условий обучения студентов и др.). Беспокойство и тревога за будущее, страх перед возможной безработицей обусловили определенный сдвиг в настроениях части молодежи. В ее среде приобретают большее значение такие установки, как «сила», «успех», «порядок», «продвижение по службе», стремление преодолеть трудности путем личного усердия, отказа от борьбы. Эта часть молодых людей не осознает подлинных причин массовой безработицы, корнящихся в самой сути капиталистической экономики. Используя политическую неопытность молодежи и недовольство ее своим положением и состоянием общества в целом, консервативные идеологи пытаются навязать ей свои нормы ценностей. Сосредоточение части молодежи на сфере личных интересов, распространение конформистских настроений способствуют росту влияния консервативной идеологии среди молодежи. Конечно, неверно утверждать, что консервативные настроения стали доминирующими среди молодежи ФРГ, но нельзя отрицать и того факта, что «суровая реальность жизненных проблем, отсутствие существенных результатов леворадикального движения протеста прошлых лет... чувство духовной опустошенности... создали благоприятную обстановку для распространения всякого рода конформистских настроений и консервативных воззрений»² среди молодых людей, готовности их принимать мировоззренческие стандарты капиталистического общества.

Для укрепления своего влияния на молодежь руководство ХДС/ХСС разработало еще в конце 70-х гг. консервативную концепцию «духовного руководства» ею. Выступая в сентябре 1982 г. в бундестаге, председатель ХДС Г. Коль заявил: «Все, что государство и правительство могут достигнуть в экономической и социальной политике, останется безрезультатным, если не удастся осуществить поворот в мыслях и действиях наших сограждан... Я утверждаю, что кризис, в котором мы находимся, является большей частью духовно-моральным кризисом»³. Преодоление этого кризиса мыслится христианскими демократами в ходе «духовно-морального обновления», которое в первую очередь должно коснуться молодежи.

Главная причина разочарованности молодежи, утверждают идеологи «духовно-морального обновления», состоит не в ухудшении ее социально-экономического положения, а в утрате ею «основных ценностей», в крушении надежд, в том, что молодые люди «остались наедине с самими собой, со своей свободой, со своими потребностями». Основную причину этих бед руководители ХДС/ХСС видят в неправильной системе образования и воспитания молодежи. Поэтому, по мнению консерваторов, необходимо изменить «духовно-моральный климат»: ориентировать молодежь на такие традиционные добродетели, как «верность», «осознание долга», «терпимость», «дисциплина», «готовность к жертвам», «прилежание», «любовь к отечеству», т. е. воздействовать на ее сознание. Суть их усилий сводится к тому, чтобы воспитать, по определению генерального секретаря ХДС Г. Гайслера, из подрастающего поколения «порядочных немцев» — молодых людей, готовых «прилежно учиться в школах, работать на предприятиях, заниматься в вузах» ⁴.

Крайне негативно христианские демократы относятся к выступлениям западногерманской молодежи, которые в той или иной степени направлены против существующих общественных порядков. По их утверждениям, они инспирируются отдельными радикальными группами. Поэтому необходимо, как неоднократно призывали депутаты фракции ХДС/ХСС в бундестаге, с одной стороны, «оградить молодое поколение от подстрекательских действий радикальных меньшинств, лишить их возможности воздействия на «молчаливое большинство» ⁵. С другой стороны, нужно наладить с молодым поколением «активный диалог», своевременно позаботиться о его «духовном воспитании», внушить ему мысль о преимуществах «свободного демократического общества», предоставляющего будто бы неограниченные возможности молодежи для сотрудничества с общественными и государственными органами. Деятели ХДС/ХСС заявляют даже о необходимости большего доверия со стороны политиков по отношению к молодежи, высказываются против «чрезмерной опеки и регламентирования со стороны государства», которые подавляют инициативу молодых людей и их «готовность к солидарным и ответственным действиям».

Конечно, буржуазные политики вынуждены признавать, что выступления молодежи являются реакцией на нерешенные общественные проблемы. «Я понимаю, — заявил в одном из выступлений в бундестаге в мае 1983 г. Г. Гайслер, — что

некоторые впали в разочарование и что многие протестуют. Но я считаю, что этот протест должен направляться против тех, кто в свое время давал заведомо невыполнимые обещания»⁶, т. е. против социал-демократов. Лидеры ХДС/ХСС, как, например, тот же Г. Гайслер на съезде ХДС 1981 г. в Мангейме, пытаются подыгрывать молодежи, утверждая, что «нельзя всю вину возлагать на демонстрирующую молодежь», что «в государстве и обществе развились недостатки, с которыми большинство молодежи все меньше соглашается и которые неизбежно ведут к протесту»⁷. Используя недовольство молодежи результатами политики СДПГ, христианские демократы со своей стороны предлагают ей свой, якобы «единственно» правильный путь» и представляют себя в роли единственно истинных защитников ее интересов. Часть молодых людей обратила свои надежды к ХДС/ХСС, привлеченная ее лозунгами и многочисленными обещаниями.

Специально теме «Молодежь» лидеры партии посвятили съезд ХДС в ноябре 1981 г. в Гамбурге. Помимо делегатов в его работе участвовало 509 представителей из 65 молодежных союзов различных направлений. Они были приглашены для «открытой дискуссии» между партией и «критическим молодым поколением» по таким актуальным проблемам, как образование и трудоустройство, дальнейшее развитие «социального рыночного хозяйства», вопросы войны и мира, развитие личности в «свободном обществе» и пр. Выступая на съезде Г. Коль призвал членов партии «всерьез относиться к заботам и интересам молодежи» и убеждать ее в том, что у «молодого поколения не может быть повода для разочарования и более того — мятежа». Партия обещала на основе выработанных в ходе обсуждения рекомендаций разработать свою молодежную политику на будущее. Но «открытого диалога» не состоялось. Обсуждение свелось к призывам руководителей ХДС к молодежи пойти на жертвы, «повернуться к основным ценностям» ХДС, довериться партии.

Накануне выборов 6 марта 1983 г. руководство ХДС/ХСС упорно пыталось убедить западногерманскую молодежь в том, что именно эти партии могут дать ей «цели, надежды и перспективы на будущее». Оно хорошо понимало, какую опасность таит растущая безработица молодежи для них самих. «Молодое поколение нельзя оставлять... Если не дать ему шансы на будущее, то последствия окажутся непредвидимыми и разрушительными», — признал Г. Коль на съезде ХДС 1981 г. в Мангейме⁸. Выступая в сентябре 1982 г. в бундеста-

ге, он вновь подчеркнул: «Если нам не удастся открыть молодым согражданам лучшие жизненные перспективы, то не следует тогда удивляться их разочарованию и депрессии»⁹. В своих выступлениях накануне парламентских выборов лидеры партии заявляли о том, что борьба с безработицей молодежи является первейшей политической задачей партии и правительства, обещали восстановить социальную справедливость, дать молодым людям работу, увеличить число мест профессионального обучения.

Руководство ХДС/ХСС не жалело средств для организации различного рода пропагандистских мероприятий, на которых выступали ведущие политики этих партий, для издания и распространения листовок и брошюр, призывающих голосовать за христианских демократов. Одной из основных целей предвыборной кампании ХДС/ХСС было привлечение на свою сторону как можно большей части молодых избирателей и, надо признать, в определенной степени им этого удалось достигнуть.

После прихода к власти ХДС/ХСС не только не ослабили своего внимания к молодежной политике, а, наоборот, усилили его. Ими используется при этом весь находящийся в их руках партийно-государственный механизм. О значении, которое христианские демократы придают работе с молодежью, свидетельствует тот факт, что на пост министра по делам молодежи, семьи и здравоохранения назначен Г. Гайслер, генеральный секретарь ХДС.

Прежде всего ХДС/ХСС сосредоточились на реализации планов так называемого «духовно-морального обновления» молодежи. Добиться его они намереваются следующими путями: во-первых, через усиление влияния так называемых «частных инициатив» — тех из них, которые политически близки к консервативным силам и которые располагают собственными средствами, а также через активизацию различных клерикальных организаций. «Все общественные силы, — заявил министр баварского земельного правительства Пиркль, выступая в ландтаге этой земли, — особенно церковь, призваны искать новые средства и пути, чтобы как можно лучше передать молодежи присущие нашему обществу основные ценности»¹⁰. С этой целью осуществляется широкое финансирование католических и евангелических молодежных организаций из федерального и местных бюджетов.

Во-вторых, под лозунгом обеспечения «свободы индивидуума» и освобождения его от идеологической и бюрократи-

ческой опеки государства предпринимаются усилия по устранению из сознания молодежи прогрессивных идей. Работа молодежных союзов должна открывать молодым людям широкое поле сознательной деятельности, которая, однако, не должна быть идеологизирована. Односторонняя политическая ориентация ограничила бы свободу действий их членов, утверждают христианско-демократические политики. Под «односторонней политической ориентацией» подразумевается, конечно, распространение демократических идей, усиление же влияния конструктивной идеологии на молодежь считается не нарушающим свободы ее мышления.

С приходом к власти христианские демократы усилили обмен молодежных групп между ФРГ и США с тем, чтобы молодые немцы на «родине свободы» могли получить ту духовно-моральную ориентацию, в которой они «нуждаются», а затем содействовали бы распространению ее в ФРГ. В этом молодежном обмене участвуют прежде всего студенты, учителя, мастера производственного обучения и др., т. е. те, кто связан с воспитанием подрастающего поколения.

Христианско-демократические политики создают новые организационные формы работы с молодежью. Это, например, так называемые «молодежные фонды» (югендштифтунген). Они образуются частично из средств земельного молодежного плана (за счет сокращения субсидий другим молодежным организациям), частично из «пожертвований» различного рода организаций монополистического капитала или каких-либо «частных инициатив». Подобные «молодежные фонды» действуют в Баден-Вюртемберге, Гессене и в некоторых других землях ФРГ. Своей целью они ставят привлечение к сотрудничеству всех молодых людей, «которые хотят жить в этой стране... и которые должны получать шансы для реализации своих мыслей и чувств»¹¹.

Несмотря на широковещательные заявления о своем стремлении учесть требования молодежи, на практике правительство, возглавляемое ХДС/ХСС, сразу после прихода к власти стало проводить политику, враждебную интересам молодого поколения страны. Во время дебатов в бундестаге в мае 1983 г. по поводу обсуждения результатов работы парламентской комиссии над темой «Протест молодежи в демократическом государстве» Г. Гайслер объявил, что у правительства имеется «программа 20 пунктов» улучшения положения молодежи. Однако конкретные мероприятия в области

молодежной политики раскрыли действительную сущность этих «улучшений».

С зимнего семестра 1983/84 уч. г. почти полностью отменены стипендии студентам, материальная помощь будет оказываться им исключительно в виде ссуд, подлежащих возврату после окончания учебы. Следствием этого, конечно, явится резкое сокращение числа студентов из трудовых семей. Отменяются и пособия большинству учащихся, проживающим вместе с родителями. Ограничиваются расходы на строительство новых и реконструкцию старых учебных заведений, общежитий для студентов. В оправдание этих мероприятий Г. Коль ссылается на «серьезность ситуации» и «тяжелое наследие»: «Социальная справедливость при пустых кассах — это нечто иное, чем социальная справедливость в 1969 г., когда социал-демократы приняли от нас полные кассы»¹².

Многочисленным изменениям и поправкам в пользу предпринимателей подвергается принятый в 1976 г. закон об охране труда молодежи. В феврале 1984 г. было принято решение, что с 1 января 1985 г. молодые люди в возрасте 15 лет могут приступать к работе с 6, а в отдельных случаях — с 5 часов утра (ранее — с 7). Максимальная продолжительность рабочего дня увеличивается с 8 до 8,5 часов, рабочей недели — с 40 до 44 часов. Производственные ученики располагают теперь не двумя, а одним днем в неделю для учебы в профтехшколах и т. д. В качестве оправдания христианские демократы утверждают, что все это якобы делается для расширения занятости молодежи. На деле же производственные ученики и молодые рабочие могут подвергаться еще большей эксплуатации со стороны владельцев предприятий, что означает еще большее ущемление социальных прав трудящихся.

Федеральное правительство явно встревожено «опасным распространением среди молодежи духа пессимизма». Оно всеми способами старается оправдать свою пассивность в решении проблем безработицы и не скупится при этом на многочисленные обещания. Правительство, по заявлениям его представителей, оказывает «моральное давление» на владельцев предприятий, побуждая их открывать новые курсы и места профессионального обучения. Однако это «моральное давление» не приносит конкретных результатов. По-прежнему более 200 тыс. молодых людей в Западной Германии не могут найти себе рабочие места¹³. Различные «неотложные программы по борьбе с безработицей молодежи», принимаемые правительством, мало что дают. Это связано и с тем, что в

сфере профессионально-технического образования ХДС/ХСС взяли курс не на расширение государственной системы подготовки квалифицированных кадров, а на увеличение числа мест производственного обучения на предприятиях, принадлежащих частному капиталу.

ХДС/ХСС всегда уделяли и уделяют сейчас большое внимание проблемам образования. Выдвинув после прихода к власти лозунг о том, что «консервативная политика в области образования должна быть наступательной»¹⁴, они проводят мероприятия, ведущие к более жесткому социальному отбору, усилению консервативного содержания образования, стремятся упразднить демократические элементы в системе образования. Исходя из реакционного тезиса консервативной педагогики о решающем значении наследственных способностей, христианские демократы отстаивают традиционную трехступенчатую школьную систему, осуществляющую по существу классовую селекцию детей. ХДС/ХСС последовательно выступают против концепции единой школы и воспрепятствуют любым попыткам по демократизации системы образования.

В феврале 1984 г. министр образования Д. Вильмс объявила о намерении правительства внести изменения в существующий Общий закон о высшей школе с тем, чтобы «осуществить в системе образования поворот в сторону реализма»¹⁵. Имеется в виду создание элитарных университетов и узкоспециализированных 3-годичных высших технических школ для подготовки необходимых специалистов. Нехватка средств якобы позволяет обеспечить расширенное обучение только действительно способных, т. е. элиты. Консервативные силы хотят таким образом закрепить привилегии детей из буржуазных семей на получение высшего образования и снизить уровень образования для широких масс. Ограничивая деятельность органов представительств учеников и студентов, они стремятся отеснить прогрессивные силы в сфере образования и тем самым изменить политический климат в ней в свою пользу. Научные исследования в вузах все более попадают под контроль концернов, усиливается милитаризация высшей школы. Консерваторы стремятся постепенно демонтировать определенные достижения 70-х гг. в области образования и в еще большей степени приспособить ее к потребностям крупного капитала.

В документах ХДС/ХСС всячески подчеркивается, что особое внимание должно уделяться воспитанию молодежи.

Главное в нем — привить подрастающему поколению основные заповеди и нормы поведения буржуазного общества, «содействовать духовному ориентированию». Как пишет орган марксистского студенческого союза «Спартак» журнал «роте блэттер», «образцом для правой коалиции является человек, который отказывается от социальных прав и требований, веря, что тем самым он служит всеобщему благу, который считает ненужным организованное профсоюзное движение и вместо этого вверяет свою судьбу Г. Колю, предпринимателям и господу богу, который свое недовольство переносит на соседа-турка и считает НАТО организацией, выступающей в защиту мира»¹⁶.

Важную роль в реализации планов «духовно-морального обновления» подрастающего поколения ХДС/ХСС отводят молодежным организациям, находящимся под их контролем: «Юнге Унион», «Кругу студентов-демохристиан», «Союзу школьников». «Юнге Унион» (ЮУ) — одна из крупнейших молодежных политических организаций ФРГ. Численность ее составляет 270 тыс. человек¹⁷. «Никто, кроме ХДС/ХСС, — провозгласил председатель «Юнге Унион» Баварии А. Заутер, — не в состоянии взять на себя духовно-политическое руководство молодежью в Германии, обновить и разъяснить присущие нашему свободно-демократическому обществу основные ценности и передать их молодым людям»¹⁸. Духовное руководство ХДС/ХСС должно создать условия, чтобы «политический поворот» не остался эпизодом, а ознаменовал собой «начало новой эры»¹⁹. Себе же союз отводит решающую роль в «духовно-политической» дискуссии с молодежью. ЮУ убеждает молодых сограждан в том, что ХДС/ХСС в вопросах экономической и социальной политики, в области охраны окружающей среды, по проблемам вооружения имеют лучшие и разумные альтернативы по сравнению со всеми другими политическими партиями.

В ЮУ в последние годы произошла смена лидеров. 10 лет (с 1973 по 1983 г.) председателем ЮУ был М. Виссман, выступавший с центристских позиций и принадлежавший к так называемому реформистскому крылу ХДС, которое выступает за умеренные социальные реформы в рамках «рыночного хозяйства». При поддержке значительной части руководства союза и его активистов М. Виссману удавалось противостоять активной внутрисоюзной оппозиции, настроенной более экстремистски (ядром ее является ЮУ Баварии), и удерживать союз в целом на позициях «политической середины». В 70-е гг.

произошло некоторое сближение позиций ЮУ и «социальных комитетов» ХДС, что давало им возможность иногда играть роль определенного фактора давления слева на руководство партии.

После федерального конгресса ЮУ в ноябре 1983 г. в Мюнхене председателем союза стал К. Бер и сменилось большинство членов федерального правления. Все они по оценке западногерманской печати характеризуются более правыми воззрениями, чем представители прежнего состава правления. Они в меньшей степени оказывают сопротивление давлению справа — со стороны ЮУ Баварии и «Союза школьников».

Трудности ЮУ усугубляются и новой правительственной ролью ХДС/ХСС. Молодежная организация оказалась перед дилеммой: необходимостью соблюдения лояльности и поддержки правительственного курса и необходимостью выполнения функции «мотора партии», на которую она постоянно претендует, не становясь при этом внутрипартийной оппозицией. На всех партийных уровнях ЮУ выступает с различными предложениями и программами, отдельные положения которых (главным образом в области молодежной политики и в области охраны окружающей среды) входят в партийные документы. Однако большей частью они не находят выхода в официальную политику ХДС/ХСС. После парламентских выборов 1983 г. правление ЮУ даже направило в адрес Г. Коля письмо, в котором настаивало, чтобы требования союза в большей мере учитывались в правительственной политике. Руководство союза вполне обоснованно опасается, что безусловная поддержка правительственного курса может ослабить значение и влияние молодежной организации как внутри партии, так и вне ее.

Боязнь остаться изолированным от молодежного движения заставляет ЮУ принимать участие в обсуждении проблем, которые волнуют сейчас западногерманскую молодежь, и предлагать свои решения. Особое значение в этой связи придается работе на коммунальном уровне. ЮУ постоянно выдвигает большое число кандидатов на выборах в местные органы власти. Тысячи членов союза имеют мандаты депутатов и ведут активную работу на местах.

ЮУ серьезно обратился к проблеме охраны окружающей среды, призвал на своем конгрессе 1983 г. к тому, чтобы «не позволить зеленым и альтернативным группам превратить политику в области охраны окружающей среды в одно из средств борьбы против нашего свободно-демократического

стройка»²⁰. Он поставил перед собой цель — убедить широкие слои молодежи в том, что как проблемы экономического роста, так и охраны окружающей среды могут быть решены без их противопоставления на основе принципов «социальной рыночной экономики». ЮУ представляет сохранение и защиту окружающей среды одним из основных принципов христианско-демократической политики. Выдвинув лозунг «Глобально думать — локально действовать», союзы ЮУ на окружном, коммунальном и местном уровнях выдвигают различные программы в области сельского хозяйства, охраны водоемов, защиты от шума, выступают против уничтожения лесов, за вторичное использование отходов, за экономное обращение с сырьем и энергией, за учет природных условий при планировании дорог, строительстве, требуют ограничить строительство крупных атомных электростанций и изыскивать новые источники энергии.

Другой важной темой в работе местных союзов ЮУ является проблема безработицы молодежи. Здесь руководители ЮУ призвали отказаться от «больших иллюзий» и заняться кропотливой повседневной работой. Однако то, что предлагает ЮУ, большей частью либо полностью соответствует планам ХДС/ХСС, либо остается лозунгами без конкретного содержания. Они предлагают для решения проблемы безработицы молодежи содействовать мелким и средним предприятиям в открытии дополнительных мест обучения путем оказания им финансовых субсидий и налоговых льгот. Как одно из средств уменьшения безработицы они пропагандируют вступление молодых людей в бундесвер. В то же время, имея хорошую финансовую базу, ЮУ организует на местном уровне многочисленные акции по оказанию помощи безработным молодым людям, переводит средства в фонд безработных, устраивает так называемые «пункты социальной помощи» для безработных и бездомных и пр.

Конкретная практическая работа традиционно занимает большое место в деятельности ЮУ. Члены союза вступают в комитеты гражданских инициатив, в профсоюзы, порой участвуют в совместных акциях с «зелеными» для «более широкого распространения политических взглядов ХДС». Организация старается усилить свое влияние в молодежных центрах и учреждениях по организации свободного времени, устраивает туристические поездки, спортивные мероприятия, танцевальные вечера для молодых рабочих, служащих, учащихся. Главным при этом, однако, является стремление отвлечь молодых

людей от идей классовой борьбы. Деятельность ЮУ на низовом уровне способствует не только росту влияния этой организации среди молодежи, но и приобретению членами союза опыта политической работы.

В сфере высшей школы проводит активную работу «Круг христианско-демократических студентов» (КХДС) — одна из наиболее крупных студенческих организаций ФРГ, объединяющая около 8000 членов²¹. Хотя КХДС не представлен в руководстве Объединения немецкого студенчества, на выборах в студенческие комитеты вузов он стабильно собирает в последние годы в целом по стране 20—25% голосов²².

После смены правительства у КХДС не обнаружилось ожидаемого прироста голосов на выборах в студенческие парламенты, левые силы по-прежнему получают в два раза больше голосов, чем правые. Озабоченные таким развитием, студенты-демохристиане пытаются всеми средствами укрепить свое влияние в вузах. Главной целью студенческой организации ХДС/ХСС является не допустить усиления влияния марксизма в высшей школе, помешать установлению единства действий прогрессивных сил в вузах и, прежде всего, разрушить сложившуюся в них коалицию марксистского студенческого союза «Спартак» и придерживающегося лево-социал-демократической ориентации «Социалистического союза высшей школы». Чувствуя за своей спиной мощную поддержку монополистического капитала, партий ХДС/ХСС и находящегося под их влиянием государственного аппарата, реакционных преподавателей вузов, КХДС усилил нападки на прогрессивное студенческое движение. В этом ему помогают государственная администрация и администрация вузов: участились судебные иски против демократически настроенных студенческих комитетов, обыски их помещений, усилилась слежка за прогрессивно настроенными студентами. КХДС требует ужесточить скандальную практику «запретов на профессии».

Председатель КХДС Дорман направил в мае 1984 г. письмо федеральному секретарю СДПГ П. Глотцу, призывая принять меры для того, чтобы покончить, наконец, «с открытым единством действий вузовских групп молодых социалистов с марксистским студенческим союзом «Спартак»²³. В действительности постоянного сотрудничества между этими организациями нет. В данном случае речь идет о демагогическом запугивании перспективой могущего сложиться в вузах «народного фронта» левых студенческих организаций.

Характерным явилось отношение КХДС к проводившемуся

в октябре 1983 г. опросу среди студентов относительно размещения на территории ФРГ новых американских ракет средней дальности (88,3% опрошенных студентов высказались против размещения). Не имея возможности выступить открыто против — это бы грозило потерей авторитета среди студентов, КХДС организовал бойкот этой акции как «незаконной», «антиконституционной», потребовал применения суровых мер, вплоть до судебных санкций, в отношении ее организаторов ²⁴.

Поддерживая курс правительства ХДС/ХСС на сокращение социальных расходов, КХДС выступает против участия студентов в демонстрациях против сокращения средств на стипендии и пособия студентам, объявляя, что Объединение немецких студенческих использует эти демонстрации лишь как повод для укрепления «народного фронта» ²⁵. КХДС отрицает связь между сокращением расходов на образование и гонкой вооружений. Однако боязнь остаться в изоляции вынуждает студентов-демохристиан выступать с частичной критикой некоторых планов правительства. Так, КХДС вместе со всеми студентами выступил против введения платы за обучение, «поскольку для большинства студентов это было бы чрезмерной нагрузкой», поддержал требование о том, что студенты из семей с низкими доходами должны получать материальную помощь от государства хотя бы наполовину в виде пособия, а не ссуды ²⁶.

КХДС рекламирует себя как союз, «свободный от идеологии», который занимается конкретными проблемами высшей школы, университетской реформы, условиями обучения и быта студентов. Заботами о конкретных социально-экономических нуждах студентов КХДС стремится укрепить свои позиции в вузах: организует акции, способствующие получению студентами жилья, обмену местами обучения, разъясняет правовые вопросы, ведет политическое образование молодежи путем организации дискуссий, докладов, информационных поездок, учебных рабочих кружков.

Особое внимание со стороны ХДС/ХСС уделяется наименее подготовленной в политическом отношении части молодежи — ученикам школ. Действует созданный по инициативе ЮУ в 1973 г. «Союз школьников», являющийся крупнейшим по численности политическим союзом учащихся школ. В двух тысячах «базисных групп» насчитывается около 45 тыс. членов ²⁷. Через него ХДС/ХСС и ЮУ стараются привить учащимся школ и гимназий идеологию консерватизма и создать

стабильную базу для пополнения своих рядов. «Союз школьников» объединяет учеников «народных» и реальных школ, профессиональных школ, гимназий. Тон в союзе, однако, задают гимназисты, в основном выходцы из обеспеченных семей. Этим в немалой степени объясняется то, что «Союз школьников» стоит на более правых позициях, чем ЮУ в целом, его члены постоянно пополняют правое крыло ЮУ.

Школьная организация ХДС/ХСС с воодушевлением встретила возвращение партии к власти. Так, «Союз школьников» земли Саар на своем конгрессе в декабре 1983 г. заявил, что «консервативные идеи будут определять будущее» и что задача союза состоит в том, чтобы «привить этот взгляд всем другим ученикам»²⁸. Пользуясь тем, что левое школьное движение развито недостаточно и не всегда способно успешно противостоять ему, «Союз школьников» пытается выступать как организация, которая представляет интересы всех учащихся. На деле же союз проводит дискриминацию учащихся с иными, чем у него, политическими взглядами. Он требует ужесточения «запретов на профессии» для демократически настроенных учителей, подвергает постоянным нападкам деятельность школьных представительств с демократической ориентацией, всячески препятствовал созданию в марте 1984 г. общегерманского школьного представительства на демократической основе.

«Союз школьников» активно помогает своей партии в реализации «духовно-морального поворота» в школе. Он выступает за упразднение единых школ, поддерживает создание элитарных школ для детей состоятельных родителей. «Союз школьников» активно взялся за реализацию планов ХДС/ХСС по усилению милитаристского воспитания в школах. Он организует встречи с офицерами бундесвера, агитирует за вступление в его ряды, распространяет в школах бесплатные листовки и брошюры, излагающие взгляды ХДС/ХСС на политику безопасности ФРГ, организует травлю учителей, участвующих в антивоенных акциях. «Служба в бундесвере, — заявил председатель «Союза школьников» Баварии М. Шоттенхамель, — является службой на благо мира и почетной службой для предотвращения войны и сохранения свободы»²⁹.

«Союз школьников» ведет активную деятельность в ученических представительствах, в школьных газетах. Подобно ЮУ и КХДС, он уделяет в своей работе большое внимание решению конкретных вопросов: оказывает материальную помощь

ученикам из малообеспеченных семей, организует дополнительные занятия, юридические консультации, обмен школьными учебниками и т. п., а также вечера, танцы, спортивные мероприятия. Немало молодых людей привлекается в молодежные организации ХДС/ХСС обещаниями помочь им впоследствии при поступлении в вузы, в устройстве на работу, в продвижении по служебной лестнице.

Молодежные организации ХДС/ХСС получают широкую финансовую, материальную и организационную поддержку господствующего класса, имеют возможность излагать и пропагандировать свои взгляды через средства массовой информации. Все это дает им возможность сохранять, а порой и расширять влияние на молодежь. В то же время правительство, возглавляемое христианскими демократами, всячески препятствует деятельности демократически настроенных молодежных организаций различными мерами, в том числе путем финансового давления. По мнению ХДС/ХСС, дотации из средств федерального молодежного плана должны получать лишь те организации, которые выступают за сохранение и укрепление существующей общественной системы. Правительство отказывается субсидировать идущие в какой-либо степени в разрез с его линией акции молодежных организаций на международной арене. Так, министр по делам молодежи Г. Гайслер отказался субсидировать поездку делегации федерального молодежного круга в Никарагуа, поскольку в ходе ее предусматривались встречи с молодежью Сандинистского фронта освобождения³⁰.

Молодежные организации ХДС/ХСС негативно отнеслись к развернувшемуся в стране массовому антивоенному движению. Они призвали молодежь не подписывать Крефельдского воззвания в защиту мира, которое охарактеризовали как часть «глобального советско-коммунистического плана по размыванию НАТО»³¹. Они поддержали решение правительства ФРГ о размещении на территории страны новых американских ядерных ракет средней дальности, активно включились в организованную ХДС/ХСС кампанию под лозунгом «Мир через вооружение». Нападки и клевету на антивоенное движение христианские демократы совмещают с попытками внедрения в это движение, с тем чтобы разложить его изнутри и придать ему антисоветскую направленность. На съезде ХДС в мае 1983 г. Г. Гайслер призвал свою партию «выиграть духовную и моральную дискуссию о мире»³². Руководство партии через ЮУ, КХДС, «Союз школьников» устраива-

ет акции в поддержку своего внешнеполитического курса, стремясь навязать как можно большей части молодежи анти-советское истолкование проблем мира и безопасности. Правительство Г. Коля встало на путь ужесточения полицейских репрессий против участников антивоенных выступлений. Летом 1983 г. было ограничено право на демонстрации, право на защиту от подозрений их участников в нарушении норм порядка, усилено оснащение полицейских оружием, расширены возможности его применения.

Недовольство значительной части молодежи неудачами «политики реформ» социал-демократов, щедрые обещания лидеров ХДС/ХСС стабилизировать экономическое положение страны и позаботиться о перспективах молодежи, «модернизация» идеологической платформы и программ действий ЮУ и КХДС способствовали росту влияния христианских демократов в начале 80-х гг. среди молодежи. На выборах в бундестаг 6 марта 1983 г. за ХДС/ХСС проголосовало 41,2% молодых избирателей³³. Это свидетельствует о том, что партии, политика которых объективно враждебна подлинным интересам молодого поколения страны, сумела в определенной степени приспособиться к новым условиям и заручиться поддержкой значительной части западногерманской молодежи.

Однако мероприятия ХДС/ХСС в области молодежной политики свидетельствуют о том, что они носят демагогический характер и нацелены на решение лишь некоторых проблем, причем, как правило, за счет молодежи и служат в первую очередь интересам крупного капитала. Налицо стремление христианских демократов расширить влияние монополий на молодежную политику, удержать под своим контролем молодежное движение, привлечь молодое поколение страны к поддержке проводимой ими политики.

¹ Мировая экономика и международные отношения. 1983, № 7, с. 126.

² Семченко А. Политическое сознание западной молодежи: некоторые тенденции развития. — Вестник КМО СССР, 1983, № 2, с. 48.

³ Kohl H. Der Weg zur Wende. Hoesum, 1983. S. 27.

⁴ Unsere Zeit, 1983, 25 Febr.

⁵ Das Parlament, 1981, 16 Mai.

⁶ Das Parlament, 1983, 11 Juni.

⁷ Frankfurter Allgemeine Zeitung, 1981, 10 März.

⁸ Das Parlament, 1981, 4 Apr.

⁹ Kohl H. Der Weg zur Wende, S. 93.

¹⁰ Sozialismus, 1983, N 5, S. 22.

¹¹ Ibidem.

¹² Frankfurter Allgemeine Zeitung, 1982, 22 Nov.

- ¹³ Unsere Zeit, 1984, 23 Okt.
¹⁴ Politische Meinung, 1984, N 212, S. 74.
¹⁵ Frankfurter Allgemeine Zeitung, 1984, 11 Febr.; Unsere Zeit, 1984,
28 Febr.
¹⁶ rote blätter, 1983, N 6, S. 25.
¹⁷ Frankfurter Allgemeine Zeitung, 1983, 17 Nov.
¹⁸ Bayernkurier, 1983, 11 Juni.
¹⁹ Rheinische Post, 1983, Febr.
²⁰ Frankfurter Allgemeine Zeitung, 1983, 15 Nov.
²¹ Frankfurter Allgemeine Zeitung, 1980, 13 Okt.
²² Ibidem.
²³ Unsere Zeit, 1984, 12 Mai.
²⁴ rote blätter, 1984, N 1, S. 11.
²⁵ Frankfurter Allgemeine Zeitung, 1982, 3 Dez.
²⁶ Frankfurter Allgemeine Zeitung, 1983, 16 März.
²⁷ Unsere Zeit, 1984, 4 Febr.
²⁸ Criticon, 1984, N 81, S. 57.
²⁹ Bayernkurier, 1983, 11 Juni.
³⁰ Unsere Zeit, 1984, 14 März.
³¹ rote blätter, 1981, N 10, S. 33.
³² Marxistische Blätter, 1983, N 4, S. 120.
³³ Vorwärts, 1983, 8 Okt.
-

С. В. ФОМЕНКО

**О ПРОПАГАНДЕ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
ЛЕВОЭКСТРЕМИСТСКИХ ГРУППИРОВОК
СРЕДИ АНГЛИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ
(70-е — начало 80-х гг.)**

70-е гг. отмечены резкой активизацией идейно-политической борьбы в Великобритании, что связано с усилением социально-экономической и политической неустойчивости в капиталистическом мире. Экономические потрясения 70—80-х гг. со всей остротой поставили вопрос о перспективах дальнейшего развития Британии. Они же породили массу выбитых из привычной жизненной колеи людей, разрыв социальных связей у которых сопровождается переоценкой моральных и идейных ценностей.

Наряду с «традиционными» политическими силами английского общества в борьбу за массы активно включились ультралевые. Резко возросшая идейно-политическая активность левоэкстремистских элементов является сегодня, как и деятельность ультраправых, одной из отличительных черт, характеризующих политическую ситуацию на Британских островах.

Оживление мелкобуржуазной псевдореволюционности началось в Англии с конца 60-х гг. в разгар массовых студенческих и молодежных выступлений, сопровождающихся вовлечением в политическую жизнь массы пассивных ранее молодых людей. Двадцать лет назад в стране было всего три сколько-нибудь заметных группировок ультралевых, причем из них лишь одна открыто заявляла о своем существовании. (Остальные, чтобы не давать повода для исключения из лейбористской партии, отрицали наличие у них самостоятельной организации). На волне подъема молодежного движения в 1968 г. объявляют о своей деятельности Международная марксистская группа (ИМГ) и группировка «международный социализм». В начале 70-х гг. возникли такие левацкие организации, как Революционная коммунистическая группа, объ-

единение «Рабочая борьба», Рабочая революционная партия (ВРП). В 1976 г. на базе группировки «Международный социализм» была провозглашена Социалистическая рабочая партия (СВП).

Активизации ультралевых способствовало произошедшее в результате экономических кризисов 70—80-х гг. резкое ухудшение материального положения масс и сдвиг вправо в политике правящего класса, что порождало одновременно настроения пораженчества и нетерпения, вело к разочарованию в защищающих интересы трудящихся организациях, вызывало стремление найти какой-то чудодейственный кратчайший путь избавления от капитализма.

Определенная часть левой молодежи связывала большие надежды с политикой лейбористских правительств 1964—1970 и 1974—1979 гг. Этим надеждам не суждено было оправдаться. Кризис движения «новых левых» также был одним из факторов, содействовавших возникновению левозэкстремистских группировок.

По некоторым данным, за период с 1975 по 1980 г. число членов Социалистической рабочей партии увеличилось наполовину, ряды читателей газеты Международной марксистской группы удвоились, количество подписчиков троцкистского журнала «Милитант» возросло в 4 раза¹. Если в 1964 г. журнал «Милитант» выходил раз в месяц на 4 страницах, то в 1981 г. представлял собой уже еженедельник объемом в 16 страниц. Левацкие группировки, констатировал весной леволейбористский журнал «Трибюн», растут на Британских островах «как грибы весной»². К началу 80-х гг. одних только троцкистских объединений в стране насчитывалось около пятидесяти общей численностью в 10—15 тыс. человек, в то время как в 1947—1951 гг. британских троцкистов было не более 250—400 человек³.

Следует, однако, подчеркнуть, что ни точного числа ультралевых организаций, ни количества их членов установить практически невозможно в связи с тем, что, во-первых, нельзя полагаться на официальные данные левацких лидеров и, во-вторых, экстремистское движение находится в состоянии непрерывного изменения: между его отдельными группировками идет непрекращающаяся междоусобная борьба, сопровождающаяся расколом и слиянием участвующих в ней групп. Трудности вызывает также определение идейного облика многих левацких объединений. Многие исследователи рассматривают по традиции левый революционализм как проявление

знакомомого всем анархизма и троцкизма, причем подавляющее большинство существующих в стране левацких группировок, считаются троцкистскими. И все же, используя вслед за английскими коммунистами определение «троцкистский», мы должны помнить, что политический и революционный авантюризм не сводится к уже известным проявлениям мелкобуржуазного радикализма и экстремизма. Псевдореволюционность, как писал В. И. Ленин, каждый раз выступает в «немножко новой форме, в невиданном раньше облачении или окружении...»⁴, и, признавая это, советские исследователи обращают внимание на то, что «далеко не все, кто выступает с левацких позиций или высказывает взгляды, схожие с троцкистскими, являются троцкистами»⁵.

Как и все ультра, британские экстремисты ориентируются в первую очередь на молодежь, в силу чего спады и подъемы, а также сама эволюция их идейно-политического течения тесно связаны с состоянием молодежного движения. Но на разных этапах борьбы ультралевые отводили молодому поколению неодинаковую роль. Вплоть до второй половины 60-х гг. они, например, направляли свои усилия на работу в профсоюзном и лейбористском движении. Обнаружив студенческий «бунт», часть леваков стала переориентироваться полностью на работу в молодежной среде, приняла участие в создании в 1968 г. левацкой Революционной социалистической студенческой федерации, стала льстить поколению молодых англичан. «Молодежь, — заявил лондонский троцкистский «Международный комитет», — может возглавить борьбу за социализм, и не только в Англии, но и во всем мире»⁶. Международная марксистская группа сразу создавалась как «молодежный авангард». Между группировкой и организацией «Международный социализм» развернулось настоящее соперничество за благосклонность радикализировавшегося студенчества.

В 70-х гг. после спада на Западе молодежного и студенческого движения эта ориентация на молодежь стала ослабевать. Пытаясь заглушить критику в адрес того, что группа «Международный социализм» состоит лишь из студентов и молодых «интеллектуалов», лидеры группы предприняли шаги с целью пополнения рядов организации за счет рабочих. Они и многие другие леваки выступают сегодня на словах от имени рабочего класса, но их выступления по-прежнему содержат заявления о том, что «молодежь поведет массы на последний и решительный бой».

Ультралевые издают специальную молодежную прессу.

ИМГ выпускала в начале 70-х гг. предназначенную для юношества газету «Красный крот», а Рабочая революционная партия — газету «Кип лефт». С конца десятилетия ВРП издает газету «Молодой социалист». Группировка «Милитант» имеет особый «Студенческий бюллетень» и т. д. В экстремистские объединения входят примыкающие к ним молодежные и студенческие организации. ИМГ образовала в 1970 г. студенческую лигу «Спартак», а затем Социалистический студенческий альянс; ВРП — объединение «Молодые социалисты», СВП — организацию «Красный мятежник», «Студенческую организацию социалистических рабочих» и т. д.

Ведущаяся левыми экстремистами в молодежной среде пропаганда покоится на тезисе о готовности Англии к революционному взрыву. В качестве предвестника революции рассматривался подъем молодежного движения, затем массовые забастовки 1971—1974 гг., сопровождавшиеся кое-где захватом предприятий, резким ухудшением материальных условий жизни масс. «Возвращение нищеты», уверяет своих читателей левацкая пресса, поставило капитализм на грань краха, ибо «революционные стремления рабочего класса становятся день ото дня очевиднее».

Появление такого рода «сверхоптимистических» прогнозов — результат метафизического, оторванного от реальной действительности способа мышления ультралевых. Ошибочно принимая тред-юнионистское сознание большинства британских рабочих за социалистическое, они считают, что массы уже готовы к использованию своей «коллективной силы» в целях осуществления радикальных преобразований. Беда, мол, лишь в том, что у них нет революционного авангарда. Указывая на оппортунистический характер профсоюзов и лейбористской партии, ультралевые отрицают роль авангарда и за Коммунистической партией Великобритании, обвиняя ее во «врастании в систему». Эту роль они, конечно же, приписывают себе, самоуверенно полагая, что революцию можно совершить, не считаясь с реальной обстановкой, по типу государственного переворота, который подготовит небольшая, но очень активная группа героев, «выступающая инициатором революции и собственным примером кладущая ей начало». Авангард, уверяет один из лидеров ИМГ Р. Блэкбёрн, «обязан немедленно пойти на риск и высечь искры», способные вызвать, «сдетонировать народный взрыв».

Необходимость экстренных действий леваки обосновывают не только «готовностью» масс к революции, но и наличием в

стране «антипролетарского и надправительственного заговора». Экстремистские группировки заявляют, что «господствующий класс готовится сегодня к военному свержению парламентской демократии» и что нельзя терять ни минуты, «иначе распространится фашизм»⁷. Игнорируя уроки 30-х гг., они утверждают, что политическое развитие на Западе идет неизбежно по пути ликвидации демократических свобод и что единственной альтернативой фашизму является социалистическая революция. В памфлете СВП «Борьба против фашизма и за социализм» говорится: «Мы сможем создать реальную альтернативу нацизму, лишь создав революционную партию. Иного пути нет... ибо, потерпев поражение один раз (а под поражением подразумевается любая временная неудача рабочего класса. — С. Ф.), рабочие потерпят его еще раз и еще... и вознесутся концентрационные лагеря, освещаемые пламенем газовых камер»⁸.

Такая постановка вопроса приводит к тому, что большинство британских ультраправых в духе «классического» революционаризма отвергает и конституционные методы борьбы, и возможность мирного перехода к социализму. Упор делается на «революционные альтернативы парламентскому процессу». Тем не менее часть левацких группировок, например, «Милитант», по крайней мере на словах, не исключает мирных средств борьбы и даже говорит о «мирной трансформации общества путем обеспечения марксистского большинства в профсоюзах и лейбористской партии»⁹.

Различие в тактике экстремистов проистекает главным образом из их разного отношения к лейбористской партии (ЛПВ), от будущего которой в решающей степени зависит перспектива революционного движения в стране. ИМГ, СВП, ВРП и некоторые другие группировки категорически, либо с небольшими оговорками исключают возможность трансформации ЛПВ из орудия реформистской политики в инструмент коренных социальных преобразований. Основы лейбористского движения «прогнали», — заявляет СВП, — и маловероятно, хотя и не исключено, что социалисты смогут добиться контроля над лейбористской партией»¹⁰. Что касается Международной марксистской группы, то она еще в 1970 г. провозгласила: между ЛПВ и консервативной партией никакой разницы нет. Лидер группы Тарик Али утверждал, что «социал-демократия разоблачена и изолирована, доверие рабочего класса к ней фактически исчезло», отсюда задача революционеров — разрушить ЛПВ; «изолировать от нее профсоюзы»¹¹.

Поскольку же Компартия Великобритании не исключает перспективы превращения лейбористской партии в подлинно рабочую организацию и призывает левые силы страны бороться за достижение этой цели, леваки обрушиваются с нападками на коммунистов.

Некоторая часть экстремистов (организации типа «Милитант») признает и рабочий характер реформистской лейбористской партии и силу ее влияния в массах. «...Лишь наша тенденция, — самоуверенно заявляют лидеры «Милитант», — оказалась в состоянии понять, насколько инстинктивно британские рабочие лояльны лейбористской партии», и что рабочий класс видит в ЛПВ «единственную массовую альтернативу партии тори»¹². Признавая, что «рабочие не так-то просто откажутся от своих организаций», данная часть ультрареволюционеров взяла на вооружение тактику «энтризма», то есть проникновения в лейбористские ряды. Официально целью «энтризма» провозглашается повышение уровня сознательности рядовых лейбористов с тем, чтобы они смогли отвергнуть своих правых лидеров. На деле же под прикрытием левой фразы проводится раскольническая политика.

Сторонники «энтризма» не считают необходимым вести кропотливую работу по политическому просвещению масс. Как и все леваки, они отрицают наличие у социал-реформизма мощных корней, усматривая главное препятствие на пути к социализму в «рабочих вождях», «мелкобуржуазном руководстве» ЛПВ, предающем «революционные массы». Поэтому, полагает, например, «Милитант», задачу революционизации лейбористской партии можно решить очень просто: сместить нынешних лидеров партии и заменить ее оппортунистическую программу программой «переходных требований». Последняя включает положения, предлагающие авантюристические действия с целью вызвать такую реакцию буржуазного государства, которая бы поставила общество на грань гражданской войны, а значит, по мнению экстремистов, и на грань революции. Добиваясь принятия лейбористами программы «переходных требований», группа «Милитант» направляет свои усилия на «проталкивание» различного рода собственных резолюций, что сближает ее позицию с позицией обычных реформистов. Не случайно левые лейбористы иронически называют тактику «Милитант» «резолюционным социализмом», «социализмом резолюций».

В отличие от «Милитант» группировки типа СВП и ВРП не видят смысла в борьбе за изменение программных положений

ний массовых рабочих организаций. (На таких же позициях долгое время стояла и ИМГ, но, потерпев неудачу в деле создания «революционной социалистической рабочей партии», она стала все чаще обсуждать с конца 1977 г. вопрос о возврате к тактике «энтризма», в связи с чем лидер группы Тарик Али даже подал заявление с просьбой о приеме его в члены ЛПВ). Одна единственная демонстрация в защиту рабочих мест, заявляет видный деятель СВП П. Фут, «оказывается более эффективной мерой, нежели тысяча резолюций лейбористской партии по поводу решения проблемы безработицы, а от одной единственной массовой демонстрации против ядерного оружия больше пользы для дела мира, нежели от тысячи деклараций, которыми пытаются связать действия будущего лейбористского правительства»¹³. Не говоря уже о том, что подобные заявления необоснованны, так как предвыборные обязательства ЛПВ не всегда остаются на бумаге, следует обратить внимание на то, что пустым звуком чаще всего оказываются собственные заявления леваков о приоритете массовых действий и о приверженности им.

Вопрос о массовости антиимпериалистического движения никогда не волновал и не волнует ультрареволюционеров. Они озабочены не проблемами повседневной борьбы, а лишь вербовкой сторонников «свержения капитализма». Ориентируясь на «чистую» социалистическую революцию, экстремисты не признают непролетарские движения, развертывающиеся под общедемократическими лозунгами. Группа «Милитант» заявляет, что «не нуждается в молодых людях из Кампании за ядерное разоружение или из Антинацистской лиги». Ей, мол, нужны «лишь передовые отряды рабочего класса»¹⁴. «Студенческий бюллетень» группы требовал от своих читателей отказаться «от ослиной деятельности в рамках студенческих кампаний», посвятив себя пропаганде идей «Милитант» в студенческой среде¹⁵. (Призыв к отказу от участия в студенческих кампаниях раздался в разгар борьбы Национального союза студентов против правительственных планов введения регистрации вузовских союзов и ограничения их автономии от государственных органов).

Негативную оценку британских ультралевых получают все массовые действия и кампании, проводимые прогрессивными силами страны. Антинацистская лига и ей подобные организации, «не связанные со всеобъемлющей социалистической программой», не представляют, по мнению леваков, никакой ценности, точно так же, как и экологическое движение, явля-

ющеся, в интерпретации псевдореволюционеров, всего лишь «выражением причуд средних слоев». Что же касается женского движения, то оно, по заявлению экстремистов, просто вредно, ибо «отвлекает работающих женщин от серьезного дела индустриальной борьбы»¹⁶.

Вредным и ненужным ультрареволюционеры провозглашают и борьбу за мир. Презрительно называя Кампанию за ядерное разоружение «движением викариев и либералов», они заявляют, что идея разоружения «более опасна, чем все взрывчатые и отравляющие вещества», так как, мол, отвлекает трудящихся от борьбы за социализм и лишает их возможного эффективного оружия противоборства с буржуазией. «Мы не против ядерных ракет», — с таким чудовищным заявлением выступила «коммунистическая фракция» из ИМГ. «Когда рабочий класс возьмет власть на Британских островах в свои руки, — разъясняла свою позицию «фракция», — мы не допустим, чтобы погибающая буржуазия захватила это оружие с собой; мы овладеем им, развернем его и направим против наших врагов»¹⁷. Экстремисты прямо заявляют, что они против политики мирного сосуществования, являющейся, мол, сделкой с империализмом, что они против ведения каких-либо переговоров об ограничении и запрещении производства оружия массового уничтожения.

Оправдывая свою безумную позицию по проблеме ядерного разоружения, ультралевые утверждают, что угроза ядерной войны в сегодняшнем мире является надуманной. На конференции «Молодых социалистов лейбористской партии» в 1981 г. сторонники «Милитант» убеждали делегатов, что войны в наше время невозможны, ибо, мол, рабочий класс стал «слишком силен». Отсюда-де вопросы о членстве Англии в НАТО, о размещении в Европе американских ракет среднего радиуса действия с ядерным оружием являются второстепенными, как и вопрос об участии социалистов в работе Кампании за ядерное разоружение.

Таким образом, позиция ультралевых прямо смыкается с позицией реакционных кругов, требующих сохранения и наращивания всех видов вооружения, включая ядерные. Примеров, когда сила организации и пропаганды экстремистов оказывается предоставленной в распоряжение крайней реакции, немало. Ультралевые, например, выступают против усиления государственного контроля над импортом и экспортом, равно как и над деятельностью частных корпораций. Они против каких-либо «частичных» мер, которые, улучшая положение

британской экономики, могли бы ослабить остроту таких социальных проблем, как безработица. Псевдореволюционеров объединяет с крайней реакцией и оголтелый антикоммунизм. Левацкие группировки оказываются нередко поставщиками самых злобных антисоветских и антикоммунистических измышлений.

С деятельностью и пропагандой ультралевых тесно связано их сектантство. Экстремисты постоянно твердят о необходимости объединения усилий всех революционеров. Тарик Али то и дело призывает к созданию единой «революционной социалистической партии», к «построению партии, которая сможет мобилизовать британский рабочий класс и предотвратить государственный переворот со стороны правящего класса»¹⁸. Однако все эти призывы произносятся в спекулятивных целях. Если псевдореволюционеры и предпринимают шаги в направлении достижения «единства», то делают это лишь в целях подрыва влияния коммунистов и левых лейбористов.

Понимая, что отдельные левацкие организации слишком малы и слабы для выполнения роли «авангарда», часть британских экстремистов предприняла в последние годы попытку консолидации своих рядов. По инициативе ИМГ, поддержанной некоторыми бывшими членами СВП и Рабочей лиги, были начаты переговоры о создании «объединенной социалистической оппозиции», «левого крыла классовой борьбы». Они, правда, ни к чему не привели, но на местных выборах 1977 г. ультралевые выдвинули единых кандидатов под лозунгом «социалистического единства», что привело к еще большему дроблению оппозиционных существующему порядку сил и ослабило позиции левых лейбористов и коммунистов.

Несмотря на то, что леваки считают парламент «лишь фасадом, служащим в качестве прикрытия для заговоров, плетущихся вне его»¹⁹, ВРП, СВП и некоторые другие группировки участвуют в избирательных кампаниях. Все ультралевые ведут также работу внутри бесполезных, с их точки зрения, массовых организациях типа СНД, направляя свои усилия, конечно, не на достижение целей демократических объединений, а на их раскол и вербовку сторонников «решительных действий».

Чтобы привлечь на свою сторону массы и добиться реализации своих планов, леваки широко прибегают к лести, обману, шантажу, заявляя, что в борьбе за справедливые цели все средства хороши. Возводя беспринципность в ранг «высокой» политики, левацкая пропаганда уверяет, что «ложь и да-

же кое-что похуже... являются неразрывной составной частью классовой борьбы»²⁰.

Перспектива рисуемой леваками революции, совершающейся грязными руками, не может не отталкивать трудящихся, рождая у них неприязнь не только к ультралевым, но и ко всем, кто выступает за социальное переустройство общества. В то же время для определенной части населения платформа экстремистов кажется представительной. В первую очередь это относится к не имеющей большого жизненного и политического опыта молодежи, горящей желанием скорее «переделать» жизнь. Здесь сказывается недовольство молодых людей медленными, как им кажется, темпами развития революционного движения. Говоря словами В. И. Ленина, такую молодежь доводят «до отчаяния и до анархизма долгие отсрочки решительной борьбы против капитализма в Европе»²¹.

Молодым англичанам, например, не может не импонировать заверение группы «Милитант» в том, что после национализации 200 ведущих британских монополий сразу же исчезнет дефицит государственного бюджета, вдвое увеличатся социальные выплаты и в целом «социализм будет построен в течение десяти ближайших лет». Рассчитанное на вполне понятное и присущее всем людям стремление при жизни увидеть плоды своей деятельности и борьбы, подобное заявление отличается от того, что говорят коммунисты, которые обращают внимание на слабость революционных сил в Англии и убеждают молодежь в необходимости настойчивой работы с целью превращения оппозиции экономической политике крупного капитала в массовую поддержку дела социалистической революции. Кроме того, коммунисты акцентируют внимание и на сложности самого процесса строительства социализма. Ультралевые же крайне упрощают его, считая, что обобществление производства автоматически перенесет британских трудящихся в некое Эльдorado.

Особенно легко воздействию левацкой пропаганды поддается разочаровавшаяся в реформизме лейбористская молодежь. История вновь и вновь убеждает в правоте ленинского вывода о том, что левый экстремизм является «своего рода наказанием за оппортунистические грехи рабочего движения»²². Усилившееся среди молодых социалистов уже во второй половине 60-х гг. влияние экстремистов приводит к тому, что в руках членов и сторонников группы «Милитант» в 1970—1982 гг. оказался национальный комитет организации

«Молодые социалисты лейбористской партии» (МСЛП), а в 1974—1976 гг. и исполком Национальной организации студентов—лейбористов. В 1980 г. эту левацкую группировку поддерживало, по некоторым данным, около 40% лейбористских вузовских клубов и примерно 2 из 5 тыс. членов объединения МСЛП²³.

Ультралевым удалось создать активную фракцию своих сторонников внутри Национального союза студентов (НСС). При общей численности ВРП в 3 тыс. человек ее студенческое объединение «Молодые социалисты» насчитывало в своих рядах в конце 70-х гг. от 2,5 до 5 тыс. членов²⁴. Из 1 тыс. человек, входящих в ИМГ, примерно 1/3 часть приходится на университеты. Опираясь на эти силы, экстремисты добились принятия НСС ряда решений, которые дискредитировали союз в глазах учащихся вузов и общественности, сужали базу массового студенческого движения. Так, в 70-х гг. на конференциях НСС были приняты резолюции в поддержку террористической деятельности Ирландской республиканской армии, о предотвращении выступлений правых в вузах всеми доступными средствами, включая применение физической силы и др. Леваки способствовали подрыву студенческого движения и тем, что в течение более 10 лет вели непрекращающуюся подрывную работу против «Широкой левой» — блока студентов, коммунистов, левых лейбористов и леворадикалов, стоящего на позициях последовательной антиимпериалистической борьбы. Вступив в конечном итоге в негласный союз с консерваторами и крайне правыми, псевдореволюционеры добились своей цели и оттеснили «Широкую левую» от руководства НСС.

В последние годы в условиях резкого ухудшения положения на рынке труда леваки активно включились в борьбу за привлечение на свою сторону молодых рабочих и выпускников школ, оказавшихся в очередях для безработных, либо временно трудоустроенных с помощью государства. Особенно бурную деятельность в этом направлении развернула СВП. В 1981 г. эта левацкая группировка приступила к осуществлению собственного проекта «Профподготовка молодежи» и стала создавать городские центры, в которых молодые безработные могли получить необходимые трудовые навыки, а заодно и определенный набор политических знаний, почерпнутых из рук леваков. Данный проект начал осуществляться после того, как в конце 1980 г. Британский конгресс тред-юнионов принял решение о создании центров безработных, а поэтому

со всеми основаниями может рассматриваться как противопоставленное инициативе профсоюзов начинание.

Деятельность и пропаганда ультралевых наносит огромный ущерб демократическому движению. Этот ущерб, несравнимый с численностью леваков, усугубляется тем, что в случае разочарования в левом экстремизме молодежь, как правило, оказывается «потерянной» для демократических сил: она либо порывает с политической деятельностью, либо переходит на буржуазные позиции. Поэтому борьба с псевдореволюционностью рассматривается компартией Великобритании в качестве одного из важнейших направлений ее деятельности.

Разоблачая теорию и практику левого экстремизма, английские коммунисты в то же время постоянно помнят, что в левацкие группировки входят не только лидеры, паразитирующие на радикальных настроениях, но и честно заблуждающиеся люди, чье увлечение псевдореволюционной фразой является своеобразным проявлением «детской болезни» левизны. Поэтому марксисты проводят различие между «ядром» ультралевых группировок и теми искренними сторонниками социализма, за которых можно и нужно вести идеологическую борьбу. Учитывая, что значительная часть молодежи «совершенно по-новому взглянула бы на многие левацкие группировки, если бы познакомилась ближе с их политической позицией и недавним прошлым»²⁵, английские коммунисты, например, знакомят молодых радикалов с раскольнической деятельностью троцкистов 30—40-х гг. Главное же, они неустанно разъясняют молодому поколению, что «боевых настроений и действий недостаточно, чтобы добиться успехов в борьбе с реакцией. Необходимы еще ясные головы и трезвый рассудок»²⁶. Подчеркивая, что вопрос об ультралевых имеет особое значение для партии, действующей «в стране, где на протяжении десятилетий отмечается засилье влияния правых социал-демократов»²⁷, коммунисты ведут настойчивую борьбу за то, чтобы не пришлось сказать когда-нибудь про британских социалистов горькой правды: «революционная фраза о революционной войне погубила революцию»²⁸.

¹ Tomlinson J. Left-Right. The March of Political Extremism in Britain. L.; N. Y., 1981, p. 83, 81, 63, 68.

² Tribune, 1982, 30 Apr.

³ Reid B. Ultra-leftism in Britain. L., 1969, p. 18; Tomlinson J. Op. cit., p. 67; Tribune, 1980, 8 Febr.

⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 15.

- ⁵ Басманов М. И. В обозе реакции: троцкизм 30—70-х гг. М., 1979, с. 147.
- ⁶ Там же, с. 194.
- ⁷ Там же, с. 200; Tyler W. Behind the Revolutionary Mask. A critique of neomaosism and how it helps fascism. L., 1974, p. 44 (i).
- ⁸ Tomlinson J. Op. cit., p. 90.
- ⁹ New Society, 1980, 10 Jan., p. 54.
- ¹⁰ Tomlinson J. Op. cit., p. 87.
- ¹¹ New Revolutionaries. Left opposition. Ed. by Tariq Ali. L., 1968, p. 75; Tariq Ali. The Coming British Revolution. L., 1972.
- ¹² Tomlinson J. Op. cit., p. 68, 63.
- ¹³ Tribune, 1982, 11 Jun.
- ¹⁴ New Statesman, 1981, 24 Apr., p. 5.
- ¹⁵ New Society, 1980, 10 Jan., p. 53.
- ¹⁶ New Statesman, 1981, 24 Apr., p. 5.
- ¹⁷ Ibidem.
- ¹⁸ New Revolutionaries, p. 77; Comment, 1980, 12 Apr., p. 146.
- ¹⁹ Tomlinson J. Op. cit., p. 76.
- ²⁰ Tribune, 1982, 19 May.
- ²¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 23, с. 3.
- ²² Там же, т. 41, с. 15.
- ²³ New Society, 1980, 10 Jan., p. 53.
- ²⁴ The Political Quarterly, October—December, 1980, p. 505.
- ²⁵ Reid B. Op. cit., p. 5.
- ²⁶ Уоддис Джек. «Новые» теории революции. М., 1975. с. 427.
- ²⁷ Рид Бетти. О раскольнической деятельности троцкистских и других ультралевых групп в Англии. — Борьба коммунистов против идеологии троцкизма. М., 1973, с. 88.
- ²⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 35, с. 353.
-

Е. В. ШЕЛУПАНОВА

АНГЛИЙСКИЕ КОНСЕРВАТОРЫ И ПРОБЛЕМЫ БЕЗРАБОТИЦЫ МОЛОДЕЖИ (1979—1984 гг.)

Конец 70 — начало 80-х гг. — период резкого ухудшения социально-экономического положения трудящихся Великобритании. Это годы затяжного кризиса во всех сферах жизни, явившегося следствием политики консерваторов. Не затихают вооруженные конфликты в Ольстере, растут социальные антагонизмы в английском обществе, на улицах крупных городов все чаще происходят столкновения между белыми жителями и цветными — иммигрантами из различных стран Британского содружества. Одним из проявлений этого кризиса стала массовая безработица. Как отмечают английские коммунисты, она достигла уровня, который наблюдался лишь в 30-е гг. в эпоху «великого кризиса»¹. В советской печати охарактеризованы причины растущей безработицы в развитых капиталистических странах, в том числе и безработицы среди молодежи².

Если в 1977 г. общее количество безработных в Великобритании составляло 900 тыс. человек, в 1981 г. число безработных увеличилось до 1,5 млн человек³, а к концу 1984 г. эти цифры составили 3,3 млн человек⁴, причем значительную часть безработных составляет молодежь до 24 лет. В 1981 г. по данным Комиссии служб рабочей силы в Великобритании было 350 тыс. безработных в возрасте до 24 лет, в 1982 г. эта цифра возросла до 500 тыс., а в 1983 г. составила 550 тыс. человек⁵.

Безработица среди молодежи, зачастую продолжающаяся годами, служит причиной антисоциального поведения, правонарушений. В начале 80-х гг. по стране прокатились так называемые «уличные бунты», в которых принимали участие подростки в возрасте от 15 до 18 лет. В 1980 г. в Скарборо 5 тыс. подростков вступили в драку с полицией; общие убытки составили 15 тыс. фунтов стерлингов⁶. Почти все подрост-

ки, участвовавшие в беспорядках после окончания школы в течение нескольких лет находились без работы. Безработица сеет и национальную рознь среди молодежи. Политика, проводимая правящими кругами в отношении иммигрантов, поощряет постоянное преследование и травлю «цветной» молодежи так называемыми «бригоголовыми», молодежными бандами, стоящими на расистских позициях. Основной мотивацией избиения цветных является утверждение: «Они отняли у нас работу»⁷.

В связи со значительным увеличением количества безработных, порождающим различного рода антисоциальные явления, правительство консерваторов пытается разрабатывать программы, претворение в жизнь которых должно в какой-то степени приостановить рост безработицы. Проблемы молодежной безработицы постоянно находятся в повестке дня Комиссии служб рабочей силы. Созданная по инициативе консерваторов комиссия в значительной степени отражает позицию руководства правящей партии по вопросам о конкретных путях решения проблемы безработицы в целом и молодежной безработицы в частности.

С конца 70-х до 1984 г. программы по борьбе с безработицей среди молодежи не раз подвергались изменениям. Консервативные круги ни в коей степени не хотели отказаться от своей стратегической установки на поиски выхода из кризисной экономической ситуации за счет трудящихся. С другой стороны, игнорировать проблемы безработной молодежи правительство просто не могло, ситуация становилась слишком взрывоопасной. Первые решения, которые предлагало правительство консерваторов, носили явно паллиативный характер. «Программа создания рабочих мест» исходила из временного, циклического характера безработицы и не предлагала серьезных долгосрочных решений. Более серьезным подходом отмечалась «Программа возможностей для молодежи» (ЮОП), которая во многих районах страны стала единственной возможностью для выпускников школ иметь хотя бы временную работу.

В соответствии с ЮОП, разработанной еще при лейбористском правительстве, предполагалось ввести 6-месячное профессиональное обучение молодежи. Но численность безработных возросла так быстро (с 1977 по 1981 г. с 900 тыс. человек до 1,5 млн.), что весь характер «Программы возможностей для молодежи» изменился.

Когда тории пришли к власти, появились опасения, что они

ликвидируют ЮОП. В стране развернулась широкая кампания в защиту Программы. Среди множества организаций, вступивших в борьбу, было и «Движение против безработицы молодежи», поддерживаемое Коммунистическим союзом молодежи. Под натиском общественности консервативное правительство сохранило «Программу возможностей для молодежи», но изменило ее направленность с учетом требований предпринимателей⁸.

Обучение профессиональному мастерству практически было прекращено, учеников стали использовать на рабочих местах вместо кадровых рабочих, выплачивая им всего 23,5 фунта стерлингов в неделю, причем оплату производила Комиссия служб рабочей силы, а не владелец предприятия, где стажировался ученик в течение 6 месяцев. Не удивительно, что ЮОП была так популярна среди предпринимателей, ведь они использовали подростков как дешевую рабочую силу, заменяя ими труд квалифицированных рабочих.

Интересно отметить, что отрасли экономики, которые более всего нуждались в подготовленных кадрах, в наименьшей степени обеспечивались учениками через «Программу для молодежи». Как показывает таблица, на долю машиностроительной, угольной, металлургической промышленности выпадало только 23% стажеров ЮОП, в то время как розничная торговля и различные мелкие службы поглощали 53% стажеров.

Т а б л и ц а *

Отрасль	Стажеры, %
Машиностроение, металлургия	8,5
Угольная промышленность	6,5
Сельское хозяйство, лесотехническая промышленность	10,5
Легкая промышленность	8
Розничная торговля	28,5
Прочие мелкие службы	24,5
Неустановленные службы	18,5

* Comment, 1981, 22 Aug., p. 6—7.

Такое диспропорционально высокое количество подростков, занятых в сферах мелких служб и розничной торговли, объясняется прежде всего тем, что их труд гораздо дешевле.

В связи с этим многие учащиеся не задерживались на предприятиях по окончании 6-месячной программы. Число оставленных предпринимателями учеников после прохождения программы составляло в 1978 г. 70%, в 1979 г. — 57%, в 1981 г. — 35%, причем 30% из них — в Лондоне. Все большим становится процент учащихся, вновь вливающих в ряды безработных по окончании ученичества. Правительство отказывалось повысить мизерную стипендию учеников. Очень немногим из них удалось пройти производственную практику. И к тому же многие аспекты трудового законодательства, в частности меры по охране труда, не распространялись на стажеров программы, из-за чего между 1980 и 1983 гг. среди учеников ЮОП имели место смертные случаи во время работы и более 9 тыс. производственных травм из-за низкого уровня техники безопасности⁹.

Но основной причиной большого количества стажеров, оставшихся без работы после прохождения практики, было то, что подавляющее большинство крупных, хорошо организованных предприятий не принимало учеников. В 1980 г., например, 70% подростков были заняты на предприятиях, включавших менее чем 24 работника.

«Программа возможностей для молодежи» осуществлялась в первую очередь на предприятиях, где ученики не могли быть защищены профсоюзами. Следствием этого были произвол предпринимателей, плохие санитарно-гигиенические условия и низкий уровень техники безопасности.

В 1981 г. значительное число молодых людей отказывалось от прохождения «Программы возможностей для молодежи». Поддерживая их требования, многие профсоюзы призвали развернуть кампанию за изменение системы профессиональной подготовки молодежи. Комиссия служб рабочей силы вынуждена была считаться с общественным мнением. В сентябре 1983 г. «Программа возможностей для молодежи» была заменена «Программой подготовки молодежи» (ЮТС). Программа обеспечивала выпускникам школ 460 тыс. мест на предприятиях. На ее осуществление был выделен 1 млрд. фунтов стерлингов. Эта программа гарантирует выпускникам школ 1 год профессионального обучения, включая 13-недельную производственную практику.

Почти сразу четко проявились основные цели и содержание «Программы подготовки молодежи», ее незначительное отличие от ЮОП, ЮТС осуществляется либо непосредственно правительством, либо промышленными попечительскими

центрами, колледжами и рядом других организаций, таких, например, как «Помощь молодым». Промышленное попечительство охватывает приблизительно 15% всей программы¹⁰. В 1984 г. 50% выпускников школ были охвачены «Программой подготовки молодежи».

Рекламируя ЮТС, консерваторы утверждали, что новая программа обращает первостепенное внимание на профессиональное обучение. После значительной подготовки ученикам выдается специальное свидетельство, подтверждающее полученные ими знания и квалификацию. Каждый стажер должен иметь дневник ежедневной регистрации своей деятельности, его руководитель ведет еженедельную фиксацию выполненной работы. Характерно, что руководители не могут объективно оценивать успехи учеников, так как по негласному требованию правительства оценки должны быть только положительными. В свою очередь, Комиссия служб рабочей силы настаивает на том, что все учащиеся должны получить свидетельство об окончании курса. Это дает возможность правительству создать видимость, что ЮТС не только предоставляет право выбора рабочей профессии, но и дает образование.

Новая инициатива тори — это внедрение в «Программу подготовки молодежи» новейших технических средств: компьютеров, дисплеев, видеоаппаратуры. На деле они очень незначительно используются в обучении. Все это не может скрыть реальных проблем, ведь большая часть подростков, закончивших курс ЮТС, все равно остается без работы.

При прохождении ЮТС учащиеся делятся на две части. Для получения необходимых навыков они направляются либо на предприятия группы «А», либо группы «В». Те предприятия, где при осуществлении программы решающая роль принадлежит предпринимателям, относятся к группе «А». Они финансируются Комиссией служб рабочей силы, которая выделяет 1850 фунтов стерлингов в расчете на одного ученика. Деньги поступают предпринимателю, который предоставляет из данной суммы 25 фунтов стерлингов недельного пособия ученику, а на оставшиеся 550 фунтов должен обеспечить ему 3 месяца практики. Крупные фирмы обеспечивают практику сами, тогда как мелкие осуществляют 12-недельные курсы через колледжи дальнейшего образования¹¹. Существуют и так называемые предприятия группы «В». Они предназначены для подростков, страдающих физическими недостатками. Для них правительством выделено 160 тыс. фунтов стерлингов, т. е. 3 тыс. фунтов на каждого. В связи с тем, что

предприниматели отказываются предоставлять места подросткам с физическими недостатками. Комиссия служб рабочей силы организует в таких случаях прохождение программы собственными силами.

Однако все большее число молодых людей не дают согласия на участие в «Программе подготовки молодежи». Например, в Северной Ирландии каждый пятый 16-летний подросток отказывается от участия, в результате 2,5 тыс. мест оказались свободными¹². В целом по стране в ноябре 1983 г. только 55% от общего числа предполагаемых учеников согласились на прохождение «Программы». Центры занятости на местах были вынуждены угрожать отказавшимся¹³. Менее чем за полгода принцип добровольности перешел в принцип «обязательности». Большая часть молодежи убеждена, что после завершения обучения они все равно не получают работу. Летом 1984 г. тысячи молодых людей вновь влились в угнетающую очередь за получением рабочего места, а возможность получить его все уменьшается в связи с конкуренцией со стороны опытных рабочих и очередным наплывом выпускников школ. Поэтому многие рассматривают «Программу подготовки молодежи» скорее как «путь к безработице», чем как «мост» к получению работы.

Тем не менее прогрессивные организации считают, что программы типа ЮТС являются главным звеном в правительственной политике по проблеме занятости молодежи, занимают ведущее место в усилиях консерваторов ослабить проблему безработицы в стране. Поддерживаемая правительством Комиссия служб рабочей силы пытается утвердить авторитет «Программы подготовки молодежи» наряду с внедрением новых программ («Субсидия молодых рабочих» — 100 тыс. мест, «Программа «Коммьюнити» — 130 тыс. мест), целью которых является вовлечение в них все больше молодежи.

Левые силы Великобритании считают своей целью борьбу за усовершенствование этих программ и контроль за соблюдением интересов учащихся. По их мнению, следует не допускать приема стажеров на предприятия, где отсутствуют профсоюзы, а профсоюзным организациям прилагать все усилия для создания нормальных условий работы молодых людей и ознакомления их с трудовым законодательством; бороться за большее внимание местных служб рабочей силы, за увеличение денежного пособия учащимся.

По мнению прогрессивных сил Великобритании, программы по устранению безработицы среди молодежи оправдают

себя лишь в том случае, если учащимся будет гарантирована работа по окончании курса обучения.

¹ Marxism Today, 1984, February, p. 20.

² Фоменко С. В. О политике британского правительства в области трудоустройства молодежи (70-е — начало 80-х гг.). — Вопросы истории международного молодежного движения. Томск, 1983.

³ The Observer, 1980, 29 Jan., p. 12.

⁴ Morning Star, 1985, 1 Febr., p. 1.

⁵ The Observer, 1981, 12 Jul., p. 21.

⁶ Sunday Times, 1980, 4 May, p. 13.

⁷ Marxism Today, 1981, November, p. 14.

⁸ Comment, 1981, 22 Aug., p. 6, 7.

⁹ Marxism Today, 1984, February, p. 23.

¹⁰ Tribune, 1983, 28 Jan.

¹¹ New Society, 1983, 7 Apr., p. 16.

¹² Ibidem.

¹³ Marxism Today, 1984, February, p. 23.

А. А. СТУКАНОВ

ПОЛИТИКА АДМИНИСТРАЦИИ Р. РЕЙГАНА И ПОЛОЖЕНИЕ АМЕРИКАНСКОГО СТУДЕНЧЕСТВА В НАЧАЛЕ 80-х гг.

Начало 80-х гг. характеризуется в США ростом влияния консервативных сил в определении внутренней и внешней политики страны, усиленного приходом к власти администрации Р. Рейгана. Дискредитация программ решения назревших в американском обществе проблем, которые традиционно выдвигал американский либерализм, идейно-политические противоречия среди либералов привели к разочарованию в либерализме и сдвигу настроений американского общества вправо, попыткам возрождения консервативной идеологии, возврата к «традиционным американским ценностям». Этому в значительной степени содействовала пропагандистская кампания буржуазных средств массовой информации и такой важный фактор, влияющий на сегодняшнюю политическую жизнь США, как активизация консервативных организаций и группировок. Среди них выделяются прежде всего «новые правые», включающие правые политические организации «Консервативный кокус», «Комитет за выживание свободного конгресса», «Национальный консервативный комитет политических действий» и др., и правые религиозные организации, претендующие на выражение интересов и настроений американских христиан-фундаменталистов. К последним относится «Моральное большинство», «Христианский голос», «Религиозный круглый стол» и ряд других. Большое влияние в 80-е гг. приобрела группа ученых, политиков, публицистов, известных как «неоконсерваторы», чьи выступления по различным политическим и социально-экономическим вопросам оказывают воздействие на формирование политики правительства США. Все большую роль в определении политики консерваторов играют также «мозговые тресты» — научно-исследовательские организации и центры консервативного направления. Непосредственное влияние на политику администрации

Рейгана оказывают исследования и рекомендации таких из них, как «Фонд наследия», Американский предпринимательский институт, Гуверовский институт войны, мира и революции.

Политика консерваторов в отношении американской молодежи и, в частности, студенчества проводится в рамках общенациональной кампании «назад к основам», преследующей цель возврата к традиционным американским ценностям, — религии, семье, минимальному регулированию экономики государством. Студентам консерваторы уделяют особое внимание, справедливо полагая, что завоевание их на свою сторону было бы для них большой идеологической победой. После студенческих волнений конца 60 — начала 70-х гг. университеты в глазах консерваторов по-прежнему остаются опорой либерализма. Нынешние студенты скоро займут свои места в экономике, политике, науке, и от их мировоззрения во многом зависит политический климат в стране в недалеком будущем. Поэтому американские правые стремятся привить молодежи «традиционные американские ценности», прежде всего используя сферу образования. В предвыборной платформе республиканской партии 1980 г. отмечено: «Вслед за религиозным воспитанием и семьей образование является самым важным средством, с помощью которого родители передают каждому новому поколению свои идеалы и убеждения. Это основа свободного общества»¹. Президент Гарвардского университета Д. Бок говорил в интервью «Ю. С. ньюс энд Уорлд рипорт»: «Существует широко распространенное мнение, что семья и церковь не так влиятельны, как когда-то, в передаче ценностей индивидууму. Если это так, университеты должны еще серьезнее отнестись к своим обязанностям в этих вопросах»². Наконец, известный реакционный социолог, сотрудник Гуверовского института С. Хук, долгое время преподававший политическую философию в Нью-Йоркском университете, рассматривает задачу образования молодежи следующим образом: «Мы должны стремиться развивать и вдохновлять верность демократии у молодежи через добросовестное исследование функционирования демократического общества, изучая его историю, прославляя его героев и отмечая его достижения». Далее в своей статье в журнале «Комментари» Хук прямо требует, чтобы в основе пропаганды традиционных ценностей лежал антикоммунизм³.

В экономическом отношении на положение студенчества США большое влияние оказала «рейганомика». Одной из ее

целей является передача некоторых функций федерального правительства штатам и местным органам власти, а также сокращение целого ряда социально-экономических программ, в частности, финансирования высшего образования и федеральной финансовой помощи студентам. Придя к власти, президент Рейган прежде всего резко сократил федеральную финансовую помощь студентам, которая до него была одной из самых быстрорастущих программ. С 1976 по 1981 г. она увеличилась на 82%. Выступая в подкомитете по высшему образованию палаты представителей в сентябре 1981 г., директор административно-бюджетного управления Д. Стокмэн заявил, что помощь студентам «не является обязанностью налогоплательщика»⁴. Главными жертвами сокращений оказались две крупнейшие программы помощи студентам: стипендии для наиболее нуждающихся и студенческие кредиты. Стипендиями, средний размер которых составлял 838 дол., в 1981 г. воспользовались 2,7 млн. студентов, в основном из семей с низким доходом. Помимо того, что эти стипендии с 1982 г. сократились в среднем на 80 дол., около 250 тыс. студентов лишились права на нее из-за того, что доход их семей превышает 16 тыс. дол., доход в условиях сегодняшней Америки очень невысокий. Получение кредита, который в 1981 г. был предоставлен 3,5 млн. студентов, ограничено для тех, чей семейный доход превышает 30 тыс. дол. Процентная ставка при этом поднялась с 7 до 9%. В целом федеральная финансовая помощь студентам была урезана на 191 млн. дол. И хотя под давлением общественности конгресс отверг дальнейшие сокращения такой помощи, предлагавшиеся президентом на 1983 фин. г., сокращения предыдущего года остались в силе⁵.

Перенесение центра тяжести финансирования образования на штаты и местные органы власти сократило средства, которыми располагают университеты и колледжи. В целом за период с 1981 по 1984 г. затраты федерального правительства на нужды образования уменьшились на 10%. Оказание финансовой помощи тем, кто либо получает недостаточно, чтобы оплатить свое обучение, либо вовсе лишен средств, предоставлено самим колледжам и органам образования штатов. Так как расходы университетов постоянно увеличиваются, а частные пожертвования нерегулярны и различны у разных учебных заведений, они вынуждены увеличивать плату за обучение. Если в 1965 г. плата за обучение в государственных университетах в среднем равнялась 1051 дол., а в частных — 2202 дол., то в 1984 г. она составила соответственно 3670 и

9310 дол. Например, в Гарвардском университете плата за обучение составляет 9800 дол., а вместе с питанием и жильем 14100 дол. в год⁶. В 1984/85 уч. г. плата в целом повысилась еще на 8%, причем в большей степени в государственных университетах. В университете штата Вирджиния, например, стоимость обучения поднялась на 15,3%⁷.

Сталкиваясь со значительными финансовыми затруднениями, университеты и колледжи решают вопрос оказания финансовой помощи студентам, исходя из конкурса. В престижных школах происходят изменения в правилах зачисления, которые «вызывают страх возвращения к временам, когда только богатым было доступно образование в частных колледжах». Так, например, Уэслиан-колледж в штате Коннектикут жестко ограничил часть бюджета, идущую на финансовую помощь. Если 90% принятых студентов не требует ее, то остальным 10% студентам, нуждающимся в помощи, может быть отказано в приеме. Ответственный за зачисление студентов университета Брауна Дж. Роджерс признает, что «дважды за последние годы, когда нужно было решить, кому предоставить 3% оставшихся после зачисления вакансий, из академически одинаково подготовленных абитуриентов мы выбрали тех, кто может оплатить учебу»⁸.

В условиях нестабильной экономики и беспрецедентно высокого уровня молодежной безработицы многие молодые американцы смотрят на диплом колледжа или университета как на необходимость для получения хорошей работы, ведущей к материальному благосостоянию. Если в 1974 г. 33% учащихся старших классов средней школы собирались поступать в четырехгодичный колледж, то в 1983 г. их число увеличилось до 54%. Однако для получения хорошей работы нужен не просто диплом, а получение специализированного образования, непосредственно связанного с реальной работой на производстве. Поэтому падает интерес молодежи к изучению гуманитарных наук и одновременно растет стремление к получению специальности, находящей наибольший спрос на рынке труда. Специалист по вопросам высшего образования А. Рэксин с горечью замечает, что «те студенты, которые ищут работу после получения степени по классической литературе, часто имеют меньше шансов найти работу, чем те, кто 1—2 года учился в младшей профессиональной школе»⁹. Рост заинтересованности в качественном образовании вызвал критику программ, предлагаемых университетами и колледжами, а также усиление требований при приеме в учебное заведение. В средней

школе все большее внимание уделяется улучшению подготовки учащихся для поступления в высшую школу.

На положение американской системы высшего образования влияет стремление молодежи попасть в привилегированное учебное заведение. «Студенты становятся более чуткими к выгоды того или иного колледжа, думая, что получают больше преимуществ от степени, которую дают более престижные заведения», — подчеркивает профессор Калифорнийского университета в Лос-Анджелесе А. Остин¹⁰. Появился даже термин «модный колледж». В основном это один из университетов и колледжей Северо-Востока, входящий в состав так называемой «Плюшевой лиги», — сети традиционно сильных частных учебных заведений, но «модными» также называют и некоторые другие; например, Стэнфордский и Чикагский университеты, и наиболее сильные государственные университеты: Мичиганский в Энн-Арборе, Висконсинский в Мэдисоне, Калифорнийский в Беркли, университеты штатов Вирджиния, Сев. Каролина, Индиана, Иллинойс и др. Журналист М. Уайнрип, опубликовавший обзор «Модные колледжи» и как они такими становятся», пишет: «...не совсем ясно, что каждый понимает под словом «модный», так как причины этого, приводимые старшеклассниками, различаются от погодных условий в Стэнфорде до профессиональной ориентации программ в Северозападном университете в Эванстоне (Иллинойс)»¹¹. Главной причиной выбора абитуриентами той или иной престижной школы, однако, является ее имя, дающее перспективу получения лучшей работы и, следовательно, лучшего материального благосостояния. В условиях экономической неопределенности престижные колледжи считаются хорошим помещением денег. И хотя спад рождаемости, начавшийся в середине 60-х гг., привел к уменьшению числа 18-летней молодежи (1979 — 4,3 млн., 1984 — 3,8 млн.), количество заявлений в престижные школы продолжает быстро расти. По сравнению с 1979 г. в 1984 г. число желающих учиться в Джорджтаунском университете увеличилось на 31%, в Стэнфордском — на 32%, университете Дьюк — на 33%, Северозападном — на 44%. Только за один год количество заявлений, поданных в Принстонский университет, выросло на 16%, в Северозападный — на 13%, в университет Джонса Гопкинса — на 23%¹².

В условиях, когда американские школьники стремятся попасть в привилегированные университеты и колледжи, менее известные оказываются в трудном положении. В университете

штата Монтана количество заявлений упало в 1984 г. на 25%. Хэмпшир-колледж, в западном Массачусетсе, почти так же дорог, как университеты и колледжи «Плющевой лиги». В 1970 г. он получил 2782 заявления, принял 288, из которых занимались 285 человек. В 1983 г. заявлений было подано 1120, принято 695 и лишь около половины этого числа приступили к занятиям¹³.

Недостаток средств для оплаты обучения и нежелание лучших университетов и колледжей предоставлять студентам финансовую помощь и восполнять недостатки академической подготовки в средней школе вынуждают многих молодых людей вербоваться в армию. Опрос, проведенный Институтом военных исследований в 1984 г., показал, что 20,3% новобранцев преследовали цель заработать деньги на обучение. Большим стимулом для молодежи являлось жалование во время службы, с 1976 г. оно выросло на 56%¹⁴. В военной академии в Уэст-Пойнте количество заявлений, которое в 1979 г. было почти таким же, как в 1970 г., резко увеличилось к 1984 г. — с 9180 до 13400. Многие предпочитают Уэст-Пойнт Гарварду, Стэнфорду и другим привилегированным заведениям. Одной из главных причин такого выбора является бесплатное обучение в академии. Более того, курсанты получают ежемесячную стипендию, обязуясь за это отслужить после окончания пять лет в армии. Первокурсник Стюарт Эверед, собиравшийся поступать в Гарвард, так объясняет перемену своего решения: «Может быть, в армии денег меньше, чем на работе после школы из «Плющевой лиги», но ведь нет гарантии вообще получить эту работу»¹⁵. Резко увеличилось число студентов, записавшихся на курсы подготовки офицеров запаса. В университете штата Кентуки их число увеличилось за период с 1980 по 1984 г. в четыре раза. Однако вряд ли можно считать главной причиной этого патриотизм молодежи, как утверждают консерваторы. Более важным поводом является стипендия, которая полностью покрывает плату за обучение, и дополнительные 100 дол. каждый месяц.

Консервативная политика Белого дома в области образования, таким образом, отразилась на всей системе высшего образования страны. Во-первых, она дискриминационна по отношению к студентам из семей с низким доходом. Национальная комиссия по финансовой помощи студентам отметила, в частности, что по сравнению с 1974 г. в 1981 г. федеральную помощь получило более чем в два раза больше студентов из семей с доходом свыше 20 тыс. дол. В то же время

среди студентов с самым низким семейным доходом число получивших такую помощь практически не изменилось. Президент Северовосточного университета в Бостоне К. Райдер, являющийся председателем подкомитета по источникам фондов Комиссии, указывает на возрастание помощи студентам со средним доходом и предупреждает, что «мы можем постепенно превратиться в страну, где только богатые могут быть преуспевающими и образованными»¹⁶. Во-вторых, такая политика поставила в трудное положение многие университеты и колледжи страны, что также в первую очередь отражается на студентах из малообеспеченных семей. Престижные учебные заведения, как частные, так и государственные, становятся все более элитарными. Каждый университет или колледж стремится «вырвать» студентов и финансовые средства у своих соседей. Среди тех, кто не может позволить себе дорогой и престижный колледж, большее число имеет недостаточную академическую подготовку, прежде всего это дети из рабочих семей. «Таким образом, — пишет президент Хартфордского университета (Коннектикут) С. Трахтенберг, —...все больше переворачивается с ног на голову историческая миссия государственных университетов и колледжей. Если они предназначались, чтобы помочь в образовании тех, кто не может позволить себе более дорогое независимое учебное заведение, то сейчас они все более открыто соревнуются с независимыми колледжами за студентов из среднего и выше среднего классов с лучшей академической подготовкой»¹⁷.

Усиление влияния консервативных сил в различных сферах жизни американского общества не могло не оказать воздействия и на настроения молодежи и студентов. Опросы молодежи показывают, что по сравнению с 1974 г. число старшеклассников 17—18 лет, регулярно посещающих церковь, увеличилось к 1983 г. на 40% и достигло 65%. Среди студентов интерес к религии, резко упавший в конце 60-х гг., сейчас вновь повышается. Более половины старшеклассников в указанной возрастной группе считают, что ядерное оружие необходимо для защиты нации. Отвечая на вопрос «Какая страна может начать ядерную войну», 47,6% опрошенных студентов назвали СССР, 7,7% — США, 20,5% обвиняют в гонке вооружений СССР, 3,3% — США, 76,3% называют ответственными за нее обе страны¹⁸. На выборах 1984 г. 58% молодежи 18—24 лет отдали свои голоса республиканцу Рейгану, тогда как традиционно американская молодежь предпочитала кандидатов от демократической партии. Однако и сами консер-

ваторы понимают, что молодежь в США очень непостоянна в своих настроениях, и что в любой момент ситуация может измениться в обратную сторону.

Утверждая бесспорность сдвига студенчества США вправо, консерваторы указывают на падение их политической активности. Для доказательства этого нынешних студентов сравнивают с их беспокойными сверстниками конца 60-х гг. «Во время беспорядков 60 — начала 70-х гг. казалось нереальным, что когда-нибудь восстановится мир. Теперь кажется нереальным, что все это было», — замечает социолог из Калифорнийского университета в Беркли Н. Спенсер¹⁹.

Падение интереса студентов к политическим проблемам А. Остин объясняет тем, что они перестали верить в свою способность повлиять на национальную политику. В них «больше пессимизма по поводу того, что правительство или крупные организации откликнутся на их заботы»²⁰. С Остином согласен профессор Гарвардского университета Д. Рисман: «Студенты менее активны, так как охвачены паникой за свое будущее... пока студенты пессимистичны, они вряд ли будут активны»²¹. Ежегодный национальный опрос первокурсников, проводимый Остином, в 1983 г. показал, что по сравнению с 1969 г. число юношей, для которых политические дела стали менее важными, увеличилось на 18%, девушек на 33%. В то же время число юношей, для которых финансовый успех стал «очень важным», за тот же период увеличилось на 28%, а девушек — на 75%. Общее число студентов, для которых финансовое благополучие представляет важную личную цель, имеет тенденцию к постоянному росту (1967 г. — 43,5%, 1983 г. — 69,3%, 1984 г. — 71,2%)²².

Несмотря на то, что многие американские студенты в целом склоняются к осторожности в политике, к индивидуализму, скептически в отношении к радикальным средствам решения острых общественно-политических вопросов, в американской прессе появляются материалы, свидетельствующие о том, что они не отказались от политической деятельности. Студенты протестуют против угрозы ядерной войны, американского присутствия в Центральной Америке и некоторых других проявлений политики президента Рейгана. И хотя при этом среди студентов Америки нет того согласия, которым характеризовались политические требования 60-х гг., что сегодня они гораздо сильнее обеспокоены своим будущим и проблемами, связанными с учебой, чем политикой, не дает достаточных оснований говорить об их коренном повороте вправо.

Проведенное в начале 1985 г. Американским советом по образованию совместно с Калифорнийским университетом в Лос-Анджелесе исследование настроений первокурсников показало увеличение числа студентов, называющих себя либералами и небольшое уменьшение относящих себя к консерваторам²³. Крайняя реакционность правящих кругов не находит отклика у все большего числа американских студентов. Не способствует усилению консервативных настроений у студенчества и социально-экономическая политика Белого дома, являющаяся антидемократичной и противоречащая интересам молодежи страны. Все большее число студентов находит трудным разделять консервативные убеждения и верить в экономическую систему, которая не обеспечивает работу или финансовую помощь. Выдавая за консерватизм переход части либерально настроенных студентов на конформистские позиции, американские правые вынуждены признать, что хотя в целом настроения студенчества страны отражают процессы, происходящие в американском обществе, им не удается добиться решающего влияния в кампусах.

¹ National Party Platforms of 1980: Comp. by D. B. Johnson. Urbana, 1982, p. 183.

² US News & World Report, 1983, 21 Febr., p. 83.

³ Commentary, 1984, August, p. 50.

⁴ The Economist, 1981, 14 Nov., p. 55.

⁵ US News & World Report, 1982, 12 Apr., p. 52—53; The Economist, 1981, 24 Nov., p. 55.

⁶ US News & World Report, 1984, 4 Jun., p. 65.

⁷ US News & World Report, 1984, 16 Apr., p. 70.

⁸ The New York Times Magazine, 1984, 18 Nov., p. 173.

⁹ USA Today, 1984, January, p. 78.

¹⁰ The Washington Post, 1984, 20 Oct., p. A10.

¹¹ The New York Times Magazine, 1984, 18 Nov., p. 69.

¹² US News & World Report, 1984, 16 Apr., p. 70.

¹³ The New York Times Magazine, 1984, 18 Nov., p. 168.

¹⁴ USA Today, 1984, May, p. 13—14.

¹⁵ The New York Times Magazine, 1984, 18 Nov., p. 168.

¹⁶ USA Today, 1984, May, p. 53—54.

¹⁷ USA Today, 1984, November, p. 80.

¹⁸ US News & World Report, 1984, 16 Apr., p. 35, 37.

¹⁹ US News & World Report, 1983, 31 Jan., p. 44.

²⁰ US News & World Report, 1981, 28 Dec., p. 87.

²¹ US News & World Report, 1981, 31 Jan., p. 47.

²² USA Today, 1984, January, p. 77; US News & World Report, 1985, 21 Jan., p. 14.

²³ US News & World Report, 1985, 21 Jan., p. 14.

СОДЕРЖАНИЕ

Ю. М. Климов (Москва). Кризис системы социализации молодежи в современном капиталистическом обществе	3
Т. А. Бяликова (Томск). Борьба прогрессивных сил ФРГ за демократическую реформу высшей школы (60-е — начало 80-х гг.) .	13
В. В. Микушов (Елец). Борьба двух политических линий в профсоюзном движении ФРГ и «Профсоюзная молодежь в ОНП» (конец 60-х — начало 80-х гг.)	32
Г. Г. Супрыгина (Томск). Проблемы молодежи в деятельности СДПГ (вторая половина 70-х — начало 80-х гг.)	49
Ю. Н. Антрушин (Москва). Особенности развития социал-партнерской идеологии в профсоюзном молодежном движении ФРГ	71
О. И. Ющенко (Томск). Основные направления молодежной политики ХДС/ХСС (конец 70-х — начало 80-х гг.)	88
С. В. Фоменко (Омск). О пропаганде и деятельности лево-экстремистских группировок среди английской молодежи (70-е — начало 80-х гг.)	106

Сообщения

Е. В. Шелупанова (Томск). Английские консерваторы и проблемы безработицы молодежи (1979—1984 гг.)	119
А. А. Стуканов (Томск). Политика администрации Р. Рейгана и положение американского студенчества в начале 80-х гг.	126

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ МЕЖДУНАРОДНОГО
МОЛОДЕЖНОГО ДВИЖЕНИЯ

ИБ 1754

Редактор *В. А. Малаховская*
Технический редактор *Г. Н. Гридина*
Корректор *Н. Н. Стенина*

Сдано в набор 18.07.86 г. Подписано к печати 12.03.87 г. КЗ06126. Формат 60×84¹/₁₆. Бумага типографская № 3. Литературная гарнитура, Высокая печать. Печ. л. 8,5; усл. печ. л. 7,9. Уч.-изд. л. 7,8. Тираж 1000 экз. Заказ 413.
Цена 1 р. 20 к.

Издательство ТГУ, 634029, Томск, ул. Никитина, 4.
Тип. «Красноярский рабочий», г. Красноярск, пр. Мира, 91.

1 р. 20 к.

1-641106

Томский госуниверситет 1878

Научная библиотека 00409968